

The Society for Studies of Tajikistan and Iranian Peoples beyond its borders.

M. S. Andreev

ON THE ETHNOLOGY OF AFGHANISTAN

THE VALLEY OF THE PANJSHIR

(Materials from a trip into Afghanistan in 1926)

TASHKENT

1927

Ипанширская народность за его пределами.

ОБЩЕСТВО ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТАДЖИКИСТАНА И ИРАНСКИХ НАРОДНОСТЕЙ
ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ

M. C. Андреев

§

**ПО ЭТНОЛОГИИ
АФГАНИСТАНА**

Долина Панджшир

(Материалы из поездки в Афганистан в 1926 г.)

ТАШКЕНТ

1927

25078

L. Soc. 106.30.7.1
Exchange with The Society
100, ...

ТАШКЕНТ,
тип. № 2 Казгиз.
Ташоблит № 128. Заказ № 937.
Тираж 600 экз.
1927.

Tashkent
Тип. № 2 Казгиз.

Летом минувшего 1926 г. мне удалось побывать ненадолго в Афганистане. В пределах этой, до сих пор еще очень мало доступной для европейцев и крайне интересной, страны я пробыл, к сожалению, всего только около четырех месяцев. Жизнь кругом была так разнообразна, так интересна взору привыкшего, как я, к укладу жизни Средней Азии: общие с Туркестаном черты и, в то же время, много своего, отдельного, непохожего проходило кругом калейдоскопом—что первое время я решительно не знал, на чем остановиться. Чтобы не разбрасываться в раскидывавшемся кругом море интересного я попробовал все же установить некоторые границы для ознакомления с окружающим и решил, чтобы не терять дорогого времени, сосредоточиться на двух-трех отдельных предметах. Так как меня давно уже интересовали этнография и диалекты иранских народностей (таджиков) Туркестана и Бухары, то мне, естественно, хотелось пополнить свои сведения в знакомой области, познакомься с тем, что представляют собою таджики Афганистана. Мне казалось, что для этого лучше всего было взять в виде образчика один определенный район и попытаться собрать в отношении его те сведения, которые я мог бы получить. Мой выбор в этом отношении пал на долину Панджшира, населенную почти исключительно таджиками. Данные за этот выбор были следующие.

Панджшир расположен сравнительно недалеко от Кабула, нижний конец его находится на расстоянии дня езды от Джабл-ус-Сираджа, через который проходит обычный летний путь из Кабула в Мазар-и Шериф и была поэтому некоторая надежда на возможность заезда туда по дороге домой, для дополнительного сбора сведений уже на месте. С другой стороны, долина Панджшира, расположенная на южном склоне Гиндукуша, могла, казалось бы, достаточно сохранить в более чистом виде своих засельников, по сравнению с более открытыми местностями Афганистана, а положение этой долины на юге Гиндукуша делало интересным этнологическое изучение этого района, как образчика малоизвестной области южных таджиков.

Другой небольшой работой, на которой я остановился за время своего пребывания в Афганистане, была запись в Кабуле материала по двум пашайским диалектам, к которым я потом присоединил еще небольшую запись по диалекту парачи, сделанную мною в сел. Гуль-Бахар (около Джаблус-Сираджа). Я не имел представления, что предо мною в 1924 г. материалы по данным диалектам были уже собраны работавшим тогда в Афганистане норвежским исследователем Morgenstjerne (Мг. Morgenstjerne) и узнал об этом только в конце 1926 г., вернувшись из Афганистана. Если позволят обстоятельства, надеюсь опубликовать потом собранный мною материал по данным диалектам дополнительно.

Мои этнографические сборы протекали в следующих условиях. Я не имел, к сожалению, возможности свободно двигаться в Афганистане, а потому, вместо того, чтобы ехать прямо в Панджшир и собирать этнографический материал на месте, я, находясь первое время безвыездно в Кабуле, должен был ограничиться собиранием его расспросным путем у попадавших туда панджширцев. К счастью, приходивших на заработки в Кабул жителей Панджшира оказалось очень много и выбор поэтому был очень велик. Я мог при расспросах добиться от них в некоторых отношениях даже большего, чем если бы я был в Панджшире, так как оторванные от дома и находящиеся при мне люди, привыкая, делались как-то более откровенны и доверчивы, чем в своей родной среде при некотором общем недоверчивом там отношении окружающих к иностранцам. С другой стороны, имея одновременно не одного из них, а двух—трех для своих разговоров, я мог проверять или дополнять полученные мною сведения от одного расспросами среди других и должен сказать, к чести своих осведомителей, что ни разу не наткнулся среди них на желание давать ложные сведения. Наоборот, своей правдивостью и сравнительной честностью они очень благоприятно выделялись на фоне кабульской прислуги, обслуживающей иностранцев. Если они что-нибудь не знали, то тотчас же, не стесняясь, заявляли об этом. Потом, при посещениях Панджшира, проверяя сказанное ими на месте, я не раз имел возможность убедиться в их полной правдивости при сообщении сведений про свою родину.

Несколько не везло мне, конечно, при собирании сведений расспросным путем с описательной стороны. Тут ясно сказались справедливость персидской пословицы— „можно ли сравнить то, о чем слышал, с тем, что видел?“—
سینه کی

بود مانند دین. Нейзбежно поэтому были пропуски, недостающие для равномерности освещения общей картины. Внутреннее расположение домов, напр., я, конечно, не решался затрагивать в своих расспросах, чтобы не получить ошибочного впечатления, надеясь потом при личном осмотре пополнить пробел. Оказалось, однако, что при подозрительном отношении к иностранцам попадать в панджширские дома было почти невозможно. Вот одна из причин, почему в настоящих материалах выпущены некоторые стороны, существенные для полноты описания. Другой причиной некоторой незаконченности в сборе сведений была необходимость прекратить записи и спешить с возвращением домой в виду начавшихся уже у меня занятий в университете.

Пред отъездом из Кабула мне все же удалось побывать на короткое время в Панджшире, куда я проехал со стороны Джаблус-Сираджа, т. е. снизу. Я доехал до сел. Бурдж-и Яман и вернулся тем же путем обратно. Эта поездка по Панджширу, несмотря на свою краткость, позволила мне несколько проверить собранные мною до того материалы и частично их дополнить.

Условия, при которых я работал в Афганистане, в общем нельзя было назвать очень благоприятными для сбора сведений. Я, как упомянуто выше, не мог ездить туда, куда хотел бы, нужных мне людей принужден был искать сам и часто находил их только с большим трудом (я подразумеваю не панджширцев, а пашайцев и парачи) и, к тому же, не мог отдавать для расспросов и записей всего своего времени. В этом отношении я находился далеко от менее благоприятного положения, чем Мг. Morgenstjerne, снабженный личным письмом норвежского короля к эмиру, и могу только порадоваться за более счастливого шведского исследователя. Но все же, оглядываясь назад, не могу не почувствовать признательности афганскому правительству, стоящему уже на такой культурной высоте, что со стороны его представителей за время моего пребывания в Афганистане решительно не было никаких препятствий моим записям. Более того, в тех случаях, когда мне приходилось с ними разговаривать, я встречал выражения полного сочувствия. Приношу на этой почве мою признательность афганскому военному ведомству, в особенности г. Мухаммад Омар-Хану, любезно снабдившему меня охраной при моем возвращении из Кабула и выражавшему за время моего пребывания в Кабуле интерес к моим работам. Поль-

зуюсь также случаем, чтобы засвидетельствовать мою благодарность членами русской колонии в Кабуле за их доброе отношение во время моего пребывания в Кабуле, в частности, В. А. Кукель-Краевскому за его неоднократную любезность. Председателю Общества для изучения Таджикистана и сопредельных иранских стран А. А. Знаменскому за его неизменно доброе отношение и высококультурную поддержку приношу свою самую глубокую и сердечную благодарность и признательность.

М. Андреев.

21 февраля 1927 г.
Ташкент

I
МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ

Некоторые географические данные.—Хавакский перевал.—Мосты.—Происхождение названия долины Панджшир.—Исторические предания.—Панджширцы—таджики.—Административное устройство.—Следы родового деления.—Сословное деление.

Панджшир представляет собою горную долину, вытянувшуюся приблизительно на 120 верст с северо-востока на юго-запад по южному склону Гиндукуша. Началом ее могут считаться окрестности самых верхних ее селений—Ханак и Париял, а нижним концом—горные ворота, теснина, сквозь которую пробивается р. Панджшир, чтобы выйти у сел. Гуль-Бафор на равнину, ведущую к Кабулу. „Ноги Панджшира—сел. Аноба“—„Пою Панджшир Аноба“, говорит старинная местная пословица. Можно думать, что она составлена раньше, чем возникли потом другие населенные пункты, лежащие ниже указанных пределов. Так самым нижним панджширским селением, например, является в настоящее время Куроба, лежащее ниже Анобы, но можно предположить, что оно сравнительно более позднего происхождения.¹

То сжимаясь сходящимися величественными горными массивами с обеих сторон, так, что дороге приходится иногда забираться вверх, то несколько расширяясь и давая возможность приютиться на сравнительно

¹ Сел. Куроба, неправильно показанное, как „Караба“, на нашей 12 верстной карте Афганистана, также и на английской 8 мильной находящимся на правом берегу р. Панджшир, на самом деле расположено на левом берегу этой реки. Самое название селения местные жители производят от легенды, согласно которой здесь когда-то, якобы, был источник, пившие воду которого становились слепыми—отсюда будто бы „Кур-оба“ (كور اوبا), т. е. „слепые от воды“.

Селение Куроба, самое нижнее в настоящее время селение, расположенное в долине Панджшира по течению р. Панджшир, интересно в том отношении, что это единственное селение в Панджшире, где жители говорят еще на «*нарачи*»—особом языке, которым, кроме них, говорят еще несколько селений в совсем, повидному, не исследованной еще долине *Шотуль*, лежащей на запад от долины Панджшир, между долинами Саянга и Панджшира. На английских и на русских картах она неуверенно показана пунктиром, без каких бы то ни было там селений и названий, но, на самом

пологом пространстве селению—обычно при впадении какой-нибудь боковой долины, имея могучую горную реку, с шумом катящую свои пенящиеся воды, с веселой зеленым полос садов и полей долина Панджшира очень живописна и красива. „С селениями кугистани вниз и с зубчатыми крепостями вверх, прорываясь то там, то здесь расширяющимися пространствами, где древние террасы прежнего русла реки испещрены и окаймлены искусственными террасами современных полей, а густые рощи абрикосов и грецкого ореха, группируются у подножья склонов и степ разбросанных деревень—по сравнению с этими долинами (Панджшир и Гурбанд) более очаровательного вида не найти и в Альпах“, говорит сер Томас Холдич.¹

Нижняя и средняя часть долины расположены настолько низко, что там вызревает виноград, но по мере поднятия дальше вверх уровня долины климат становится все суровее и суровее, пока земледельческая жизнь

деле, там, по словам таджиков, имеется *восемь селений*, где в трех (Де-и Калон—100 домов, Мо'ра—20-30 домов и Андосот—40 домов) говорят на языке или диалекте *парачи*, а в остальных пяти по персидски (فارسی). По преданию, сохранившемуся среди шютульцев, их предок Шютуль переселился из Нижьрау вместе с Куроба и Соляньгом (т. е. „Хромым Со“—سالیگ). Они втроем пришли в места, где теперь они живут, при чем Соляньг пришел еще из своих мест, уже говоря, якобы, по персидски. Их потомки и населяют теперь обитаемые ими места. По происхождению все они считают себя таджиками, но те, которые говорят на языке *парачи*, называют себя, как и их другие, иногда также, кроме того, *парачи*. О местонахождении других *парачи* они не имеют представления и считают, что в Куроба, Шютуль и Нижьрау проживают единственные *парачи* на свете. Их язык общий. Диалект другой особой филологической группы, лежащей неподалеку от них (к востоку от селения Гуль-Баһор), состоящей из селений Булягайн, Саиджон, Куна-Де, Дурр-Нома и Гиява (Гижова) они называют пашайским и его не понимают. Записанные мною образцы речи обеих групп будут приведены отдельно.

Помимо упомянутого выше неверного указания расположения сел. Куроба в существующих картах Афганистана, вообще по понятным и вполне извинительным причинам часто многогрешны, имеются в отношении Панджшира видимо, и другие несправильности или архаизмы. К числу последних можно отнести в настоящее время неточное указание главного пути, вводящего в Панджшир со стороны Кабула. На картах показан только старый путь в Панджшир, ведущий от Гуль-Баһара в обход через пер. Дербенд. В настоящее же время этот путь уже малоупотребителен, т. к., с разработкой прямой дороги, по правому берегу Панджа между с. Заманкур и Гульбаһар, все главное движение происходит по этому направлению.

¹ Imperial Gazetteer of India. Afghanistan and Nepal. Calcutta, 1908, p. 3.

не замирает совершенно пред подъемом в верку долины на главные гребни Гиндукуша.

Вся долина Панджшира, вытянувшаяся с северо-востока на юго-запад, как в подобных случаях и в других таджикских странах, резко делится рекой на две стороны—„солнечную“, называемую панджширцами „*питату*“ и „теневую“—„*нишиар*“.¹ Характер обеих сторон долины представляя, естественно, большую разницу в климатическом отношении, поэтому востит целый ряд и экономических особенностей. В „*питату*“, где солнечные лучи падают более отвесно, все, естественно, поспевает раньше. Это отражается и на пастбищах: трава вырастает быстрее и лучше на солнечных склонах, но затем летом выгорает и таджики, пасшие там скот приблизительно до периода созревания тут, перегоняют его потом через реку на менее освещенные солнцем склоны левой половины долины, где трава держится дольше. Этому благоприятствует также то обстоятельство, что мосты через р. Панджшир, которые река обычно срывает в своем полове, при понижении к тому времени уровня воды в реке, снова восстанавливаются. Характер обеих сторон особенно сказывается в верхней части долины, где на „солнечной“ стороне вызревают на одном уровне такие посевы, которые не успевают вызреть на „тенево“.

Через Панджшир проходит большая караванная дорога, ведущая из Кабула в Бадахшан, и только несколько лет тому назад эта же дорога, проходящая через Панджшир, перестала служить одновременно и главным путем для сообщения между Кабулом и Туркестаном, для какой-то надобности в самых верховьях долины туркестанский путь отделяется от бадахшанского, и через удобный и сравнительно легкий перевал Хавак (около 11,600 ф. высоты), где сообщение поддерживалось и зимою, выводит в Афганский Туркестан. Путь через Панджшир в Туркестан за последние годы оставлен в виду предпочтительного направления движения зимою теперь через Бамян, а в осенние месяцы и во вторую половину лета—по кратчайшему направлению через вновь разработанный до некоторой степени, но незавершенный еще окончательно разработкой пер. Соляньг. Но, как говорили мне панджширцы, в зимние месяцы часть сообщения между Кабулом и Афганским Туркестаном все еще продолжает проходить и через Панджшир.²

¹ Очень интересны следы старого языка панджширцев, предшествовавшего их нынешнему персидскому наречию, сохранившиеся, как полагаю, в этих словах. Во многих других персианизированных по языку таджикских странах—в Матче, Каратегине, напр., солнечная сторона долины называется уже по персидски—„*офтбур*“ (آفتاب رو), теневая „*сола-ру*“ (سایه رو).

² Большое караванное движение между Туркестаном и Кабулом, проходившее в течение долгого времени через Панджшир, и еще и теперь продолжающееся зимою, когда другие соседние перевалы через Гиндукуш бывают закрыты, вместе с упомянутым

Хавокский
(Хавакский)
перевал.

Относительно перевала Хавок (местное произношение названия перевала, известного у нас, как Хавак) мне от панджирцев пришлось слышать следующее. В старое время движение через него поддерживалось круглый год. С этой целью в течение пяти месяцев (три зимних и двух весенних) специально держались особые отряды — на северной стороне в 20 чел., под командой «бист-боши», состоял из жителей сел. Дон'а Ачор, а с южной стороны, более снежной, отряд под перевалом держался в 300 чел. Он набирался из жителей разных селений Панджира и стоянки его было укрепление Хавок. Набираемым в эти отряды назначалось жалование по 14 кабульских рупий на их собственной пище. Для разработки пути через снег, выпадающий с южной стороны, люди делились на сотни. Очередь каждой сотни наступала через два дня в третий. Обязанностью работающих было пританцовывать снег ногами, расчищать его в соответствующих местах лопатами. В тех случаях, когда путь пролегал по обледенелому участку, его разбивали выдаваемыми от правительства мотыгами — «кыдола». Это устройство существовало еще при покойном эмире Хабибулла-Хане, но теперь, с прекращением официального направления движения в Туркестан через Хавок, этот порядок оставлен.

По словам панджирцев, Хавокский перевал, благодаря своей сравнительной отдаленности и легкости подъемов, и теперь открыт, даже зимою, за исключением тех дней, когда бывает метель. Тогда там легко погибнуть, даже большому количеству народа. Точно также препятствуют движению через него надвигающиеся иногда сильные туманы, которыми отличается Хавок в зимнее время. Туманы бывают, случается, такие густые, что становится темно, даже днем. Признаки приближения ту-

выше караванным движением из Бадахшана до некоторой степени сделало из Панджира транзитный пункт и приучило панджирцев учитывать в свою пользу проход караванов, пуская их на постой и продавая им фураж для животных и пищу для людей. Это наложило свой, может быть, поверхностный отпечаток на некоторые стороны жизни. В то время, например, как в находящейся к западу от Панджира долине Солянг, через которую теперь проходит за последние годы главное сообщение в течение летних месяцев между Туркестаном и Кабулом, женщина таджиков-«солянги» (солянгицев) почти нигде не спускаются к проледенной по низу долины дороге и лепится обычно высоко кверху на труднодоступных скалах и склонах, в Панджире то и дело можно встретить жилища, видимо, с расчетом построенные у самой дороги, чтобы быть ближе к проезжающим. Польза от прохода большого караванного движения настолько усвоена панджирцами, что, лишившись теперь в значительной степени его с переходом сообщения между Кабулом и Туркестаном; зимой — движение на Ваилян, а летом — через пер. Солянг, панджирцы все еще греют о восстановлении этого движения через их долину и Хавок (Хавак), как было в прежние годы.

¹ В этом слове слышится — церебральное д.

мана следующие. Если облако останавливается на вершине перевала и некоторое время не сходит, то идущие через перевал обращаются в бегство, стараясь скорее спуститься вниз. Недошедшие до вершины спешно возвращаются обратно, так как вслед за этим поднимается ветер, приносящий туман, который совершенно застигает путь. Местные жители объясняют это явление тем, что в это время раскрывается в горах талисман («талисм» — «طلم»), провозящий туман. Так как ветер при этом дует с севера, то считается, что талисман находится на перевале Дарваза и состоит из женщины, которая пребывает там в пещере.¹

Говоря о большом караванном пути, пролегающем через Панджир, может быть, следует упомянуть, что он проходит, к счастью для проезжающих, по правому берегу реки Панджир и тем избегает перехода через очень примитивные мосты в этой долине. Начиная с самого нижнего моста в Панджире у сел. Кур-Оба до Париян панджирцы насчитывают всего 26 мостов, из которых половина считается «большими», главными, а половина «меньшими». Мосты эти расположены в следующих селениях: 1) Кур-Оба, 2) Замон-Кур, 3) Аноба, 4) *Кал'аи Лянгарло*, 5) Руха, 6) Руха (— другой мост в том же селении, ведущий на Гиссорак), 7) Фуручаль 8), *Хонез*, 9) Бозорак 10) Малакпа, 11) Остона, 12) Сангина, 13) *Ду-Ау*, (دو آب), 14) *Марз*, 15) Рогак, 16) *Пыкжор*, 17) Бырдж-и Яман, 18) *Хиньдж*, 19) Мато, 20) *Зырья*, 21) Гынъджу 22—23) *Дашт-и Рыват*—2 моста, 24) *До'н-и Рыват*, 25) *До'н-и Тыл*, 26) *Париян* (Паријон).

Обозначение курсивом тринадцать мостов считаются «большими» («халон» — «کلان»), другие — «малыми». Бараны, козы и овцы приходят через все мосты, лошади же и рогатый скот только через «большие». Лично, однако, я должен прибавить, что виденные мною образчики этих мостов, даже «больших», были таковы, что согласиться переходить через них может разве только очень привычная к головокружительным номерам горная лошадь. Принужденный переходить через такой мост у сел. Руха (ведущий в Гиссорак) Д. Д. Букинич жаловался, что «у» него чуть не закружилась при этом голова. Я, оставшийся в это время на правом берегу и не имевший необходимости перейти мост, не решился это сделать из одного только желания прогуляться.

¹ Возможно, что это верование состоит в связи с мифическим образом «Старухи в пещере» («Кямпир дар гор» — «کامپیر دَر گار»), называемой иначе Оджуз или Оджиз, напоминающей некоторые черты Бабы-Яги русских сказок. В дни этой старухи (обычно период времени из семи дней пред наступлением весеннего равноденствия, когда празднуется Новый Год — Науруз), так называемые «Аюм-и Оджуз», (т. е. «Дни Оджуз» — «ایام عوجوز») или «Кямпир дар гор» («Старуха в пещере» — «کامپیر دَر گار»), считается, что дует очень холодный ветер. (см. М. Андреев, «По этнографии таджиков» — Сборник «Таджикстан», Ташкент, 1925, стр. 174—175).

Моста
в Панджире.

Современное название долины Панджшир сами панджширцы производят от „пяти львов“ („пандъ шир“ — پنج شیر), пяти главных святых, патროнов, покровителей Панджшира. Эти пять святых очень чтутся в Панджшире и их мазары являются предметом паломничества. Святые эти следующие:

1) Ходжа-и Кыль-Вали Соһиб (по местному народному произношению) или Ходжи Тылл-и Вали (по другому, тоже народному произношению). Считается главным из пяти святых.

2) Ходжа Шо-и Дарбанди или Ходжа Иброһим-и Дарбанди. Могила его находится в сел. Дербенд.

3) Ходжа Ахмад-и Вашаро. Могила его находится в боковой долине Панджшира, называемой „Дара“, в сел. Вашаро.

4) Ходжа Асан-и Сарпыли, т. е. خواجه حسن سرپلي (в одном случае мне называли этого святого, как Ходжа Иброһим-и Сарпыли). Могила его находится на берегу р. Панджшира у сел. Куроба.¹

5) Ходжа Мысгар-и Оричи, погребенный в самом верховье Панджшира — в Париян (Паријон).

Историческое предание. Существует предание, что Махмуд Газневийский долгое время никак не мог построить плотину „банд-и Газни“ (بندِ غزنی, т. е. „Газневийскую плотину“), которая помогла бы провести воду в Газни. В поисках средств он услышал от окружающих, что единственно, что может помочь, — это пять святых, проживающих в стране города Кичкина, как назывался до этого Панджшир. За святыми было послано и они помогли устроить плотину. Их же родина получила свое название в честь этих „пяти львов“ божних (پنج شیر خدا).

По преданию Панджшир назывался в старину „Шоһ-р-и Кичкина“ (по местному произношению) — شهر کچکینه — т. е. „город Кичкина“. Как упоминают панджширцы, Рустем, якобы, завещал своему сыну относительно Панджшира (сохраняю панджширское произношение):

„Ба Кичкин мару, а) шьсар, зьнраһор!

Ки пој-и сыгурон кунад пора-пор,

Ки дорал даријо-и пур кар аз сань-и тез,

Ки пој-и сыгурон кунад риза-риз“.

به کچکین مرو ای پسر زنجار
که دارد دریای پرتهر از سنگ نیز
که پای ستوران کند ریزه
که پای ستوران کند ریزه

¹ По словам местных жителей вновь назначаемые Кабулом афганские начальники, въезжающие в Панджшир — случилось ли им въезжать по старой дороге через перевал Дербенд, или по новой, по берегу Панджа, проведенной Абдурахман-Ханом и проходящей мимо могилы данного святого, приносили у этого мазара жертвоприношение, чтобы умилостивить панджширских святых, в область которых они вступали, чтобы они им не повредили.

Вид на р. Панджшир у сел. Рух. Виден один из „больших“ местоп.

„Не ходи в Кичкин, о, сын—берегись,
Ибо истерзает (эта страна) ноги лошадей (животных),
Ибо имеет сердитую реку из острых камней,
Которые изрежут ноги лошадей (животных)“.

Выше сел. Вомарз в долине Панджшира показывают развалины самого города Кичкина. Страна по преданию бывала раньше самостоятельна и управлялась собственными правителями, насчитывая, будто бы, 99 тысяч домов. Верстах в трех выше сел. Заман-Кур¹ имеются развалины, называемые Маликац,—якобы, местопребывание бывшего панджширского правителя, который назывался Малик-Шо (ملك شاه). Он был жесток и свирепо пользовался jus primae noctis, обижая своих подданных. В конце концов его убили. По преданию он ослепил одного знатного человека (внука Заман-Кура) за то, что он его обманул, прислав ему вместо своей дочери, выдаваемой замуж, рабыню. Сын ослепленного, попав в число его слуг, однажды, поднося присутствующим по очереди для курения чилим (кальян), подсыпал в него наркотик и, усыпив прочих, находившихся в доме, убил тирана.

Последние местные ханы-правители управляли страной, будучи уже вассалами афганских государей. Самый последний из них был Лягар-Хан, сын Гульдор-Хана, наследовавший своему отцу.

Согласно существующим преданиям, в отдаленное время страной владели кафиры. От их времени, по словам панджширцев, и до сих пор в стране остались на высоких скалах остатки кафирских крепостей, где видны следы каменных стен от бывших укреплений,² расположенных обычно в труднодоступных местностях, куда можно было попадать частью по одной только узкой тропинке.

В памяти жителей сохранились рассказы стариков о набегах кафиров на Панджшир, бывавших сравнительно не так давно. В сел. Пахджур, наприм., у самой дороги имеется мазар, где похоронены мужчина, женщина и трое детей, убитых кафирами во время одного набега. Предание сообщает подробности, указывающие, что это событие произошло сравнительно недавно.

Старики рассказывали мне, что они хорошо помнят время, когда долина подвергалась частым нападениям сияпушей. Последние были замечательные ходоки по горам, быстро и ловко взбиравшиеся на любые кручи, значительно превосходя в этом отношении панджширцев. Они нападали, вооруженные копьями и проявляли удивительную меткость в бросании камней. Обычно, придя в долину, они садились в засаду по

¹ По преданию основано „Слепым Заманом“ (زمان کور), поселившимся здесь.

² Очень интересно, что подобные же рассказы существуют и среди населения верховьев р. Панджа, где жители тоже указывают на труднодоступные остатки крепостей на вершинах высоких скал, приписывая их кафирам.

дороге и подкарауливали путников, которых убивали. Отправляясь из своих мест в долгий путь до Панджшира, они забирали достаточное количество продовольствия, но на каждой остановке оставляли из него столько, сколько нужно было для обратного пути, и на место набега являлись налегке. На обратном пути они пользовались оставленными и спрятанными запасами.

Панджширцы — таджики.

Панджширцы — типичные горные таджики, приближающиеся к тому общему типу, который представляет собою население Дарваза, Карагегина, Матчи и верховьев Панджа, являющиеся с некоторыми антропологическими отклонениями между собою, все же достаточно ясно выраженным групповым типом. К сожалению, отсутствие антропологических наблюдений и невозможность, за отсутствием свободного времени, проиллюстрировать даже поверхностный подсчет их типичных признаков, не позволяют говорить сколько-нибудь уверенно об их типовой характеристике и о некоторых небольших отклонениях в типе в разных частях долины.

За небольшим исключением приблизительно из 300 домов хазарейцев, проживающих в боковых долинах Дара-и Хазора и Тьяль, и одного небольшого селения из обмусульманившихся кафиrow, расположенного в самых верховьях Париан, все остальное население Панджшира сплошь таджики, как они сами себя и называют. „Лафз-и мо порсишон, хидими-тоджик“ (لفظ ما فارسی بان خود ما تاجیک), говорили панджширцы про себя, т. е. — „язык наш персидский, а сами мы таджики“.¹

По словам панджширцев, население долины Панджшир, прежде составлявшее 7—8 тысяч домов, в настоящее время насчитывает около 15 тысяч домов.

Административное деление.

В административном отношении Панджшир делится на три волости — „алока“ (علاقه), управляемых каждая особым алокадором (علاقه دار) с общим подчинением хакиму 2-го ранга (حاکم درجه دوم), месторезидиру-

¹ Здесь, по моему мнению, мы имеем лишний раз интересное доказательство, что „фарси“ (فارسی) — персидский язык и „таджик“ — вещи совершенно при обычном старом порядке несхожие. Тот же самый взгляд сквозит и у жителей припамирских стран (рушанцев, шугнанцев) в приводившемся мною раньше их определении соседней таджиков (дарвазцев и др.), говорящих уже теперь по персидски: — „таджики — мы; а они порсишуй“ (فارسی گوئی), т. е. „говорящие по персидски“ (Сборник „Таджикистан“. Ташкент, 1925, стр. 156). Чем больше приходится наблюдать жизнь таджикских стран и знакомиться с их языками, тем сильнее сказывается впечатление, что словом таджик мог первоначально означаться старый иранский за-сильных Средней Азии, не говоривший по персидски. И не являются ли наши обычные объяснения слова „таджик“ несколько искусственными и необудительными? Исколющиеся у меня по этому вопросу данные позволю себе изложить когда-нибудь более подробно.

нием которого служит селение Руха. (на английских картах — Ruka, на нашей — Рука). Три панджширских „алока“ составляют следующим образом:

1) Дара-и хазора — боковая долина, составляющаяся, в свою очередь, в верховьях из нескольких долин, выходящая в долину Панджшир с юга между селениями Мара и Борак. В ней, по словам панджширцев, живут около 200 домов хазарейцев в селениях Боб-Али и Джир-и) Али.²

2) Чор-Кария (چهار قرية), т. е. район, состоящий из четырех селений: Хиньдж, Сафед-Чир, Пишьгур и Марз. Все таджики.

3) Самый верхний участок Панджшира, состоящий из укрепления Хавок, Де-Хавок (т. е. „Селение Хавак“), долины Париан (имеет ряд селений) и Тьяль. Вся холость состоит из таджиков, за исключением 100 домов хазарейцев, проживающих в долине Тьяль.

Любопытно, что среди населения Панджшира встречается деление на хэли (خیل), т. е. на кланы, колена, на подобие патанских племен, где это развито в сильной степени и имеет громадное значение в строе жизни патанских общин. У панджширцев, однако, это деление скрывается и влият значительно меньше. Как можно предположить, это, повидимому, сравнительно недавно образовавшиеся (может быть под влиянием патанов — отсюда афганское „хэль“?) большие семейные группы, считающие себя связанными происхождением от одного общего предка. Характерно также, что каждый такой „хэль“ встречается в одном только селении и нигде в других местах отдельных групп, носящих то же название, нет. В одном и том же селении, по словам панджширцев, могут жить один или два разных хэля, но, опять таки, в других местах они не встречаются. Видимо, это большие разросшиеся семьи, происшедшие каждая от одного родоначальника, но не настолько древнего происхождения, чтобы разрослись в большие роды и успеть разойтись по разным местам, сохраняя в памяти родовое название.

Существование неясного родового начала можно также отметить и среди соседних с Панджширом таджиков, а именно в долине Гурбенда и Соляныга. Как мне говорили соляныгцы, все население долины Соляныг,

¹ Они говорят, как обычно хазарейцы, в настоящее время персидское наречие, забыв свой старей язык. Персидское их наречие, повидимому, приближается к персидскому наречию других хазарейцев: „са мукуни?“ — چه میکنی — „что ты делаешь?“ (форма „са“ — „что?“ — встречается у таджиков с. Брич-Муаллы, вверх по Чирчику и у таджиков района Чуста); „куда мури?“ — کجا میری — „куда идешь?“ и пр.

Как мне говорили в Андаробе, хазарейцы, живущие по течению р. Сурхаб, ниже Тала и Барфак, и известные под именем „некпац“ (نیک پاز) произносят ту же фразу: „что делаешь?“ — „са мукуни?“.

начиная с самого верха до Джаб-ус-Сираджа, делится на четыре рода: 1) Амир-Тимур—*امير تیمور*, 2) Ходжи—*حاجی*, 3) Се-Каум—*سه کوم* и 4) Кук-ломи—*کوکلامی*. Сородичи принимают сторону друг друга при столкновениях, ссорах. Женятся и выдают дочерей замуж, однако, без различия родов. Точно также не обращают внимания на родоовое отношение и при приглашении на тун (пирь, свадьбу), на которые приглашают соседей без различия рода. Каждый род, называемый „кауи“ (*قوم*), имеет своего малика, назначаемого и сменяемого общим собранием, но выбираемого из дома маликов. Раньше, когда было больше самостоятельности¹ подати собирали малики, оставляя $\frac{1}{3}$ себе. Это было изменено при покойном эмире Хабибулла-Хане.¹

¹ Следы сбивчивого родового начала имеются среди таджиков или приближающихся к ним народностей также и по другому, северному склону Гиндукуша, расположенному против Соляньга, но, к сожалению, при быстром проезде мне не удалось выяснить это сколько-нибудь ясно. В записной книжке у меня имеется следующая отметка:

„Долина от пер. Соляньг на север до укрепления Хиньджон (кал аи Хиньджон—*قلعه خنجان*) называется Дара-и Хиньджон, а самая речка, впадающая в реку Андераба,—Об-и Хиньджон. Долина эта населена таджиками, в довольно значительном числе выходящими из долины Соляньг, где и сейчас они имеют родных. Имеется также деление на роды. Проживающие вверху, в селении Тахта-Саньг, причисляют себя к роду Кугедэй. Помимо данного селения таджики этого же рода живут в Наарин и Ляж-Оу (ниже Души). Около 20 домов кугедэй живут в долине Соляньг в сел. Улянъг.

Любопытно, что кугедэй склонны себя таджиками не считать (сужу по разговору с некоторыми из них в с. Тахта-Саньг) и говорят, что их называют так афганцы. На самом же деле они все говорят таджикским персидским диалектом и по внешности ничем не отличаются от других окрестных таджиков. Сами себя по своим отдаленным предкам они склонны производить из Кандагара. Говорят, что их переселение оттуда, якобы, произошло после вытеснения узбеков. Среди них имеется также смутное представление, что в данных местах раньше были таджики и что потом пришли „хиньджони“ (подразумеваемая предков живущих теперь жителей долины Хиньджана), прибыв из Кандагара, и поселились на месте таджиков. К северу от с. Тахта-Саньг, рядом с кугедэй, живут также таджики, называющие себя *гярай*.

Кугедэй, судя по разговору в с. Тахта-Саньг, производят себя от предка Кургиз-Бобо, мазар которого, будто бы, находится в Кандагаре. Гярай считают за братьев, т. е. родственным родом. Соляньгцев они считают таджиками. С таджиками, однако, рождаются, имеют полное общение и на уклад жизни, видимо, упомянутое разделение влияния не имеет².

Так как эти сведения, собранные в одном только селении (Тахта-Саньг), недостаточно проверены, то, полагал бы, что к ним следует относиться осторожно до дальнейшей их проверки и пополнения.

В Панджшире, видимо, до сих пор сохранились следы деления на высшее, более аристократическое сословие, численно более сильное, называемое *сироль* и низшее—*маздур*. Первое является потомками земельной аристократии—*джойдов-дов* (*جويداد دود*), владеющими земельными участками, дарованными их предкам за доблести и услуги бывшими правителями, ханами. Другие, маздур, в старое время не владели землями и, возможно, представляют из себя потомков пришельцев. Самое их название показывает, что они землями не владели, а служили землевладельцам за вознаграждение—„муза“ (*مزد*)—слав. мзда). За последнее время, однако, в силу законов, изданных эмиром, это отношение сгладилось, благосостояние маздуров значительно увеличилось и многие из них приобрели, сравнительно, большую зажиточность и участки, но и при богатстве старое презрительное название за ними удерживается. „Кори маздур хато“ (*کار مزد خاتا*)—„нечисто дело маздура“, говорят панджширцы.—„Ай, маздур³и раг-хато!“—о, маздур, с северной кровью!“ (*ای مزدور رگخاتا*)—кричат иногда в ссоре в лицо маздuru. Последних в Панджшире сравнительно немного и они живут отдельными определенными группами. Например, в большом селении Сафед-Чир, в 500—600 домов, раскинутых кучками в разных местах, маздуров всего около 50—60 домов, находящихся в местности Бандо („Плотины“). В районе сел. Хиньдж, где тоже насчитывается всего около 600 домов, имеется 50 домов маздуров, проживающих в местности Повот, и, наконец, в сел. Пышгур, при общем числе около 300 домов, тоже около 50 домов проживает в местности Хору (от *خار روی*—„растет колючка“). Последние носят название „боши-хэль“. Следует, однако, отметить, что несмотря на свое афганизированное (во второй половине—„хэль“) имя, они, по крайней мере в настоящее время, ничем положительно не отличаются от окружающих таджиков и, повидимому, получили свое название от глаг. *بودن* (быть): „бошиш-и худро гирифтан“ (*باشش خود را گرفتند*)—„поселились“, „расположились на пребывание“—поясняя панджширцы их название.

В отношении брака, еще на памяти всех, за маздуров своих дочерей *сироль*, т. е. высшее сословие, не выдавало. Что же касается того, чтобы самим жениться на девушках этого класса, то бывали случаи, что их брали в качестве „пеш-кора“. Так называется жена, которая берется в дом для черной работы, обслуживая своим трудом встречающихся в доме требования по хозяйству, в то время, как другая жена из высшего сословия—*зан-и дильхо* (*زن دلخواه*)—„желанная сердцу“, является распорядительницей, старшей над первой и делает только то, что захочет. Такие „пеш-кора“ существуют и в настоящее время у очень зажиточных и знатных людей, при чем их положение в доме определяется не личной склонностью мужа к той или другой жене, но исключительно социальным положением жен.

II.

Одежда.—Правы и характер панджширцев.—Насмешливые прозвища жителей разных селений.

По своей одежде панджширцы, повидимому, занимают промежуточное место между таджиками Восточной Бухары и афганцами. Их обычная мужская одежда состоит из следующих немногих предметов.¹

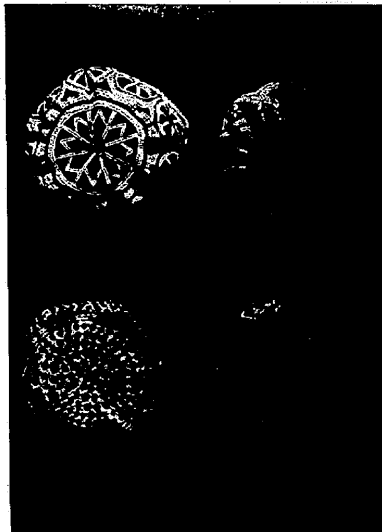
Одежда.

Кулоф (كولوف) — Тюбיתהйка. Остроконечная, приближающаяся к обычным средне-азиатским типам, она составляет необходимую неотъемлемую вседневную принадлежность головы, начиная с шестилетнего возраста вплоть до самой смерти. До шестилетнего возраста мальчики носят плоскую тюбיתהйку, называемую „аракчин“ (очевидно — عرفچين). В Кабуле и вообще в равнинах кабульского района аракчин носят и женщины, но в Панджшире он этот сорт тюбיתהйки не носят, а употребляют „токи“ — род шапочки, край которой, приходящийся на перед, обшивается шелком, а задний — алача (хлопчатобумажная материя местного приготовления).

Как кулоф, так и аракчин обычно шьются в своем доме и только в редких случаях покупаются на базаре. Тюбיתהйки, употребляемые в Панджшире, бывают разных цветов, но чаще всего белые или красные. Как и в Средней Азии, они в разной степени, смотря по зажиточности и вкусу, украшаются вышиванием.

Дастор или **Салля**. Так называется чама, опять таки составляющая необходимую принадлежность мужчины, начиная с 9—11 летнего возраста. Между обоими названиями панджширцы делают иногда разницу, называя словом *дистор* более длинную чама, а *салля* — более короткую. Обычно чама свертывается из материи белого цвета, хлопчатобумажной, при чем на *салля* идет. большую частью местная материя,

¹ К сожалению, в собранных мною и приводимых материалах по Панджширу не имеется описаний женской одежды, как и почти совершенно отсутствует описание жилища. Объясняется это, главным образом, трудностью проникновения для проезжающего европейца в панджширское жилище при недоверчивом отношении туземцев. Это же самое обстоятельство не позволило мне также собрать и необходимые сведения о женской одежде. В общем, повидимому, она не особенно сильно разнится от обычной одежды горных таджиков Восточной Бухары.

Образцы тюбитеек.

выделываемая в Джебаль-ус-Сирадже,¹ а на *дастор*—привозимая из Индии.

Иногда употребляют чалму (*дастор*) и черного цвета, подражая в этом отношении афганцам. В самом способе завязывания чалмы тоже встречается разнообразие: Большинство повязывает способом, приближающимся к бухарскому и называемому „*мыллоу*“ („способ мулла“) — способ, вероятно, занесенный муллами, проникавшими в свое время из Балха или Бухары. Другая манера, заимствованная у афганцев, состоит в предварительном скручивании чалмы и в обматывании ее вокруг головы в скрученном виде. Этот способ называется „*тира-тау*“.

И при том и при другом способе при наворачивании оставляется длинный кончик, свешивающийся иногда немного более аршина, но, иногда, оставаемый и значительно более коротким (вплоть до пол-аршина или даже 4—6 вершков). Если он очень длинен, что считается хорошим тоном и принадлежностью красивого костюма, то его или свешивают по спине или по груди, или, проведя в обвисающем виде под подбородком, закидывают за плечо с другой стороны, что называется „*дафр-и гулю*“ („кругом горла“). Последний способ ношения тоже является подражанием афганскому.

К у р т а н — Р у б а ш к а (повидому, *كورتنه*). Обычно всегда белого цвета, часто из заграничной дешевой белой бумажной материи. Рубашка делается длинной, приблизительно, вершка на два ниже колен и носится поверх штанов, иногда перевязываясь поясом из материи или из кожи. Рубашка делается очень свободной и существующая мода требует, чтобы от избытка материи висели бы складки. С этой целью у рубашек, называемых „*чин-дор*“ — „*со сборками*“, даже специально устраиваются целые ряды сборок, исходящих из кокетки на груди и кокеток на боках, а также целого ряда мелких сборок, набираемых с наружной стороны рукава, в самом начале его у плеча, в силу чего рукав тоже бывает очень широкий.

Обычные панджширские рубашки имеют невысокий ворот — „*яхани*“, который иногда украшается небольшим вышиваньем. Разрез у таких рубашек идет вертикально четверти на 1½ по груди, застегиваясь на 3—5 небольших пуговиц. Помимо приведенного типа ворота сравнительно реже употребляется рубашка, называющаяся *саршонаи*, имеющая горизонтальный разрез на самом верху, от плеча к плечу (не доходя несколько до края плеча). На передней части рубашки

¹ Название Джебаль-ус-Сирадж („*جبل السراج*“ — „Гора Светильника“), данное покойным эмиром Хабибулла Ханом любимому им селению Парван, где он построил дворец и которое мечтал превратить в большой город, обычно произносится повсюду в Афганистане, как „Джебаль-ус-Сирадж“. Как известно, эмир Хабибулла-Хан, титулом которого было „Сирадж-уль Миллати вад-Дини“ („Светоч народа и веры“ — *سراج الأمة والدين*) — часто прилагал свой титул к

по середине разреза имеется полукруглая вырезка для шеи. По обеим ее сторонам имеется по пуговке, не позволяющей разрезу расходиться широко. При таком вороте-разрезе стоящего воротника, естественно, не имеется.

Изор—Панталоны. Делаются из такой же материи, как и рубашка. Они завязываются обычным манером посредством шурка, проходящего свободно кругом сверху панталон (двигаясь в загнутах складке, как это делается, например, у нас с кисетами). Панталоны бывают двойные—или прямые, средней, но все же основательной ширины, называемые „ростак“ („прямые“), или „гиои“. Последние, необычайной ширины, являются подражением афганским. Летом ограничиваются обычно только одними такими панталонами, но зимой на них (а иногда даже прямо на голое тело) надевают широкие шерстяные штаны, называемые „базу“, из местной дмотканой материи „рагза“—той самой, из которой шьют и шерстяные хаалаты („чакмай“). Базу также завязываются шнурком. Рубашка при этом вталкивается во внутрь. Иногда базу надевают и летом при сельско-хозяйств. работах. Изор приблизительно на четверть не доходит до пола, но *гиои* и *базу* доходят до щиколотки.

Воскат, **Васкай** или **Барак**—Жилет. Самое слово, „воскат“, как, видимо, и сам жилет, заимствовано из Индии, где индусы обычно его называют „васкут“, заимствовав, в свою очередь, и слово и жилет от англичан (англ. waist-coat). Ношение жилета вообще очень популярно в Афганистане, распространено между различными народностями, составляя летом часто только единственную верхнюю часть костюма (надеваясь прямо на рубашку). Так носят жилет и в Панджшире и панджширский жилет, сохранившись в формах в передаче, является совершенно точным воспроизведением европейского (английского). Как и в других местах Афганистана, где ношение жилета очень популярно, он часто носится растегнутым, в особенности летом. Шитье жилета, однако, бывает разнообразно. В обыкновенных случаях он шьется из какой-нибудь шерстяной дмотканой материи, но иногда, на афганский лад, его делают из какой-нибудь яркой материи, покрывая вышиванием шелком или канителью (чаще всего последнее делают мастера в городах) и тогда он принимает иногда очень нарядный вид, теряя при этом, конечно, европейский облик.

тому, что ему нравилось или чему он придавал большое значение. Так напр., большой ирригационный канал около Кандагара, сооружавшийся им, был им назван „Найр-ус-Сирадж“ („Канал Светоча“), газета, издававшаяся в Кабуле, называлась „Сирадж-уль Ахбор“ („Светоч известий“), официальная история Афганистана, составленная и изданная по его указаниям, называется „Сирадж-ут-Таварих“ („Светоч историй“) и даже у его супруги титулом было „Сирадж-уль-Хаватин“ („Светоч дам“).

Пой-това или **пой-печ**—портянки. Они ткются из овечьей шерсти. Длинные и узкие, доходящие до 2½ арш. длины, называются *пой-печ*: более широкие и короткие—*пой-това*.

Чулок не вяжут, но зимою охотно носят чулки верхне-панджского типа (высокие, толстые, шерстяные), распространяющиеся по Панджширу из сел. Париян, где их вяжут, или проникающие при товарообмене из Бадахшана.

Чорук—кожаные башмаки, обычно с загибающимся кверху носком на афганский лад. Шьются из некрашеной кожи. В верхней части долины, начиная с селения Марз до Париян, этот род обуви не употребляется, заменяясь другими.

Для определения характера населения в различных местах Панджшира существует следующее местное четверостишие:

Примы и характер панджширцев.

„Ашваль Онова, дуйюм Шюфа сар-тер,

Ба ашъики Остона мешаи сер.

Ба Остона гызар кун,

Ба хубонъиш назар кун“.

„Сначала Онова, а потом неустраш-

мая (запальчивая) Шюфа.

В Остоне ты насладишься любовью—

Проезжай через Остону,

Взгляни на ее красавиц“.

Анова—селение, славящееся красотой своих юношей; жители с Шюфа отличаются запальчивостью, неустрашимостью в битве („сар-тер“).

Что же касается сел. Остона, то там на первый план выступают женщины, славящиеся на весь Панджшир своей красотой и темпераментом. Предание говорит, что один святой ишан, отправившись на сбор приношений и приехав в названное селение, не встретил там никого из мужчин. К нему выходили с подношениями только женщины. Тогда святой, обидевшись на мужчин, произнес молитву, прося у бога, чтобы он дал всю красоту и мужество в этом селении женщинам и молитва, говорят злые языки, была, якобы, услышана.

По слышанному мною от панджширцев определению их собственного характера, а также по некоторым отзывам со стороны, панджширцы отличаются вспыльчивостью, горячностью и воинственностью.¹ Вследствие этих сторон их характера афганское правительство, по словам панджширцев, принимая их для формирования военных частей, будто бы, избегает составлять отдельные части исключительно из панджширцев, рассеивая их при приеме на военную службу по разным частям во избежание вспы-

¹ Повидимому, подобная репутация за панджширцами была установлена еще давно. Холдич упоминает следующее („The Gates

шек восстания.¹ На военной службе они часто дезертируют. Будучи хорошими ходоками по горам, панджширцы в связи с упомянутыми выше другими сторонами своего характера оказали, по их словам, большие услуги афганскому правительству при завоевании в свое время Кафиристана, составляя авангард наступающих.

Между собою у панджширцев часто происходят схватки и драки, доходящие до кровопролития. Вероятно это до сих пор поощрялось отсутствием твердой и строгой администрации.—Ба як алокадор даф рупија ришват метии—бандиро јала мекунад“ („дашь вятку в десять рупий алякадару—он и отпускает арестованного“), говорили панджширцы. Это, однако, понемногу, повидимому, начинает отходить в область прошлого, благодаря настойчивости по улучшению администрации со стороны настоящего эмира. Для характеристики местных нравов и беспокойного характера панджширцев, когда они не встречают препятствий, можно привести следующий случай.

Ежегодно с наступлением лета довольно большое количество „кучи“, т. е. кочующих афганцев, из родов ака-хэль, ибрагим-хэль, льякан-хэль и рустам-хэль, зимующих в Лагмане, в окрестностях Джелалабада, перекочевывают на три месяца наиболее жаркого периода в верховья Панджшира—в долины Хавок, Парижон и Тьль.² Около двух лет тому назад, одновременно с известным восстанием менгалей и, может быть, не без его влияния, панджширцы из сел. Сафед-Чир напали с целью грабежа на спускавшихся с летовок кучи, проходивших через их земли, ограбили значительно проходивших и при этом убили у них одну девушку. Панджширцы при этом тоже пострадали, потеряв одного человека убитым.

of India“, p. 357—358. London, 1910.): „обитателям долины Панджшира приписывалась репутация свирепости и силы, которая была замечательна даже в те дни, когда признанным правом была сила и половина Азии была населена варварами. О них говорили с уважением, вытекающим из их дикой независимости, арабские писатели, которые подробно описывают географию этих стран, и, возможно, что они разделяли историческое отсутствие закона (lawlessness) своих кафирских соседей (сияпушей), если они и в те дни не делили с ними общности расы“.

¹ Одновременно имеются, однако, однородные составы в палатках из населения других мест: „герати“ (гератский палтан), „вардаки“ (из Вардака), „кандавори“ (кандагарский), „лютари“ (логарский).

² На обратном пути осенью, как и в предний путь весной, они останавливаются на равнинах кабульского района, напр., в Дашт-и Байром (к северу от Чарикара), Хамзагар и в окрестностях Джамолога, направляясь на зимовку к Джелалабаду. На северном склоне Гиндукуша к Хавакскому перевалу точно также прикочевывают афганцы со стороны Каттагана, стоя на летовках, главным образом, в Сангпар.

Нарядные панджширские шикхарии из дерева.

Столкновение с кучи.

Хотя кучи уплатили куну—„хун“ (خون) за убитого в размере 7000 рупий и обе стороны сравнительно мирно разошлись, но, при дальнейшем следовании кучи, внизу на них снова напали жители сел. Фиродж, объявивших, что родственное чувство не позволяет им оставить безнаказанной смерть панджширца. Это в действительности служило, видимо, предлогом для нападения и грабежа, но при этом они убили у кучи одного мужчину и одну девушку (девушка была убита за то, что удерживала и не давала увести отбиваемого верблюда).

Ограбленные кучи пожаловались в Кабул и так как к этому происшествию подбавились еще другие случаи нападений по дороге и грабежей, то, по наступившем в это время успокоении в других местах страны, губернатор („вали“) Кабульского округа, в административный состав которого входит Панджшир, по приказанию эмира отправился весной 1926 г. в долину Панджшира и произвел расправу. Около двенадцати человек главных виновных были приведены в Джабл-ус-Сирадж и расстреляны способом „чанчори“. Последний состоит в том, что человека заставляют стоять с связанными назади руками, привязав в то же время ноги к колу, вбитому в землю. Характерно, что наказание обратилось при этом главным образом на жителей сел. Фиродж, так как первые зачинщики, сафедчирцы, сами лишившиеся человека при стычке с кучи и принявшие выкуп, оказались, с точки зрения афганской юстиции, не заслуживающими наказания. После данного случая панджширцы сильно присмирели и в нападениях на проезжающих больше не слышно.

Вообще, как упомянуто выше, панджширцы пользуются репутацией очень беспокойных и сварливых людей, склонных к дракам и ссорам. Чаще всего это происходит летом при дележе воды, пускаемой на орошение полей. На крики поссорившихся и дерущихся спешит на выручку каждого его „сындо“—друзья, родственники, соседи, принимающие с каждой стороны участие в драке. Камни бросаются с обеих сторон. Если какая-нибудь сторона не выдержит и бросается в бегство, то противники пускают в след саркастические замечания и аплодисменты („чакчак“). Иногда же бывает, что победители, разгорячившись, преследуют разбитого неприятеля, осыпая его ударами вплоть до его дома. Но здесь картина меняется. Вступив к себе в напоминающий маленькую крепостцу дом и захлопнув и заперев крепкую дверь, разбитый противник делается тотчас же хозяином положения. В бойнице дома, называемые „тир-каш“ („стрелометы“—تیرکش)¹, вставляется старинное ружье и хозяин дома начинает стрельбу по осаждающим, что обычно заставляет их быстро отступить.

¹ Как известно, слово „тир-каш“ (تیرکش) или „тир-дон“ (تیردان) в средне-азиатском обычном употреблении обозначает колчан.

Если кто-нибудь сильно ранил другого, его, изувечил, то потерпевший требует с обидчика уплату вознаграждения. В особенности большой выкуп, куна, подается при убийстве, уплачиваемый ближайшим родственникам или наследникам убитого. При переходе дела к правосудию, к юстиции, от них зависит судьба убийцы, если его виновность доказана. Родственники и наследники убитого могут в таком случае по своему усмотрению или отпустить его на свободу за обусловленный выкуп „хунбо“ (خون بها — „цена крови“) или казнить. Выкуп в таких случаях обыкновенно бывает крайне тяжелый, выражающийся в отдаче участков земли, дома, а также „чом-и сувора“, т.е. *девушки*, которая выдается со стороны убийцы за кого-нибудь из родных убитого без уплаты последним за нее вена. За увечье или серьезное поранение потерпевший также требует иногда и получает „чом-и сувора“.¹

Насмешливые прозвища жителей различных селений.

Как у многих народов, среди панджширцев существуют насмешливые прозвища, даваемые жителям тех или других селений их соседями.² Как и в других таджикских горных странах, обыкновенно эти прозвища довольно широко известны в долине, хотя и неравномерно. Данные клички, прозвища, называемые панджширцами „тона“ (طنه) даваемые жителям, мною записаны только по адресу следующих шести селений в Панджшире:

- 1) Сел. Сафел-Чир:³ жителей называют „гоу“ — „быки“. Такое название дается за приписываемые им грубость и наклонность к драке: „джангира, вајрон мардум астан“ — „драчливый, дурной народ“, характеризуют их соседи.
- 2) Сел. Матоу:⁴ „кёрхынъчи“ — „слепые хьяньчы“. Хьяндж или Хьяньч — старое название данного селения. Данное

¹ Самое название происходит от того, что девушка выдается *верхом* („сувора“), как в обычной свадебной процессии, при чем лошадь идет в собственность ее будущего мужа.

² Подобно прозвищам, отмеченным С. Ф. Ольденбургем среди жителей Восточного Туркестана: „Акамы — прозвища жителей городов Восточного Туркестана“ (Сборн. Музея Антроп. и Этногр. при Росс. Акад. Наук, т. V, в. I). О прозвищах среди таджиков имеется моя заметка „Прозвища жителей различных селений в Матче“ (Доклады Росс. Акад. Наук 1924 г.). Кроме того, по имеющимся сведениям, довольно большой материал по прозвищам среди таджиков Матчи и Фальгара собран Е. М. Пещеревой, но эти записи еще не опубликованы.

³ По объяснению панджширцев название этого селения означает „Белый шум“. Селение названо так за прохлочущую, кипящую воду, протекающей около него речки. („Чир“ — шум, рев воды. „Чир-чир-и гыдышко“ — „чириканье воробьев“).

⁴ Название данного селения происходит из *мат* (церебральн. т) — *земля, прах* (как перс. خاک) и *оу* (آب) — *вода*, т.е. означает „глинистая вода“. Селение так названо за большую примесь глины в воде местной речки.

насмешливое прозвище основывается на том, что считается, что предки местных жителей когда-то страдали куриной слепотой.

3) Сел. Пешь-Гур: „гуспан“ — „бараны“. Однажды люди читали намаз. Один из пешь-гурцев привязал к себе за талию веревку, к которой был привязан баран, чтобы тот не ушел. Во время общего земного поклона (سجده) баран неожиданно бросился в сторону и потащил за веревку своего хозяина, произведя общий беспорядок среди молящихся.

4) Сел. Марз: „мстыхон-хо“ (استخوان خای) — „грызущие кости“. Жители названы так за привычку набрасываться на проходящих путников.

5) Сел. Фиродж: „ро-зан“ (رهزن) — „разбойники“. Известны своими нападениями в прошлом, за которые подвергались наказаниям афганского правительства.

6) Сел. Боорак (بهارک) — „чайли-по“, т.е. „носящие чапани“. Чапани, род кожаных сандалий, которые носят багоракцы, разнятся от обычного типа обуви, употребляемого их соседями.

III. Характер земледелия.—Садоводство.—Посевы различных хлебных и других растений.

Жители Панджшира типичные земледельцы и только отчасти занимаются скотоводством. Последнее больше всего развито в верхней части долины, где больше пастбищ. Характерно, что за исключением самой верхней части долины Париян (Паријон) земледелие исключительно поливное и посевов под дождь, называемых так же, как и в Туркестане «ляльми», не имеется. Селения обычно расположены при какой-нибудь боковой речке или ручье, быстро стремящемуся вниз по крутому скату к протекающей по низу долины р. Панджшир. Это дает возможность отводить из его ручья или речки, чаще всего в обе стороны, ирригационные каналы или канавы, идущие на орошение полей и садов. Размером воды в ручье, из которого берет воду для полива своих полей и садов селение, а также площадью пригодной для обработки земли, которая может быть орошена, и обуславливаются размеры селения и число его жителей.

Помимо посевов большое значение в хозяйстве горного таджика имеет также и садоводство, в особенности разведение тута (шелковицы), являющегося положительно кормилицей таджика и одним из самых существенных подспорий в его хозяйстве. Сады, где тут доминирует, облегают кругом селение. Всад за тутом больше всего разводятся абрикосовые деревья, потом грецкие орехи. Яблони, вишня и «оло» — мелкая слива, играют значительно меньшую роль. Еще реже — персики, виноград. К фруктовым деревьям можно также отнести встречающийся иногда «синджид» (سنجد), называемый в Туркестане «жиджа» (Elaeagnus hortensis).¹ Фруктовые деревья встречаются всюду по долине Панджшира,

¹ Синджид много растет около сел. Пых-Хору. Он употребляется на топливо, а также на выделку наконечников плуга — «старче». Кроме того, наконечники для плугов выделываются еще из сорта тута, называемого «тут и хасак», иногда даже из абрикосового дерева, как из наиболее крепких. Любопытно для культуры Панджшира, что наконечники железные там пока почти не встречаются. Есть, но еще очень мало.

за исключением самых верхних селений — Тьяль, Де-Хавок и Париян, где попадаются уже только ива и тополь. Тут разделяется на ряд сортов: 1) «Бедона-и кабут» (بی دانه کبود) — «серый, без косточек», 2) «Бедона-и сафет» (بی دانه سفید) — «белый, без косточек», 3) «Хасах» (очевидно от خاصي — уменьш. خاصک) — с зернышками. Обычно распространены только эти три сорта. Сравнительно реже встречается очень крупный сорт тута, называемый «шаста» (вероятно от شاست — «большой палец»¹).

Как во многих горных таджикских странах, тут является существенным подспорьем в пище жителей, употребляясь ими круглый год. В течение трех летних месяцев едят только свежий тут, сбиваемый непосредственно с деревьев. Следующие три месяца едят «тут-и дыль-мыль» — полусухой тут, вяленый, не потерявший в просушке еще вязкости. Шесть месяцев — три зимних и три весенних, едят толокно из тута, называемое «талкон». Последнее приготавливается тем, что сухой тут мелат на мельнице, но это возможно только при наступлении морозов, т. к. иначе тут не превращается в муку из-за своей вязкости. Смолотый и превращенный в муку тут сыпается в амбар «канду», в замрак, где и затвердевает в такой степени, что для того, чтобы его брать, потребное количество отбивают топором.

Период сбора тута — страдная пора женщин. Земля под деревьями в горных долинах Гиндукуша тщательно подметается и поддерживается в большой чистоте для того, чтобы не грязнить падающих на землю ягод. Сбор производится следующим образом. В период плодоношения деревья обиваются мужчинами через каждые десять дней. Для этого они надевают сапоги, забираются на деревья и их трясут. Другие (мужчины и женщины) держат специальные полотнища — «джоли»,¹ которые они подставляют под сыпавшиеся с дерева ягоды для того, чтобы не давать им падать на землю. Собранный в эти полотнища сбор относится женщинами в корянах, носимых на головах, на крыши, где и расстилается для просушки. Помимо этого, каждый вечер женщины обходят деревья, а, если погода стоит ветряная, то, кроме того, и утром, и собирают руками с земли упавшие ягоды, относя сбор на крышу.

Тутовые деревья, как сказано, обиваются через каждые десять дней, но для ежедневного непосредственного употребления оставляется одно или два дерева (смотря по размерам семьи), которые обиваются понемному ежедневно (в размерах надобности) и кормят семью своими свежими ягодами. Такие деревья, оставляемые для постоянного употребления, называются «тоза хури» (تازه خوری).

Мужчины, помимо сбивания, в сборе тута не участвуют и вся его тяжесть падает целиком на женщин. Так как сбор тута совпадает с

¹ Из индийск. जाली — плетень. На кабульском базаре словом «джоли» обычно означают т ю л ь.

Тут (шелковица) в жизни таджиков.

периодом горных пастбищ, то из дома на летовку (*вогиль*) отправляется только одна женщина, а остальные обычно остаются для работ дома.

Тутовая пища считается таджиками очень горящей и панджширцы думают, что только очень холодная вода, текущая у них и употребляемая ими для питья, парализует горящее действие тутового пищевого режима.

Абрикосы тоже употребляются в пищу в довольно большом количестве, как свежими в сравнительно короткий период поспевания, так и сухими—*«кок-и зардолю»*.¹ В то время, как тут составляет ежедневную постоянную пищу панджширца, сушеные абрикосы (урюк) употребляются реже, приблизительно с промежутками в 3-7 дней. При употреблении они предварительно вымачиваются в воде, разминаются руками, при чем косточки отбрасываются. Получившееся пюре естся, поддеваемое кусочками хлеба и съедается вместе с хлебом. Это называется *«катах-нон»*.

Среди посевов в обиходе панджширцев большую роль играет кукуруза, входящая в обычный трехлетний севооборот на одном и том же участке: один год—кукуруза, другой год—пшеница и третий—ячмень, который в Панджшире, как и во многих других местах, чаще всего сеют в смеси с бобами—*«бокуля»* (бокуло). Этот смешанный посев так и называется—*«джасу-бокуло»*, т. е. «ячмень и пшеница». Иногда сеют каждое растение отдельно.

Кукуруза дает удивительные, по мнению панджширцев, урожаи. Если почва плодородна, то *чорбак* (*چهاربک*) т. е. $\frac{1}{4}$ сера кукурузы, посеянной отдельно (без смеси с ячменем), дает урожай до 20-30 серов (т. е. сам 80-120). На бедной почве кукурузу не сеют. Случается, однако, что при большом желании сеять кукурузу и скудости земли некоторые сеют кукурузу два года подряд на своем участке, но это делается только при возможности доставки усиленного удобрения.

Удобрение, называемое в некоторых местах *«шура»* (т. е. «селитра»), а в других местах—*«пору»* («навоз»), состоит из помета скота, главным образом коз, баранов, а также рогатого скота (лошади имеются только у наиболее зажиточных—приблизительно 1 лошадь в среднем на каждые 3-5 домов). К навозу прибавляются также, естественным образом, при накоплении зола и всевозможные отбросы.

Любопытно, что при выносе удобрения в поле, что производится Помочк при выносе удобрения. в корзинах—*«кажява»* («кажюва»), носимых за плечами (и только, если поле далеко, то возят на ослах или лошадях), применяются помочи, называемые *«жора»* («помощь»).² Приглашенные на помощь соседи—*«жораки»* являются каждый с своей корзиной и в один день заканчивают

¹ Сушеные абрикосы (урюк) также называются «кок-и» среди, например, таджиков Ферганы.

² Слово «хашар» (арабск. حشر), употребляемое для этого названия в Туркестане и Бухаре, в Панджшире неизвестно.

Заготовка в каждой в одном доме в сел. Зайб-Кур (Заманкур).

работу. В выносе участвуют обыкновенно 8-20 человек, смотря по имеющемуся количеству навоза.¹ В случае, однако, если работа превысила силы участников и вынос навоза в один день не закончен, то обитатели дома заканчивают его потом своими силами:—„жораки“ больше, чем на один день не приходят. В течение дня работы пришедших на помощь хозяин ставит им угощение—мясо, кислое молоко, палау и пр., смотря по достатку. Это угощение называется „шишь-банди“, т.е. „подкрепление легких“ (شش بندى).

Пшеницу сеют осенью и весной. При посеве озимой пшеницы, называемой „тирамои“ (т.е. „осенняя“ (نيزه ماهی)) употребляют сорт, называемый „сурхак“ („красенькая“, „красноватая“). Весною сеют „сафьдак“—„беленькую“. Помимо пшеницы осенью засевают еще „джаудор“—„рожь“.

Посевы
хлебов и
других
растений.

Ячмень разделяется на два сорта. Один простой, обыкновенный, в шелухе, называется обычным словом „джау“ (جو), другой—гималайское жито, с голыми зернами, называется „джау-кунд“ („тупой ячмень“).

Урожай, повидимому, не так велики. По словам панджширцев урожай в горах на поливных землях в среднем бывает сам 10. На полях около селения, достаточно удобряемых, урожай повышается до сам 20. В среднем один дом засеивает приблизительно 10—15 кабульских серов зерна около селения и 15—20 серов по горам. В „зерно“ входит пшеница и ячмень. Засеиваемую площадь приблизительно можно разделить следующим образом: $\frac{1}{2}$ земли под пшеницей, $\frac{1}{4}$ под ячменем и $\frac{1}{4}$ под кукурузой.

Помимо хлебных злаков сеют также бобовые растения—„машин“, (горох), „наск“ (род фасоли), „патак“ (сорт гороха), „шокал“ (употребляется только для корма лошадей и баранов, предварительно размачиваясь в воде).

¹ Вынос навоза на поля вообще считается среди таджиков мужским делом. Исключение этому, встречается в городе Исталиф, населенном в большинстве таджиками и расположенном к северу от Кабула, приблизительно верстах в 30 от него. Там навоз выносятся женщинами. Это настолько выдается, на общем фоне, что отмечено даже в числе прочего в сатирической песенке про исталифцев, известной всему Афганистану:

„Зано-и Исталиф—сз пау синояшь,
Пору мебаранд бар заминояшь“...

زن های استالیفی سه پا و سینه ها ییش
پارو میبرند بر زمین ها ییش

„Исталифские женщины—у них по три пау (мера веса) груди,
Носят навоз на свои земли“...

Из других растений сеют просо, употребляемое в пищу. Имеются два сорта: „еол“—итальянское просо с длинноватыми зернами, светло-коричневого цвета, и „арзын“ (ارزین)—обыкновенное метельчатое просо. Сеют также „шяфтал“—персидский клевер,¹ очень мелкие зерна которого идут на корм птице (курам). Сеют его или отдельно или, чаще всего, вместе с яровой пшеницей или ячменем. Последним после посева дают сначала подрасти приблизительно на четверть, а потом по политому предварительно полю разбрасывают семена шяфтала. Когда пшеницу или ячмень жнут, то одновременно срезают и верхушки этого растения. Оставшиеся после жатвы стебли, однако, быстро отрастают и дают приблизительно через месяц самостоятельный урожай. Шяфтал жнут, молотят ногами скота (гоняя скот по гумну) и затем отделяют зерна через просеивание на решетке. Стебли шяфтала являются вкусным кормом для лошадей. Его дают также дойным коровам, дающим много молока. Для получения масла—„тель“²—сеют растение „шяриям“ (сорт сурепицы, из крестоцветных). Добываемое из него масло идет на освещение, горя в светильниках—„чирас“. Масло гонится на специальных маслобойках—„джугоз“. Следует, однако, оговориться, что масло из шяриям довольно сильно коптит, почему ему предпочитают часто для светильников льняное масло („зыгир“), привозимое из Андероба.³

¹ Определением перевода на русский язык, как названия данного растения, так и некоторых других обязан любезности Д. Д. Букиннича.

² Из индийск. तिल तेल—масло. Слово, очень распространенное в Афганистане. Под названием „тель-и хок“ (تیل و خاک), т. е.

„земляное масло“, в Афганистане повсюду известен керосин.

³ Светильники, употребляемые в Панджшире, обычной формы, выделяются из мягкого белого камня, называемого „алк“, (возможно, из талька, имеющегося в этих местах). Самодельных свечей на подобие того, как это делается в верховьях Панджа, где для этой цели берутся вместо фитиля сухие прутья одного растения и обкладываются подобно свечке массой из измельченных зерен маслянистого растения, панджширцы не употребляют, как не употребляют и лучин. Последние встречаются в находящейся сравнительно неподалеку от Панджшира долине, Ниджрау, где они приготавливаются из дерева „сакол“. Это дерево, называемое на пашайском яз. „ка“, повидимому, кедр. Орешки с него привозятся в Кабул и продаются на базаре по одной кабульской рупии за хурд. Упомянутое освещение лучиной, называемой „чулом“, как я слышал, в большом употреблении в долинах Алингара и Кафиристана.

IV.

Скотоводство.—Шерстяные изделия.—Посевы различных хлебных и других растений.

Скотоводство в долине Панджшира, в особенности в его низовьях, как было отмечено выше, является по сравнению с земледелием лишь второстепенным занятием. Развитие скотоводства главным образом тормозится, как вообще обычно в таджикских горных странах, ограниченностью возможности запасти корм на зиму, хотя время, когда скот держится исключительно в хлевах, в Панджшире очень невелико: всего около 3-х месяцев для коз и баранов в Среднем Панджшире, но для лошадей и рогатого скота это продолжается уже около 6—7 месяцев. В среднем на хозяйство можно считать около 15—20 овец и коз, 2 коровы, 1 бык. Лошади далеко не у всех и, в общем, приблизительно приходится 1 лошадь на 3-5 домов.

Любопытно, что по словам панджширцев (лично мне проверить не удалось), их рогатый скот, овцы и козы разнятся по породе от тех же животных, попадающих на равнине к Кабулу и даже, якобы, в горных долинах к западу от Панджшира. Они сами называют свою породу скота „кофари“ (کوفاری), т. е. „кафирские“, сияпушские, и говорят, что они происходят от той же породы, которую разводят кафиры-сияпуши.¹ Овцы их ягнятся два раза в год—весною и осенью, козы—один раз. Коровы небольшого роста, приземистые, дают много молока.

Их кафирские овцы, называемые „гади-кофари“ (گادی کوفاری) дают высокого качества шерсть, которую стригут три раза: зимою (это очень полезно так же, как предохранительная мера против какого-то насекомого, очень беспокоящего овец в это время), весною и осенью. Лучшая шерсть—осенняя. Шерсть, превращенная в ткань, одевает и согревает панджширца и соответственно он ее ценит:

Атлас ас кирм аст,
Пашм ас гуспад—

¹ Это, может быть, говорит несколько в пользу предположения Холдича о возможной связи панджширцев с кафирами. По его словам в XVI ст. Бабур отмечает, что панджширцы в его время платили дань своим соседям кафирам. (The Gatos of India, London, 1910, p. 368).

Кай расат атлас.
Ба пашм-и гуспанд.

Атлас от червей,
А шерсть от овец.
Когда же сравнятся атласу
С овечьей шерстью?

**Шерстяные
изделия.**

Так с благодарностью в этой поговорке отзывается панджширец о дорогой для него шерсти, которая идет на целый ряд произведений. Из них в первую голову можно отметить „чакман“—шерстяные халаты, выделкой которых славится Панджшир. Кроме того выделывают жилеты—„васкат“ (исковерканное англ. waistcoat—форма, заимствованная из Индии, где среди индусов это слово чаще всего произносится „васкут“), портянки, широчайшие штаны, называемые „базу“, паласы, мешки, попоны, хурджуны (переметные сумы) и пр. Однако, чулок шерстяных, часто встречающихся в верховьях р. Панджа (Аму-Дарья) за исключением самой верхней части—долины Париян, в Панджшире не вяжут.¹

Среди шерстяных изделий, как упомянуто, в особенности славится шерстяные халаты (чакман), на выделку которых тратится много забот и стараний. Лучшие из них называются „чалаки“² и ценятся до 30 рупий (кабульских) за штуку. Высшие сорта приготавливаются из шерсти ягнят. Самыми излюбленными цветами и дорогими являются рыжий и белый. Халаты из шерсти этих цветов расцениваются по 30 каб. рупий. Затем идет чисто черный—по 26—27 рупий. Если халат изготавливается из шерсти баранов, а не ягнят, то ценится дешевле. Шерстяная материя, из которой делаются халаты настолько плотна, что не пропускает дождя.

Домотканое сукно, из которого шьются халаты, называется, как и вообще в таджикских странах, „рагаз“.³ После того, как „рагаз“ соткана, она подвергается троекратному мочению в воде, при чем, вынимая каждый раз ее бюют деревянными колотушками (молотами),

¹ Шерстяные с узорами чулки, привозимые из Бадахшана, встречаются, однако, в Панджшире не редко. То обстоятельство, что чулки вяжут в Париян, может быть, объясняется большой связью жителей данной местности с населением по северному склону Гиндукуша, откуда они, повидимому, и являются выходцами.

² От слова „чаллак“—веретено. Нитка изготавливается исключительно кручением на ручном веретене и считается выше по качеству и дороже нитки, изготавливаемой на прялке—„чарха“. Последняя называется „чархан“, как и изготавливаемые из нее халаты.

³ В некоторых местах как, напр. в долине Зарэфшана словом *разз* (روز) обозначают буюно домашней выделки до его валаяня. Подвергшееся последнему называется *моля*.

называемыми „сута“¹ и потом во влажном виде еще это сукно особым образом продолжительно мнут ногами, стоя на подложной для этого двери. Работа эта, выполняемая мужчинами, настолько утомительна, что если сукна заготавливается много—напр., для 3—4 халатов, то для того, чтобы с ней справиться, созывают соседей на помощь—„юра“ (выше было упомянуто об устройстве помочей при выносе удобрения). Обычно сукно мнут ночью.

Панджширцы сбывают свои халаты и прочие шерстяные изделия, главным образом, в Кабул. В соседние долины не продают, а, наоборот, часто сами там покупают для перепродажи в Кабул, т. к. там, в Андаробе и Бадахшане, например, шерстяные изделия дешевле и лучшего качества. Точно также панджширцы продают свою пшеницу, главным образом, в Чарикар, сами покупая, в свою очередь, в Андаробе. Из Панджшира вывозят также коровье масло, хранящееся там в медных котлах и привозимое в „город“ („шор“—(شور), т. е. в Кабул, в кожаных мехах. Кроме перечисленных предметов вывоза из Панджшира вывозят рогатый скот, овец и коз, продаваемых заезжим торговцам—барышникам из равнин.

Вероятно, благодаря своему нахождению на одной из главных и удобных дорог через Гиндукуш, панджширцы занимаются в значительной степени торговлей, закупая у одних соседей определенные товары и перепродавая их другим. Торговля ведется в настоящее время б. ч. на деньги, но сохранилось еще много оборотов и в виде прямого товарообмена. Так, например, панджширцы покупают у приезжающих к ним жителей равнин „карбос“—домотканую бумажную материю, бязь, покупая ее по 5—6 аршин на рупию (на равнине покупают 6—7 аршин).² Этой бязью они платят за соль андарабцам, нуждающимся в материи. От андарабцев они также покупают рис, пшеницу, льняное масло, оставляя из закупленного часть себе, большую же часть обычно перепродавая в равнине. Со стороны Анджумана, Джирма, Каладгана и др. мест Бадахшана к привозят ним шерстяные халаты („чакман“),

¹ Колотушка „сута“, как молот для отделения зерна от колосьев, употребляется с этой целью иногда в кабульском районе (как и в некоторых местах верховьев Панджа). В Панджшире же, где скота больше, молотят хлеб, гоняя по гумну скот. При помощи названных молотов там обрабатывается только кукуруза.

² Следует отметить большую распространенность вообще в Афганистане определения стоимости для мелких товаров в розничной торговле не по тому, сколько стоит счетная единица—штука, мера веса или длины того или другого предмета, а сколько этих счетных единиц дается за известную монету, чаще всего за рупию. В ответ, например, на вопрос подошедшего покупателя о том, сколько стоят его орехи, торговец отвечает—„четыре“. Покупатель начинает ридиться, говоря сначала „шесть“ и, наконец, „пять“. Это значит, что торговец запросил по рублю

Торговля.

частично тоже, как упомянуто, перепродающиеся. Со стороны Кафиристана панджширцы закупают у сляпушей коз и хвостатых овец („гади“), перепродавая их, однако, в значительно меньшем размере—6 ч. оставляют себе. В Кабуле или в прилегающих больших равнинных пунктах панджширцы закупают чай, сахар, мануфактуру европейскую и индийскую, перепродавая закупленное своим северным соседям. В прежние время, следует отметить, что дело обстоит с этим несколько иначе и мануфактура, главным образом ситцы и, в особенности, тик, проникала с севера из России, но за годы революции это прекратилось. В числе предметов ввоза со стороны России можно отметить также большие тяжелые чугунные котлы, очень популярные в Средней Азии, которые можно встретить повсюду. Они проникают влоть до Кабула, где расцениваются уже непомерно дорого—стоимость большого котла доходит до 120 рупий (около 60 рублей). Мне рассказывали панджширцы, как они на своих спинах (чтобы не разбить при перевозке на осле или лошади, хотя часто возят и выюками на животных) переносили такие котлы к себе из Ханабада, перетаскивая через Гиндукуш.

В дополнение к тому, что было сказано о покупке мануфактуры панджширцами, можно еще упомянуть, что за последнее время в Панджшир до некоторой степени стали проникать бумажные материи, изготавливаемые кустарным способом в Джабл-ус Сирадже (где имеется уже некоторое количество кустарных ткацких станков европейского типа, распространению чего покровительствует правительство). В особенности оттуда вывозится бумажная материя, называемая „алача-иджада“.

Панджширцы, однако, далеко не монополизируют в своих руках торговые сношения между окружающими их районами, перепродавая произведения одних другим. Предпримчивые бадахшанцы, например, прогоняя свой скот в довольно большом количестве для продажи на кабульском рынке, и проходя со скотом прямым путем из Анджумана на Париян и дальше по Панджширу, не продают его панджширцам, а предпочитают сбывать его сами в Кабуле. Точно также в значительном числе ускользает из рук панджширцев и соль, везущаяся в Кабульские равнины из Каттагана и проходящая через Панджшир. Но даже в той

(мелкой медной монетке) за каждые пять орехов. Покупатель же, с своей стороны, торгуется, чтобы он давал большее число за ту же монету. Чаще всего, как сказано, определяются цены идет, исходя из того, сколько дается на рупию. В старое время такой счет был в большом ходу в Бухаре и Туркестане, где обычно товары определялись, сколько давалось на таньгу. Следы этого счета имеются кое-где там и сейчас.

Следует отметить, что с начинающимся восстановлением промышленности в С.С.С.Р. замечается также и начинающийся понемногу ввоз тех же товаров в Афганистан. В нем занимают свое место и котлы.

части провоза соли, где выступают панджширцы, они сами на копи за покупкой соли не ездят, а покупают соль в Андерабе в сел. Де-Сала (Дех-Сало), куда ее привозят кучи и афганцы 6 ч. на верблюдах, а кабтаганцы на лошадях. На копиях, в добытом виде, торговцы покупают соль в размере восьми серов на рупию, привезя же в Де-Сала перепродают уже давая на рупию только 13/4—2 сера. Перекупившие панджширцы, привезя к себе, продают по одной рупии за сер, а дойдя до Кабула, та же соль продается по 1/2 сера за рупию (т.е. 2 рупии сер). Иначе говоря, стоимость провоза от копей до Кабула удорожает соль в шестнадцать раз.

Несмотря на сравнительно скромные размеры скотоводства, молочное хозяйство в экономической жизни горного таджика, при трудности добывать пропитание и при неприхотливости такового, имеет в общем большое значение, не только внося разнообразие и скрашивая скудную пищу, но, при заготовке молочных продуктов впрок, приходя на помощь таджику зимой и ранней весной, когда его другая пища становится наиболее скудной. Не касаясь в настоящем очерке характера молочного хозяйства панджширцев с его технической и экономической сторон, я позволю себе привести лишь только некоторые сведения о молочных женских артелях в Панджшире, существование которых среди таджиков вообще было впервые отмечено Е. М. Пещеревой, давшей их описание на основании материалов, собранных ею среди таджиков Туркестана, Восточной Бухары и приамирских стран.

Молочная артель в Панджшире называется *пешона*. Участниц в ней бывает от 3 до 8 человек, в зависимости от их богатства молоком. Эти артели функционируют в Панджшире не только летом, по прибытии на летовки, на летние пастбища, называемые здесь *азва* (главное время их работы), но и при нахождении скота и хозяек весной еще в селении „диют“ (دِيوت). Свежее молоко собирается для изготовления кислого молока обычно в медные или чугунные котлы, называемые в этом случае *пешона*. Деревянная мерка состоящая из палочки с отметкой на ней высоты уровня молока, называется *кати*. Ее опускают вертикально в определенный сосуд и молоко льют, пока уровень не поровняется с с меткой. Женщины—участницы артели называются *пешонагар*. Помимо упомянутых выше котлов, называемый, может быть, в переносном смысле *пешона*, этим словом называют также небольшой сосуд, в котором носит свою долю женщина, у которой молока мало и который служит сам по себе меркой. Он употребляется, когда мерить молоко посредством палочки *кати* не имеет смысла.

Характерной чертой сбора каждой хозяйкой—участницей молока является то, что очередь, к кому относиться свои удои всей артели *не* *меняется* *ежедневно*, а устанавливается на *продолжительный* *срок*—5—20 дней. Подобное одновременное получение молока, дополняющее самый смысл организации артелей, дает возможность производства *разовых*

Молочное хозяйство.

Молочные артели—пешона.

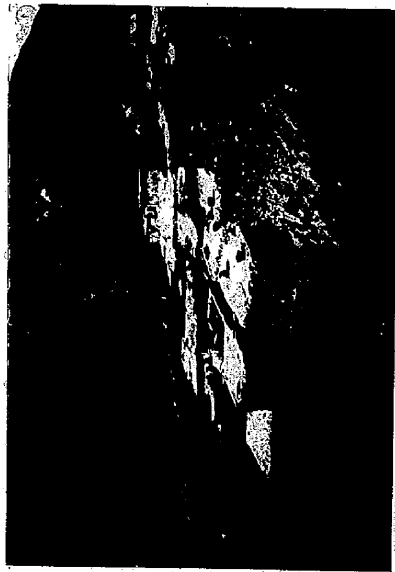
операций с заготовлением впрок молочных продуктов. Срок определяется для каждой отдельной участницы артели в различной зависимости от количества добываемого в ее доме молока и отсюда размера вносимой ею в артель части. Первая очередь дается тем, у кого удои больше всех и, в связи с этим, срок доставки остальными молока в данный дом устанавливается пропорционально более длинный. Дальнейшие очереди тоже назначаются в порядке размеров других участниц. Например, при наступлении молочного сезона самой богатой молочным скотом хозяйке назначается очередь в 20 дней, в течение которых три раза в день споят ей свои удои остальные участницы артели. Далее назначается, скажем для примера, срок в 18 дней следующей по зажиточности, к которой и носит свои удои вся артель. Следующие 12 дней назначаются третьей, 9 дней четвертой и, наконец, последние 5 дней — самой бедной.

В последний день каждой очереди, называемой „пешоз гардони“ („возвращение пешоз“), когда вечером участницами принесено последнее молоко, кончающая получку хозяйка наделяет всех своих товаров по одной деревянной чашке (называемой „кыльфи“) кислым молоком — „джюргот“.

Набранное свежее масло — „маска“, перетапливается, превращаясь в топленое, по *понедельникам и четвергам*, выбирая для этого, кроме того, обязательно еще счастливый час — „сот“ (ساعت), идеальным моментом для которого является *полнолуние* — четырнадцатый день лунного месяца. Но так как, кроме того, нужно соединить еще с этим понедельником или четверг, то срок перетопки масла может быть тогда соответственно перенесен на 15—18-й день лунного месяца, но только не на тринадцатое число — сугубо несчастливый и неблагоприятный день, называемый „нас“, когда вообще ничто не предпринимается.¹

Перетапливание масла — „руганоу-хардан“ (روغن آب کردن) это, видимо, древнее священнодействие. Еще и теперь посторонние не допускаются приближаться, т. к. масло „пај мешяча“ — может испортиться от ступней („пај“) приближающегося. Даже своих домашних во время этого процесса не допускают ни выходить, если они находятся в доме, ни входить, если им случилось до того быть вне помещения, где перетапливают.

¹ Словом „насх“ называется среди таджиков Бухары и Туркестана также несчастливый короткий период, входящий в семидневный период Оджуз (عجوز) (предшествует наступлению дня весеннего равноденствия, праздника весны — Науруза). Насх в народных верованиях таджиков представляется стариком, сварливым, делающим неприятности, мужем ведьмы старухи Оджуз (или Оджиз). Не трудно, по моему мнению, догадаться, что панджширский „насх“ и упомянутый широко известный среди таджиков „насх“ являются исковерканным из арабского نحس — несчастливый, злополучный, дурное предзнаменование.

Общий вид на сол. Зайб-Кур.

Перетапливание ко-ровьего ма-сла.

По выпотке масла хозяйка раздает остальным участницам артели „тыршяк“. Последний готовится тем, что сыворотка („дуз“), остающаяся от масла, кипятится в котле и к ней прибавляют муку. „Тыршяк“ едят поливая сверху маслом. Участницы артели уносят каждая по чашке этого блюда к себе домой.¹

Охота тоже занимает свое место, хотя и не очень большое, в занятиях панджширцев. Весною охотятся на горных коз, называемых „оу“ (آهو) посредством облавы—„кымырга“. Состоит в том, что партия охотников, человек в двадцать, занимает ночью тропинки, которые ведут от водопада, лежащего в глубине долины, на окрестные горы. Каждый охотник по уговору ждет на своем номере. Человек двадцать молодежи, преимущественно мальчишек спускаются вниз к водопаду, к озеру, чтобы слугнуть оттуда дичь и погнать ее вверх на залегших в подходящих местах стрелков, цепь которых называется „банд“.

Охота.

Кроме этого охотятся еще на горных куронок („каук“) и на „чарда“. Последним словом, повидимому, называемых, называются горные индейки, называемые в Туркестане уларами (Megaloperdix himalayensis tibetana). Охотники за ними охотятся в одиночку, приманивая птиц соответствующим посвистыванием, подражая их звукам.

На лисиц охотятся зимою с гончими, пуская их по следу лисицы. Иногда забравшись в нору лисицу заставляют выходить окуриванием. Любопытно, что аист, называемый в Панджшире кылянь-и сизо-боль (كلبک سیاه بال) — название „ляйляк“ или „лякляк“ не употребительно) не представляет собою запретной пищи и не чтится на южном склоне Гиндукуша, подобно тому, как это делается в Туркестане и Бухаре. Где аистов не трогают. Гиндукуш, видимо, в средней своей части по крайней мере, является гранью для разницы в отношениях. На севере в Каттаган-Бадахшане, Мазар-и Шерифе и даже в прилегающем к Панджширу Андеробе аистов не едят и не убивают. В Панджшире же, как и дальше в кабульском и джалабадском районах, его стреляют и едят с удовольствием.

Аистов стараются стрелять в особенности во время их пролета весною над Панджширом, когда они, летя с юга, вечером останавливаются на ночлег на скалах с тем, чтобы отдохнуть и лететь на утро дальше на север, перелетев через Гиндукуш. Осенью на обратном пути на юг они, однако, останавливаются редко и, обычно, не задерживаясь, пролетают, пропарив над хребтом и направляясь дальше к югу. Их остановка в передний путь, может быть, вызывается разреженностью воздуха и большим подъемом.

По словам панджширцев, они также убивают и едят двух других каких то птиц: кар¹ — немного меньше аиста, белого оперенья, но с черными крыльями, и во² — еще меньше кар, оперенье мутно-желтого цвета.

¹ „Тыршяк“ — дословно „кислое“: из ترشی и уменьшительной частицы „ак“.

женицу от пагубного действия разных демонических существ— „тарси-бим“ (تارس و بيم), которые стараются ей вредить. Самое лучшее для этого средство—держать около нее святой коран. Хорошо также окуривать испандом—испанд-чист и от запаха его убегают нечистые духи.¹

Среди последних на первом месте стоит *Олмасты*. Она так и норовит, как бы украсть сердце и печень у роженницы.²

¹ Это растение, *Regalium Natmala*, как мне приходилось наблюдать до сих пор, играет большую роль в жизни населения Средней Азии как верное средство для отогнания злых духов, для ограждения от дурного глаза и т. п. Среди тюркских племен Восточного (Китайского), Русского и Афганского Туркестана это растение называется „исрык“ (ايسرىق), среди таджиков—*испанд* (اسپند) или „лазор испанд“ (هزار اسپند), „сипанд“ (سيند); на афганском языке (пушту) его называют „спелянаи“ (سپيلناي), и „сипанд“, *спанма* соответствующее зендск. *spenta*, санск. *savand* или арабск. *хармал* (حرمال). В засушенном виде с созревшими коробочками это растение, как можно думать, широко употребляется для отогнания злых духов в Туркестане, Хиве, Бухаре, Персии, в Афганистане и особенно в Северной Индии. Главным образом его употребляют (в сухом виде) для курения, где дым его отгоняет демонов. На базарах Средней Азии часто можно встретить юродливого („дивона“) или просто бедняка, который ходит с небольшой жаровней в руках, где тлеют измельченные ветки и коробочки этого растения, обходя его встречающихся ему людей и приговаривая (обращаясь к духам): „выйдите из него! бросьтесь в гору! ударьте в дерево!“ и пр. Также окуривают заболевших, и не только людей, но иногда и животных. В Северной Индии испанд жгут на свадьбах против дурного глаза. Испанд широко повсеместно употребляется для окуривания при родах—как при самых родах, так и в течение сорока дней по рождении ребенка. В широком употреблении также амулеты, приготовляемые из зерен испанда, которые или вешаются в виде украшений в жилище помещенки, или зашиваются в трипочку и привешиваются, как амулет, к одежде человека или на шею животного.

² Испорченная тюркизированная форма „*Олмасты*“ или даже „*Холмасты*“, как называется Албасты в Панджшире, является видимо, самым крайним пределом распространения на юг данной северной *турецкой* формы наименования этого демонического существа (из (آل باسلى). Даже в Мазар-и шерифском районе это уже „*модар-и хол*“ или „*модар-и Ял*“ т. е. „*Матерь Ал*“ (مادر آل). Точно также называется и в Кабуле, где, кроме того, встречается еще форма—„*Модар-Балю*“ (مادر بال). Среди афганцев это демоническое существо называется *Шияк*. В некоторых местах Панджшира мне доводилось, однако, наталкиваться на верование, что *Олмасты* и „*Модар-и Ол*“ два разных существа. Первая—демон, вторая—ведьма, т. е. женщина, через нечистые действия при помощи дьявольской силы приобретшая волшебную силу (см. в тексте).

V.

Рождение ребенка и сопровождающие его обычаи и верования.—Колыбель.—Имена мужские и женские.

Как передавали мне панджширцы, роженца у них родит, сидя на корточках на земле. Другая женщина, чаще всего мать роженницы, держит ее сзади, поддерживая и сдавливая. При выходе ребенка, не допуская его падения на пол, принимает на свои руки другая женщина. Пуповина режется на три пальца. К отрезанному месту прикладывается вата, а также „*зард чуба*“, предварительно сваренная в масле и размельченная. Это считается смягчающим и предохраняющим от заболевания называемого „*газак*“. После рождения торопятся дать новорожденному молока матери, так как, если запоздать и задержать, то ребенок становится от этого глухим.¹ Помимо молока ребенку через несколько дней (приблизительно через неделю) начинают давать коровье масло, что продолжается до одного года. Считается, что это „размягчает“ ребенка. Вместо масла иногда дается топленый жир.

Роженца („*зача*“) не может готовить пищи в течение сорока дней, так как она считается в это время нечистой. Главная опасность при рождении и первое время по рождений ребенка—это предохранить ро-

Роды.

Демоны—
вредители
при родах.

¹ Среди таджиков Восточной Бухары и Туркестана существует очень распространенное верование, что демоническое существо женского пола, покрытое многочисленными грудями, старается накормить ребенка своей грудью раньше, чем это сделает его собственная мать. Ребенок становится тогда принадлежащим этому демону, находится в его власти и или умирает, или становится глухим, ненормальным. Обычно считается, что это делает подобная Диане Эфесской многогрудая Ал или Албасты.—„*Матерь Ал*“ (Модар-и Ал, Модар-и Ял, Модар-и Хол), как называют Албасты во многих местах Афганистана. Если ночью раздается внезапно резкий крик младенца, то это ясный признак, что в данный момент она пытается дать ему свою грудь. В Панджшире, однако, мне говорили, что считается, что кормит ребенка грудью особый джин.

Деш—прикладывает свою руку („дака медат“) к лопаткам роженицы, отчего появляются черные пятна и она умирает.¹ *Джин* (женского пола в этом случае) кормит своей грудью ребенка, причиняя ему смерть или лишая его разума. *Пару*—подменяет ребенка, унося его к себе и выращивая. Оставленный же его ребенок вскоре умирает.

После рождения ребенка посторонние для дома роженицы люди, у которых имеется при себе небольших размеров амулет, называемый **Важные дома роженицы или умершего на амулеты** „*то'иш*“ (تعوذ) или больших размеров—„*тумор*“ (طومار) не входят в течение семи дней в этот дом, т. к. имеющиеся у них амулеты могут лишиться силы („боз мешавад“—باز ميشود, т. е. „раскроются, развяжутся“) и человек может подвергнуться как раз тому, против чего до сих пор действовал его амулет. Такой дом с родившимся ребенком называется „зача-хона („дом роженицы“). Различные злые духи—оамосты, джины, пари, дев и пр. в это время скопляются вокруг роженицы, желая ей повредить, и могут нанести вред входящему. Точно также, говорили панджширцы, имеющему амулет вредно входить в течение трех дней в дом умершего.² т. к. в течение этого времени в доме умершего *остається его тень*.

В колыбель „гавора“ (گهواره) ребенка начинают класть после рождения спустя 10—15 дней, т. к., если продлить срок, то ребенок привыкает находиться около матери, протестует против колыбели, плачет и просится на руки.

Условия нахождения в колыбели, повидимому, таковы, что действуют деформирующе на череп, придавливая верхнюю часть **Деформирующее влияние на череп.** затылка. Следы этого нахождения в колыбели настолько ясны на черепаке панджширцев, что мне приходилось наблюдать, как афганцы при мне в разговоре, ощущывая головы своих собеседников панджширцев и, находя сразу приплюснутое пространство, со смехом говорили им, что они „*гаворачи*“, т. е. подвергшиеся лежанию в колыбели—„гавора“. Панджширцы тоже вполне соглашались, что имеющаяся на их черепаке упомянутая приплюснутость происходит от лежания в колыбели.

Имена, даваемые среди панджширцев, общетаджикского характера, т. е. состоят из смеси арабских и персидских слов. Вот несколько образчиков панджширских имен:

Имена мужские и женские. Мужские имена: 1) Махмат Гиль-Хон (محمد گل خان), 2) Махмат Умар (محمد عمر), 3) Мамад Назар (محمد نظر), 4) Шо-Мирзо (شاه ميرزا), 5) Шо-Навоз (شاه نواز), 6) Абдаль Вонд (عبدالواحد), 7) Нур-А'мат

¹ В одном месте Панджшира мне рассказывали, что до лопаток роженицы таким образом дотрагивается джин. Роженица от этого впадает в умственное расстройство, делается сумасшедшей.

² По другому варианту, слышанному мною в Панджшире, тень остается в доме *четыре* дня, когда она может вредить оставшимся в живых, *причиняя им слепоту* и пр. Через четыре дня она выходит из дома через дверь и исчезает.

(محمد امن), 8) Саид-Мирзо (سيد ميرزا), 9) Маг-Амон (محمد امن), 10) Сайф-ир Рахмон (سيف الرحمن), 11) Гуляб-Шо (گللاب شاه).

Женские имена: 1) Биби Райма (بيبي رحيمه), 2) Биби Мастура (بيبي مستوره), 3) Биби Гыль-Сум, 4) Биби-Джон (بيبي جان), 5) Хоным-Джон (لغا خانم), 6) Биби Со'дат (بيبي سعادت), 7) Ога-Хон'м (از اده خانم), 8) Озода-Хонум (بيبي حوا), 9) Биби Аво (بيبي خلدجه), 11) Биби Заррин (بيبي زرین), 12) Биби Зебида (بيبي زبيده).

Панджширцы, как и другие таджики, при обращении друг к другу, в особенности когда не знают имени собеседника или не желают его назвать, употребляют слово „*бродар*“ (брат) или то же слово в форме „*бидодар*“.¹ В том же употреблении, с оттенком приблизительно нашего слова „товарищ“, применяется слово „*андишол*“.

¹ Как мне говорили некоторые панджширцы, слово „бродар“ употребляется, когда речь идет действительно о брате, для обозначения же представления „брат, земляк, друг“ употребляется слово „бидодар“. Другие панджширцы, с которыми я разговаривал, проверяя значение этих слов, однако, это отрицали.

VI.

Свадьба.

Брачный возраст. Девушки обыкновенно выходят замуж в возрасте 14—16 лет. Если кто перешел за шестнадцать и остался в девах, то получает название „хона монда“ (خانه مانده) — „оставшаяся дома“. Сверстницы при ссоре ее оскорбляют эпитетом „радди“ (ردی) — „отвергнутая“ или „радди-и хона-монда“. Ей остается выходить только или за старика или за какогонибудь калеку.

Обычный возраст женитьбы для юноши — 16—20 лет.

Перешедший за это и не женившийся тоже возбуждает насмешки женщин и девушек, дразнящих его названием „быдда“ — „импотент“, или „пирдук“ — „старый холостяк“. Жениться такой пропустивший свой срок мужчина может только или на вдове, или на некрасивой девушке, остающейся за флагом. Красивые девушки за него в Панджире замуж не идут и ему недоступны.

Последнее объясняется следующим обстоятельством. Во-первых, видимо, незаинтересованностью панджирских девиц в материальном отношении и их предпочтением выйти замуж хотя бы за бедного, но молодого. „Ау руза джугони бисйор куб аст“ (جو روزه جوانی بسیار خوب است) — „хорошо короткое время молодости“, рассуждают панджирцы.¹ Более умудренные жизнью родители были бы не прочь, конечно, отдать иногда свою дочь за богатого и пожилого человека, но здесь им приходится наталкиваться на противодействие самих девиц, пугающих их в таком случае устроить „шиньгари“ — убежать и обвенчаться с другим. „Шиньгари“ — побег девицы (или даже замужней) в большом ходу в Панджире и, по словам панджирцев, приблизительно на 15 обыч-

¹ Видимо, в обычном употреблении слово *дук*, взятое в отдельности, означает теперь *вдова* (но не *вдовец*). Следовательно, точное значение слова „пирдук“ будет „старая вдова“. Словом „дук“ называют также *дымовое отверстие в крыше* — „раузан“ (دوژن).

² Панджирцы с удивлением рассказывали мне, что в Кабуле часто можно встретить молодых красивых женщин замужем за стариками. — „У нас они ни за что не вышли бы, а если и вышли бы, то тотчас же сбегали бы“, говорили панджирцы.

ных браков один совершается через „шиньгари“. ¹ Делается это б. ч. **Шиньгари** — так: юноша и девушка предварительно улаживаются, в назначенный час она выходит из дома к ожидающему ее юноше и оба бегут в дом возлюбленного, где спешно призванный мулла наспех совершает брачный обряд. Иногда убегающую парочку при побеге сопровождают несколько друзей юноши, вооруженные ружьями. В случае погони они ее задерживают, вступая в бой и давая возможность убежать влюбленным.

**побег де-
вушки или
замужней к
возлюблен-
ному.**

Обычно, раз девушка достигла дома умыкавшего ее юноши, погони не пытаясь туда проникнуть и ограничивается криками, воплями, угрозами и бранью перед запертыми крепкими воротами или массивной дверью, ведущими во внутрь огражденного высокими глухими глинобитными или каменными стенами панджирского дома или „кал“². Обычай к тому же требует, чтобы в доме, защищая девушку, все должно скорее умереть, чем допустить, чтобы ее отобрала погоня.

Через некоторое время — приблизительно дней через 15—40, смотря по ожесточенности родителей невесты, ² несколько наиболее уважаемых лиц в селении, называемые „афсакал“, ³ отправляются в дом отца девушки для выяснения его склонности к примирению. Это называется „дыль-пырси“ (دل پرسى): „разведать — как сердце?“. Пришедшие уговаривают отца девушки идти на мир. Сначала уговаривают добром, а если не помогает, то с бранью и криками. В конце концов согласие дается.

После этого дня через два начинаются переговоры о **разме-**рах „пеш-каши“ (پیش کشی), называемого в данном случае „пас-каши“, (پاس کشی). Словом „пеш-каши“, буквально значущим — „подносимое вперед“; обозначается вено, выдаваемое женихом отцу невесты перед свадьбой. Здесь же оно, естественно, обращается в „подносимое потом“ — „пас-каши“. Молодой, имея уже жену, не согла-

**Вено при
панджирцах.**

¹ Затрудняюсь определить образование слова „шиньгари“. Отдельно слово „шинь“ встречается в Панджире в смысле „часть, доля, участие“. Говоря, напр., о каком-нибудь деле или о совместной находке чего-нибудь, если один спрашивает другого — „ту шарик асти?“ („являешься ли ты участником?“), ответом на это может быть — „то як шинь шарик астум“ („участвую в одной доле“). Но здесь вряд ли имеется это слово.

² Если, по полученным сведениям, настроение в доме родителей невесты к убежавшей парочке очень недоброжелательное, — жгут и дают возможность остыть огорченным и раздраженным сердцам; если отношение благоприятное — идут скорее.

³ Из тюркск. „афсакал“ (افسقال) „белобородый“. Афсакал — считается человек с седой, опытный, умный и красноречивый. В сел. Хиньдж, напр., состоящем из 150 домов, таких „афсакалов“ насчитывается всего пять человек. В Панджире это скорее почетное прозвище, основывающееся в своем происхождении на установившейся репутации и не связанное ни с какими выборами или назначениями.

шается на нормальные размеры вена и предлагает иногда тестю довольствоваться 30 рупиями — размер вена, официально установленного теперь в Афганстане настоящим эмиром Аман-Улла Ханом в борьбе с чрезвычайно разорительными размерами вена в народе (мера, остающаяся, конечно, пока в большинстве случаев без применения). Происходит торг и афсакал'ам приходится несколько раз ходить из дома в дом, уговаривая обе стороны. Наконец, получается обоюдное согласие. Отец девушки, говоря, что „сиа-разман буд“ (سیاه‌رازمن بود) — „несчастье выпало на мою долю“, принимает вено в уменьшенном размере, и, вслед за этим, устанавливаются нормальные отношения.¹

Отношение
к шиньгари.

К побегу — „шиньгари“ прибегают не одни только девушки, но и вдовы, и разведенные. В селении Хиньдж есть одна женщина, которая уже пять раз устраивала такие побег. Первый раз она убежала девушкой и вышла замуж. Через несколько времени муж, заметивший, что жена ему изменяет, дал ей развод. Она вернулась к родителям и из дома еще четыре раза убежала со своими возлюбленными, получая всякий раз развод из-за своей неверности, и возвращаясь обратно, пока не успокоилась теперь за пятым мужем. Общественное мнение, однако, довольно строго осуждает такое поведение, клеймя подобную женщину кличкой „гоу-и лятта-хой“ — „корова, жующая тряпки (белье)“. — „Сколько ни бей, а пока не убьешь — от своей привычки не отстанет“, говорят панджширцы.²

Границы
браков ме-
жду родст-
венниками

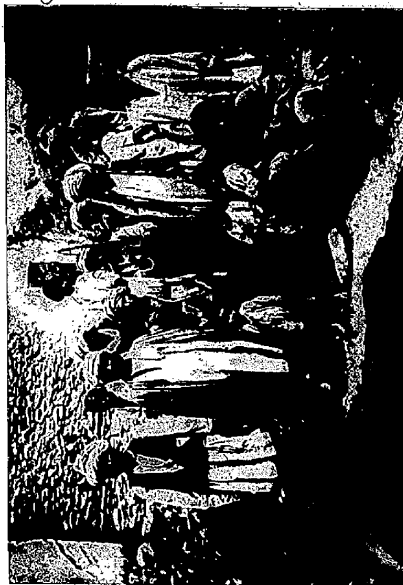
В отношении степеней родства браки заключаются очень широко. Нельзя жениться только на родной сестре, родной тетке и родной племяннице. В остальных степенях родства брак разрешается.

Помолвка, называемая „кынголя“, обычно предшествует браку — „нико“ (نیکو) на несколько лет, в среднем на 3—4 года. Это находится в связи с возрастом девочки-подростка, будущей невесты, когда ее качества, как женщины уже начинают определяться и женихи стараются заручиться гарантией на брак с такой девушкой, которая представляет собою желательные качества. Но часто, бывает, что „кынголя“ — помолвка имеет место только перед самой свадьбой. С другой стороны, бывает по каким-нибудь соображениям и очень ранние помолвки, когда жених имеет только 3—4 года, а невеста является одногодкой.

Помолвка — „кынголя“, иначе называемая „ном-зоти“ сопровождается *тум* (тюрк. *توی*) в доме невесты, т. е. пиришеством, угощением,

¹ Бывают даже случаи, где обе стороны, чтобы избежать обычных тяжелых расходов на свадьбу, по добровольному согласию устраивают сами побег и для соблюдения декорума в отношении соседей, разыгрывают потом комедию побега.

² Как в русском крестьянском быту, так и у таджиков считается, что если теленок или корова привыкает жевать попадающуюся ей белью, тряпки, то отучить от этого нельзя никакими побоями.

Группа жгелей в сел. Талаки.

размеры и содержание которого определяются зажиточностью его устраивающих. У бедных это ограничивается закланием одной или двух коз. Отец жениха дарит в этот день невесте одежду, состоящую из материи для рубахи—„кырта“, штанов—„тымбон“ и головного платка—„чодыр“. Материя подносится вместе с „чалпак“—большими тонкими хлебными лепешками, имеющими некоторое ритуальное значение.¹ Чалпаки передаются завернутыми в подносимую материю. Собравшиеся женщины и девушки съедают принесенные чалпаки и тут же кроят и шьют костюм для невесты из принесенной материи. Собравшиеся гости съедают угощение, приготовленное из мяса животных, присланных для этого отцом жениха в дом невесты, где происходит угощение и после еды читается коротенькая молитва—„фотихо“ (a-zli), в которой упоминается о даровании благополучия. Принятие поднесенной одежды и зарезание и проитие крови животных, присланных женихом, являются актом, обязывающим невесту и ее родителей соблюдать обещание выхода замуж за данного человека. Помолвленные с этого момента называются в отношении друг друга: юноша—кынгола, девушка—кынгол. Самая помолвка называется также иногда кынголаги.

Помолвленный юноша посещает дом невесты и иногда помогает своему тестю—„хысыр“ (теща—„хышь-доман“) в случае надобности в домашних работах. Он часто остается ночевать в доме невесты и, оставаясь с невестой при случае с глазу на глаз, позволяет себе некоторые вольности, не переходя, однако, за известные пределы. Это называется „кынол-бози“. Сдерживающим элементом является девушка, сохранение целомудрия которой до свадьбы является самым существенным обстоятельством для спокойствия ее дальнейшей жизни. Дело в том, что в первую брачную ночь на ложе стелется белый платок девушки, который выносится на утро и показывается соседкам для специального угощения по этому поводу. Это называется „сар-тахти“.

Девушка, которая не оказалась невинной, называется „ав-дыхтыраки“ („недевственная“) и обречена на всю свою жизнь на попреки от времени до времени окружающих по этому поводу. Как и в старорусском быту, если молодые преступили запретную черту и сожительство имело место до брака, то в брачную ночь, чтобы скрыть следы и избежать позора, прибегают к уловкам (запасенная заранее кровь животного льется на платок и пр).²

Отношения помолвленных.

Доказательство невинности девушки в брачную ночь.

¹ О чалпаках см. дальше в упоминании на стр. 54 и (о мазарах).

² В одном случае девушка, желая скрыть следы своего поведения до брака (не с мужем) неосторожно налила на платок темнокрасного масла. Первый момент это было удачно, но потом, когда стали замывать платок, выяснилось, что это было масло. С тех пор несчастная на всю жизнь была обречена на кличку „тель-дыхтыраки“—„масляная невинность“.

Вено. Вопрос о том, как справить свадьбу—самое серьезное дело. Главный озабочивающий пункт—вено. Специально приглашенные афскалы ходят из дома отца жениха в дом отца невесты, шепчутся с последним, торгуются, уговаривают, чтобы он уменьшал свои требования. С отцом жениха, стараясь уменьшить размер вена, переговоры ведутся об его увеличении. Это хождение афскалов и определение вена называется „пеш-каши бури“, т.е. „установление (букв. „отрезание“) вена“. Нормальные средние размеры вена в Панджпире следующие:

Размеры вена.
 20 голов мелкого скота (овцы, козы).
 2 штуки рогатого скота (коровы или быки).
 1 харвар зерна (4 сера кукурузы и 4 сера пшеницы).
 10 серов муки.
 1 лошадь или 100 рупий наличными деньгами.
 2 ружья.

8—10 отрезков материй, обычно хлопчатобумажной. Каждый отрез состоит из 5 газов и хватает на платье.

Если сватающийся не из своего или даже не из окрестных селений, а издалека и невеста таким образом уезжает далеко, то размеры вена увеличиваются вдвое.¹

Доставка вена. Вено переносится в дом невесты во вторник или четверг—счастливые дни. Обставляется это довольно торжественно. Утром в назначенный день в дом жениха приходят двое представителей отца невесты—„вакиль-и дыхтардор“, с палками в руках. Собираются также и местные жители. Двое вакилей бракуют тощих или небольших животных, которых им подводят, требуют, стуча палками, замены их хорошими. Со стороны жениха просят онисхождения, для умилостивления вакилей преподносят им небольшие подарки. Все это сопровождается криками, шумом. Наконец, скот выбран, все улажено. Присутствующие садятся за угощение, состоящее из плова или похлебки с мясом. После короткой молитвы все готовится к выступлению. Из дома жениха производится два выстрела, чтобы известить, что поезд трогается. Впереди гонят

¹ Определение размеров вена ведет часто к большим недоразумениям. В одном случае в сел. Дашт-и Ривак подраставшая девушка, которая была просватана за одного своего дальнего родственника, оказалась замечательной красоты. За нее начали свататься другие. Отец невесты, получивший уже вено, потребовал его увеличения, указывая на действительную необычайную красоту дочери. Он требовал, чтобы жених его или уплатил то, что он просит, или же отказался от невесты. Сильно обиженный юноша, не отказываясь от невесты, отправился на заработки в Кабул и в настоящее время уже 11 лет, как живет, служа в Кабуле и копиа деньги. Два раза уже отец невесты приходил из гор уговаривать его вернуться и жениться, отказываясь от лишнего вена, но он не соглашается и хочет проработать еще, чтобы скопить ту сумму, о которой был разговор при повышении вена.

скот, сзади которого идут мужчины. Замыкая шествие следуют женщины, неся материю. При приближении к дому невесты дают снова два предупредительных выстрела. Услыдав их из дома невесты выходят женщины и бросают на входящую в ворота скотину заранее заготовленное печенье, называемое „руган-джуши“ (روغن جوشی).¹ Ребяτσики и взрослые со всех сторон кидаются поднимать его с земли и происходит большая суматоха. Это называется „шакар-риз партови“—„разбрасывание сахара“ и считается имеющим большое внутреннее значение в смысле приветствия пригоняемому скоту и приносимой одежде. Пришедшим предлагается угощение—плов или мясная похлебка, плов которого они уходят.

Как только вено прибыло в дом невесты, собравшиеся там девушки и женщины принимаются шить невесте платье из принесенной материи. Это называется „джома-бури“ („кройка одежды“). Участницам предлагается угощение. Приготовление одежды сопровождается смехом шутками, но песен при этом не поют.

Если вено отнесено во вторник, то через день, в четверг, назначается свадьба—„туй“. Если же вено отправлено в четверг, то свадьбу справляют через четыре дня, т.е. во вторник.

Свадьбы устраивают большею частью осенью, меньше—зимой. Весною и летом свадеб не бывает. Объясняется это тем, что весною и летом люди бывают заняты сельско-хозяйственными работами, от которых освобождаются во второй половине осени и, кроме того, тем, что осень—период наибольшего благополучия и скопления различных запасов.

Накануне перед свадьбой устраивается пред наступлением вечера бритье головы жениха, отдающего после того свои старые одежды цирульнику („даллак“) и одеваемому во все новое.² С этого момента он „шо-мард“—„жених“. Вечером в его доме устраивается „байт-гуи хона“—состязание в стихах. Народ прибывает на таковое по приглашению посланного, которому поручено срывать окрестных жителей. Собравшиеся разделяются на две партии, а, если народу много, то и на три и приступают к пению различных песен, каждая партия выступает по очереди. Сначала поются песни, называемые „маком“, (ماقم) —протяжные мелодии, распеваемые заунывно. Их сменяют потом „байт“³

Шитье платья невесты.

Время свадеб.

Бритье головы перед свадьбой.

¹ Делается из кусков теста, жареных в масле.

² Кроме бритья головы цирульником жених в одиночестве сам сбривает себе бритвой волосы около полового органа.

³ Словом „байт-бози“ (بیت بازی) в Средней Азии называются также состязания на быстрое нахождение какого-нибудь стиха—или из известных произведений других поэтов, или импровизируемого самим состязующимся, но при условии, чтобы начальная буква стиха была бы та же, которой закончилось предыдущее сказанное стихотворение, только что декламированное пред этим другим. Эта игра

—стихи, поющиеся с быстрым, плясовым темпом. То и другое сопровождается аккомпаниментом бубна с той только разницей, что при макоме он чуть слышен, при байте же звучит громко. Байт сопровождается аккомпанирующим ритмичным хлопанием в ладоши присутствующих („карс“). Выходит танцор и танцует под эти звуки, сменяемый потом другим. После этого присутствующие пеньем, а некоторые и возбужденные, кроме того, выкуренным „чарс“ (известн. наркотиком), приступают к состязанию в импровизации. Оно заключается в том, что выступающие поэты поют экспромтом стихи, часто высмеивающие противника, который должен ответить в рифму и поразить еще, кроме того, выступавшего метким словом. Эти стихотворные выступления называются „капра“. Наиболее отличившимся выдается большая денежная награда. Подобное же времяпровождение повторяется еще в доме жениха в тот вечер, когда привозят в дом невесту, при чем пенье и веселье продолжают всю ночь.

Если предстоящая свадьба справляется богатыми людьми, то накануне дня свадьбы глашатая—„джодшара“, посланный со стороны жениха, обходит окрестные селения и, проходя по улицам, кричит, что завтра свадьба у такого-то с такой-то (называются имена), приглашая таким образом со стороны жениха окрестных жителей приходить на свадьбу. Если женился бедные люди, то „джодшара“ ходит только в утро свадьбы по своему селению. Со стороны невесты тоже ходит другой „джодшара“, приглашающий родственников и соседей, но собирает значительно меньше народа. Приглашенные посланным невесты (только ее родственники и ближайшие соседи) собираются к ней в дом, собираемые посланным жениха, т. е. большинство—приходят в дом жениха.

Гости в дом жениха начинают сходиться рано—на восходе солнца. Но еще раньше, чем соберутся обычные приглашенные, еще на рассвете приходят ближайшие друзья и родственники жениха, вооруженные

очень распространена среди учащейся молодежи. В собравшемся кружке участников тот, кому пришлось произносить стихотворение (обычно очень короткое—2—4 строфы), кончая его, должен неожиданно указать на кого-нибудь из присутствующих и тот, не делая ни момента промедления, должен начать читать свое, начинающееся, как сказано, той самой буквой, которой закончил противник. Эта игра—состязание довольно распространена как в Средней Азии, так и в Афганистане и среди мусульман Индии. На севере Индии существуют даже специальные печатные издания для подготовки к подобным состязаниям, где приведены образчики стихотворений, начинающихся на различные буквы алфавита. Среди равнинных таджиков Туркестана, знакомых с местн. турецким наречием, как напр., в Самарканде и Ходженте, при этих состязаниях даже не обязательно, чтобы язык стихотворений был обязательно персидский (на наречии которого они говорят) и иногда тем или другим желающим, как мною наблюдалось, вставляются при этом и турецкие стихотворения.

Состязание в стихах.

Приглашение на свадьбу.

Приход гостей на свадьбу.

кремневыми ружьями и начинают пальбу („тырамбаст мекуван“), что служит вместе с возгласами глашатая оповещением для населения о начинающемся справлении свадьбы. Мужчины приходят с ружьями. Женщины, с открытыми лицами (в Панджшире не закрываются), тоже появляются, но приходят отдельно от мужчин и держатся в стороне от них, большею частью сидя на крыше и смотря на зрелище. Мужчины приходят разряженные в свои лучшие одежды, тщательно приберегаемые для подобного случая. Среди сиюль (так называется преобладающее главное сословие, своего рода аристократия долины) в особенности является вопросом чести не отстать в подобных случаях от других. Стремление наряжаться на женщин не распространяется и те просто надевают только более чистые одежды. Родственники, являясь в дом, приносят „шакар-риз“—небольшое подношение из каких-нибудь хозяйственных запасов: немного муки, талкана или пшеницы или, наконец, просто немного денег (приблизительно от 1/2 до 3 рупий), если нет другого.

После того, как народ собрался, устраиваются развлечения. Мужчины делятся на две партии и принимаются палить по очереди залпами, что называется „чиллик“. Это делается по команде: 1) „тапор“—„готовься!“ Все берут ружья в положение для стрельбы, 2) „баль“—зводят курки у ружей и 3) „ур“—производится выстрел. Эта пальба производящаяся холостыми зарядами, при чем стараются набивать побольше пороха, чтобы выстрел был громче, продолжается обычно до полудня. Иногда, кроме того, здесь же, в доме жениха, устраиваются и другие развлечения, обычно имеющие место после того, как поезд жениха прибыл в дом невесты. Главное место среди них—„биз-кхши“ (بز کشی)—известная в Средней Азии конная игра с козлом. Обычно эту игру устраивают, сопровождая поезд жениха и продолжают около дома невесты (если местность там не позволяет, то разваскаются сначала около дома жениха). Кроме того, устраивается стрельба в цель. Мишенью и призом служит живая курица, привязанная на некотором расстоянии за ногу к колышку. Застреливший ее берет себе. Точно также стреляют по козелку, привязанному, конечно, где-нибудь подальше, чаще на окрестных скалах.

¹ Эти термины занесены таджиками, служившими в афганской армии: „баль“ (афг. بل) — „зажженный“ (вероятно, первоначально относилось к закиганию фитея ружья); „ур“ (афг. ازر) — „огонь“ (соотв. англ. команде — „fire“, фран. „feu“).

² Повидимому, Панджшир является одним из южных пределов распространения этой игры, столь популярной в Средней Азии. Как мне говорили, она очень распространена в Хазарджате, где без нее не обходится ни одна свадьба, а также встречается в долине Горбенда, но на кабульской равнине уже не встречается хотя, как мне передавали, ее можно видеть в Кандагаре и в некоторых горных местностях на юге, напр., в Логаре.

Свадебные развлечения.

Около полудня гостям в доме жениха предлагается угощение — „нон-и туй“,¹ состоящее из „шур-тома“ — вареного мяса и кашцеобразной похлебки, в которую прибавлен рис. Она все же настолько жидкая, что ее хлеблют ложками. Это блюдо иногда заменяется пловом. Во время еды жених, одетый во все новое и называемый, как и в старой русской свадьбе „князем“ — „шо“ (شا) ест, занимая центральное место среди гостей, окруженный кучкой наиболее почетных гостей, имеющих „афсакало“ (аксакалы), которых угощают более изысканными блюдами, чем остальных — напр. „молида“², „руган-джуши“ и др.

Поезд жениха трогается за невестой около 4—5 час. вечера, но если дом невесты далек, то соответственно раньше. За женихом, едущим верхом, движется его свита — „шо-чолло“. Движение в этот и обратный путь не сопровождается пением песен, как это делается в некоторых других местах,³ но зато, как сказано, поезжане забавляются игрой с козлом („быз-каши“). Самое шествие совершается в следующем порядке. Впереди жениха идет местный дируальник — „даллджок“, который, вместе с тем является для обслуживаемых им жителей и певцом и музыкантом, со-

Свадебный поезд.

¹ Слово „нон“ (نون) обозначает в Афганистане не только просто хлеб, называемый иногда для ясности „нон-и хушк“ („сухой хлеб“), но и пищу, обед, угощение вообще.

Так как приготовление и угощение приготовленной на свадьбе пицци требует большого количества посуды, то для этого собирают в зажиточных домах селения большие чугунные котлы для варки пицци (привозятся из России и называются „диг-и руси“ — „русский котел“). Ложки, нужные для угощения собираются предварительно по всему селению вместе с деревянными чашками. Расходясь по домам каждый находит свою ложку и чашку и уносит с собою домой. Точно так же, как чашки и ложки, только накануне, собирается по домам селения топливо, необходимое для варки пицци.

² „Молида“ — измельченный хлеб, политый сверху раскаленным до красна коровьим маслом и размятый затем руками до превращения в тюрю. Очень любимое и считающееся очень лакомым блюдом, распространенное широко среди горных таджиков как Русского Туркестана, так и Восточной Бухары.

„Руган-джуши“ (روغن جوشی), о чем упоминалось раньше, — кусочки теста, для получения узора, прижимаемые к сити и варящиеся на подобие вафель в кипящем масле.

³ В соседнем с Панджширом Андеррабе, напр., поезжане, увозя невесту, поют:

„Лашкар-и шо омади — шо муборак бод-эй!“
 „Нисф-и шяу чаль вод-эй, дам руз оубод-эй!“
 „Шо муборак бод-эй, амчу болю бод-эй!“
 „Орус мо мибарим-хвала шумо мешаи“.

„Подходит войско князя — да благословен князь!“
 „В полвочь — соитие, на рассвете — обмывание.“
 „Да будет благословен князь, да вознесется высоко!“
 „Невесту мы увозим — стыдно вам“.

двигая в себе эти, казалось бы, очень разные профессии.¹ В данном случае он ударяет в бубен. Пред ним идут 8—10 человек пеших, стреляющих из ружей, заряжаемых ими на ходу. Несмотря на отсутствие при этом холодного оружия это называется, видимо, старым именем — „шамшир-боз“ („игра мечами“). За „князем“, следуя непосредственно за его конной свитой, тянутся все поезжане — „войско князя“ („ляшкар-и шо“). Женщины в тех домах, мимо которых проходит процессия, засыпая выстрелы, взбираются на крыши своих домов и оттуда бросают в поезжан заготовленными заранее „руган-джуши“, орехами и „озык“ — небольшими приниками из теста, жареного на масле. Это считается „савод“ (سواد), т. е. богоугодным делом. Брошенное угощение оживленно подбирается кидаящимися его собирать ребятами.

Подъехав к дому поезд останавливается. Жених, слезши с лошади, не входит в дом, а остается снаружи, сидя посреди собравшихся в „маррака“ (собрание) поезжан. Производится снова палба залами — „ши-лир“. Иногда, кроме того, развлекаются танцем с ножом, называемым „кард-бози“ (کار دبازی), состоящим в том, что одинокий танцор держит в одной руке нож, а в другой ножны, производя при этом различные движения в ритм музыке.²

Невеста с утра в день свадьбы моет себе голову, после чего ее девичьи волосы, носившиеся до этого в две косы, с привязанными к ним подвесками — „муй бандак“ заплетаются в одну. Характерным признаком невесты является также то, что она спускает себе по обе стороны с висков по локону „зульф“, которые остаются потом на месяц или на два в первое время по ее замужестве. Руки по запястьям покрываются генной („хына“). Как только оделась, она садится в особый угол помещения, отделенный занавесью („тахт“). Там она находится, окруженная девушками.

Заплетение косы невесты.

Последнее обращение относится к родным невесты (от которых, считается, ее отбили, увозят), которые не смогли ее отстоять.

¹ Бритье головы мужчинами в Панджшире производится приблизительно раз в месяц или еще раньше и ремесло дируальника имеет потому так известное значение. Дируальник, „даллджок“, обычно наследует своему отцу и это занятие, таким образом, является до некоторой степени наследственным. Часто дируальник обслуживает несколько соседних селений. В сел. Хиньдж, напр., для бритья головы приходят двое дируальников, живущих в сел. Новот, при чем их ждет здесь каждый раз около 300 голов. С этой работой вдвоем они справляются в 2—3 дня. Вознаграждение им, годовое, уплачивается раз в год по сборе урожая и в разных селениях разнится. В сел. Хиньдж, напр., они получают по 1 серу зерна, в Пеш-Гур же по 2 сера.

² Как мне говорили панджширцы, производимая стрельба также является аккомпаниментом к музыке.

**Брачный
обряд.**

Прибывшим поезжанам и жениху предлагается угощение, после которого приступают к совершению брачного обряда— „*ника*“ (نكاح). Последний совершается казимем или, в случае отсутствия его, имамом и происходит там, где находится жених, т. е. перед домом, вне его. Один ближайший родственник, обычно дядя невесты, является ее представителем— „*вакиль*“ (وكيل), выбранным ею. Это удостоверяется проверочной посылкой к невесте, продолжающей сидеть в своем углу, двух свидетелей (شاهدين), которые спрашивают у девушки, кого она выбрала.

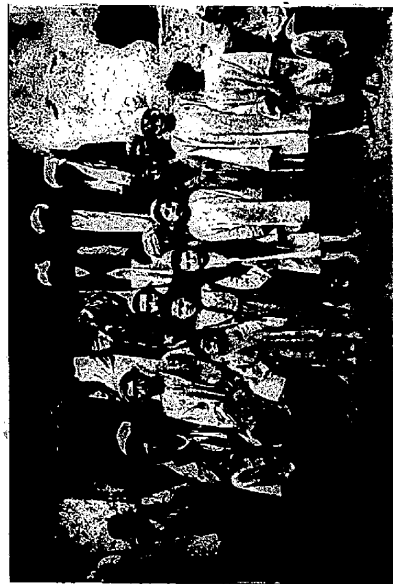
На развернутом платке пред совершающим брак ставится чашка с водою, которая сверху закрывается хлебной лепешкой (обычная форма хлеба). По совершении обряда, совершавший его забирает хлеб и платок себе. В начале обряда им читается молитва, называемая „*хытба*“ (خطبة), во время которой он три раза дует („*чуф*“¹) на воду. Когда приходит очередь вакилю ответить на вопрос— „*ту доди, аз уаюлят баромади?*“, т. е.— „ты отдал девушку и покончил с представительством?“—вакил отмалчивается, хотя вопрос предлагается ему три раза. Только после того, как ему сделано подношение, состоящее из чалмы и куска материи на халат, он отвечает троекратным согласием: „*быхостим ва кабудашь кардим*“— „я пожелал и на него (на жениха) согласился“. Пред этим протягивается платок, за один угол которого при произнесении этих слов держится жених, а другой берет и держит вакиль. После этого жених отпивает три отдельных глотка воды из стоящей перед ним чашки. Два свидетеля затем относят чашку невесте, которая тоже отпивает из нее три раза.

**Увод
невесты.**

По заключении брачного обряда приступают к выводу невесты. Когда за ней приходят, чтобы ее вести, она отказывается встать, пока ее отец не удовлетворит ее, подарив ей какую-нибудь скотину или вещь из полученного за нее вена. Только после этого, скрытая под покрывалом, она выводится из дома, при чем за правую руку повыше локтя ее держит отец жениха, а за левую, таким же образом, ее собственный отец. Молодую сажают на лошадь, которую ведет за повод отец жениха. Отец девушки, усадив дочь, тотчас возвращается к себе, т. к., если он замешкается, то раздаются насмешливые аплодисменты и взрывы хохота. Считается, что невеста уже взята, отнята, с этим делом уже покончено и что теперь можно посмеяться уже над теми, кто ее выпустил и кому до этого приходилось кланяться и у кого заискивали.²

¹ В Туркестане и Бухаре произносится „суф!“ Этот возглас, сопровождаемый выдыханием воздуха, обычно заканчивает какую-нибудь заклинательную молитву, заговор и т. п. Иногда прибавляется еще слово „куф!“ („Куф!.. суф!..“). Употребляется с глаголом كرفن.

² В соседнем Андерабе эта черта, связанная, вероятно, с остатками древнего свадебного обряда, имитировавшего перичное

Группа в сел. Бозорак.

На обратном пути порядок поезда следующий. Впереди идут пешие, за ними следуют конные, за которыми едет невеста. За ней непосредственно следом едет жених, около которого толпа ребяткиши, требуя гостинцев—„руган-джуши“. При подходе к дому жениха они толпаются около невесты—теперь откупаться должна она. Пения во время движения поезда у пайджирицев, как сказано, нет и только играет сурнай (кларнет) под аккомпанимент бубна.

Обычно молодые вместе с поезжанами на пути к дому жениха заезжают на местный мазар, где произносят короткую молитву.¹

Когда поезд прибыл к дому, снова повторяется отказ невесты трогаться с места до получения подарка. Несмотря на упрямства встречающей свекрови невеста не слезает с лошади до того, как ей не подарят 3—4 тутовых дерева в ее собственность или напр., большой котел. Вводят ее в дом, держа, как и раньше, за руки и направляя (за своим покрывалом невеста почти ничего не видит), отец и мать жениха. Никакого зажигания огня перед домом, как это бывает в некоторых других таджикских странах, при этом не наблюдается, как равно нет и произнесения невестой „салам“ (السلام عليكم), обращая к дому или к машинному очагу. Невеста произносит это приветствие в момент, когда она переступает правой ногой порог (при оставлении своего дома, уходя она переступает через его порог левой), но может считаться, что это приветствие обращено к корану, который держат в этот момент над ее головой, или к присутствующим в доме. Остальные входящие, тоже как обычно, входя в дом, произносят салам.

Невесту усаживают в углу помещения за занавесью. Из своих домашних женщин ее никто не сопровождает. Исключение в этом отношении бывает только, если ее везут далеко,—напр. дня 2—3 пути. За занавес к девушке набираются женщины. За честь приподнять покрывало невесты и посмотреть на ее лицо женщины, по крайней мере обязательно первые семь, платят дарами. Дороже всего (3—4 рупии деньгами), платит первая—свекровь. Последние отделяются бусами, дешевыми кольцами, а после семи дарят невесте только желающие.

После того, как невесту привезли в дом, поезжане садятся в круг и все аккомпанируют ритмическими ударами в ладоши песни, которую обычно поет даллак под аккомпанимент бубна. После того, как прошло некоторое время, огонь внезапно тушат и это служит сигналом к шалостям и суматохе, начинающейся в темноте.² Некоторые раздают на-

умыкание невесты, сказывается еще яснее. Там, после того, как голова поезда с невестой отошла, остающиеся дома родственники невесты принимаются колотить арриергард поезда, состоящий из конных и бросать в них камнями. Отбежав на некоторое расстояние, последние платят хохотом, насмешливыми аплодисментами, а также словами, песни поющей в это время (см. примеч. ² на стр. 46).

¹ См. подробнее на стр. 56 при описании мазара.

Прибытие невесты.

Осмотр прибывшей невесты женщинами.

Развлечение мужчин.

дачу своим соседям пинки ногою („*шияллох*“), другие стараются схватить и сдернуть у подвертывающихся под руку чалмы или калаты. Происходит большая кутерьма. Когда снова зажигают огонь, то выясняют, что случилось, ищут запрятанные вещи, иногда даже крадутся при этом. Этот обычай называется „*чирог-кышах*“ („тушение огня“). Он продлевается только между мужчинами. В числе прочих развлечений иногда устраивается, как сказано раньше, и „байт-бози“ (состязание в стихах).

Приход к
невесте же-
нхлы.

Вечером в день прибытия невесты в дом, женщины продолжают сидеть в ее помещении около нее до хуфтана (пятый намаз—около 9 часов вечера) после чего с ней остается только свекровь, а потом подходит молодой. У невесты находятся в большом кармане захваченные из дома разные сласти, ядра грецких орехов и пр. Это называется „*джибаки*“ (от *جيب*—карман). Невеста открывает лицо. Жених протягивает свою руку в карман невесты и пробует угощение, которое потом вынимается невестой и поедается втроем. Мать затем выходит и молодые остаются одни. В помещении, где они ночуют, никто другой не остается.

Доказатель-
ство неви-
ности не-
весты.

Утром на рассвете первым встает молодой, а, вслед за ним, поднимается молодая. За ворота своего нового дома она выходит только через семь дней. К тому времени, как молодая должна встать, в дом приходят несколько соседей, приглашенных на угощение. Как только невестка вышла из своего угла, свекровь входит туда, берет белый головной платок невесты, который она стелет под себя на свое брачное ложе и показывает его, как доказательство невиновности невесты, по крайней мере, трем собравшимся соседкам-свидетельницам. Не показать—значит с невестой что-нибудь неладно (см. также упоминание раньше на стр. 41).

Первое по-
сещение
молодыми
родитель-
ской
женны.

До истечения семи дней помещением невесты является угол за занавеской, откуда она может при желании выходить. По прошествии семи дней свекровь печет хлебные лепешки, называемые „*нон-и оруси*“—„хлеб невесты“, в ознаменование того, что невеста вышла из своего затворничества и смешалась с прочими женщинами дома в их обычной жизни („*ка занак шийшта*“—„села с женщинами“).¹ Хлебы эти выносятся и раздаются подходящим соседям, съезаемым обычным криком при раздаче ритуальной пищи: „сар-и-нон-и худојо!“... (на пищу божею!“...).

С этого момента девушка считается женщиной и вступает в исполнение своих домашних обязанностей.

Первые семь
дней моло-
дой в доме
мужа.

Своих родителей молодая навещает вместе с мужем приблизительно но через месяц после свадьбы. Это посещение называется „шо-салом“

(„*шо-салом*“, приветствие жениха“). С молодой идут несколько женщин, и свекровь, сопровождая ее. Несут хлеб и мясо. Если есть что-нибудь, оставшееся недоданным от вена, то это тоже доставляется в этот момент. Принесенная пища естся в доме тестя и раздается соседям, называясь „шо-саломи“.

¹ Ка соотв. перс.-тадж. *کنی*—с, со.

VII.

Похороны.

Капельки
воды в рот
умирающего.

Когда человек умирает, то в момент расставания души с телом, что знаменуется предсмертным хрипением, в рот умирающего пускаются три капли воды, которые называются „туш-и охират“—„путевой запас в вечность“. Дьявол в это время, присутствуя при кончине человека, старается уговорить его, если он человек грешный, чтобы он испустил свой дух в труп какого-нибудь нечистого животного—в дохлую собаку, например, и грешник умирает в продолжительных мучениях. Когда же приходится умирать хорошему человеку, ведущему праведную жизнь, то к нему является ангел и протягивает ему прекрасное райское яблоко. Душа тянется к яблоку и безболезненно выходит из тела. Ее берет ангел, отводящий ее в рай („джаннат“). Душа выходит из тела через рот в виде голубя, но видеть ее выход никто не может—она невидима. Душа—тень остается в доме покойника в течение трех (вариант—четырех) дней, после чего исчезает.

Когда человек умер, что узнают по прекращению биения сердца и потому что тело холодеет, то первым делом покойнику закрывают глаза и подвязывают платком нижнюю челюсть. При этом читается короткая молитва: „Худо биюмырзадат, джаннат насибат кына!“—„да прости тебе господь и да даст тебе в удел рай!“.

Обмывание
покойника.

В то время, как тело покойника обмывают (специальных обмывателей—„мурда-шуй“, в Панджшире не имеется и обмывают обычно ближайшие соседи: мужчину—мужчины, женщину—женщины), другие, в это время отправляются конать могилу—„карб“, как обычно исковерканно называют могилу панджширцы вместо араб. „кабр“ (قبر). Могилка роется в продолжном направлении с севера, где помещается голова покойника, на юг, куда направлены его ноги. Тело кладется на спину, но самая голова обязательно поворачивается лицом к Мекке. Могилка роется глубинию по грудь покойнику (линия груди считается—по соски), при чем для женщины она роется приблизительно на четверть арш. выше по сравнению с тем, что для мужчины, т. е. на 1/4 арш. выше груди покойницы (высота считается по росту покойника, если бы покойник стоял в могиле). Стены могилки роются охвально и боковой впадины (جذع) не делают.

Покойника, как повсюду у мусульман, стараются похоронить поскорее. Если умер утром—хоронят в тот же день вечером, если вечером

Выход
души.Рытье мо-
гилы.

на следующий день утром. Похоронами распоряжаются ближайшие соседи, которые принимают на себя все хлопоты, облегчая горе домашних, потерявших члена своей семьи. Они дают знать о смерти в окрестности, чтобы и более отдаленные соседи могли бы прийти на „джаноза“ (جنازه)—панихиду. В продолжение четырех дней они же доставляют пищу в дом покойника для проживающей там его семьи. В доме покойника огонь в это время не разводится.

По обмытию тела покойника завертывают в саван—„кафан“.¹ Последний делается из белой бумажной материи местного производства, род бязи, называемой „карбос“ (كرباسي), или из привозного каленкора—„сон“. На саван для мужчины идет 13—14 газ, т. е. около 15 метров карбоса или 11 газ сона. Для женщины идет несколько больше: 16 газ карбоса или 13 газ сона. На детей идет соответственно меньше. Покойника закрывают саваном целиком, обвертывая даже лицо. Последнее открывают только в могиле, поворачивая к Каабе (к Мекке), а затем, по веру, прикрывают снова саваном.

Завернув покойника в саван, что, как обмывание происходит, для того, чтобы не видели посторонние, за протянутой для этого занавесью, покойника кладут на специальные похоронные носилки „тобут“ (تابوت). По вынесении тела покойника из дома носилки с телом ставят на землю и совершают „джаноза“—панихиду. По ее завершении из дома покойника в зависимости от достатка, раздают собравшемуся народу, главным образом мullah, деньги, заменяя их иногда солью (привозится в Панджшир из окрестностей Талихана).

Официального опрашивания народа—хорош ли покойник, как равно и принятия кем-либо на себя за вознаграждение его грехов, как это делается в некоторых местах, в Панджшире не существует. По окончании джанозы носилки с покойником поднимают и несут на кладбище, по дороге меняясь и уступая друг другу очередь нести. Нести покойника, как и вообще принимать участие в похоронах, считается богоугодным делом („савоб“—تواب).

Опустив тело в могилу, произносят короткую молитву. Двое, спустившись в могилу расправляют тело покойника и, как сказано, поворачивают его лицо к Мекке. Сверху могилу закрывают большими плоскими камнями, заменяющими доски, чтобы предохранить тело от непосредственного засыпания землей, оставив под покрывшей пустое пространство. Прежде, чем закрыть могилу, каждый из присутствующих берет горсть небольших камней, читает над ними короткую молитву, дует на них и опускает камешки в могилу так, чтобы они прилипли около правой стороны лица покойника. Это считается „савоб“ (богоугод-

¹ Глиняная большая чашка и два глиняных кувшина, употреблявшиеся для обмывания, выбрасываются и разбиваются.

Саван.

Джаноза.

Опускание
в могилу.

ное дело), но объяснить основной мотив этого действия панджширцы не могли. Могила после этого наглухо закрывается плоскими камнями и поверх них засыпается землей посредством лопаты.

Намогильная насыпь первоначально делается продолговатой. — в виде **Форма могильной насыпи.** спинны рыбы". Только потом, чтобы она не разваливалась, ее окружают невысокой обоймой из камней с четырех сторон и она принимает вид небольшой вытянутой площадки. В изголовьи намогильной насыпи, как равно и в ногах, ставят вертикально по большому камню. Никаких палок, если только это не мазар, над обыкновенной могилой не ставят, как не делают и нищ.

По засыпанию могилы читают молитву, после чего хоронившие **Поминки.** возвращаются в дом покойника, где им предлагается пища, поминки, называемые „зо-рау“. „Зо-рау“ изготавливается соседями и состоит или из блинов („чалпак“),¹ или сыра с маслом, иногда мяса. После еды поминавшие покойника удаляются.

Оплакивание совершается женщинами и продолжается с перерывами в течение четырех дней. Женщины плачут причитывая, напр., смотря по обстоятельствам: „на кого ты оставил свой дом? свою жену? я пришла в отчаяние!“ и пр. (—, хонаята ба ки яла кади, бьодарим эй? заната ба ки яла кади, бьодарим! эй ноумидым? эй!“). Плачут, естественно, как только человек умер. Соединенный плач женщин из дома покойника и присоединившихся к ним родственниц и соседок снова продолжается при выносе тела покойного на кладбище (женщины тела не провозжат и остаются дома) и повторяется от времени до времени до истечения указанного выше срока. Но даже и после него, если приходит какая-нибудь родственница издадека, пришедшая навестить, то и пришедшая и присоединяющиеся к ней свои домашние женщины обычно плачут.

Спустя две недели в день, когда умер покойник, устраиваются его домашними поминки, называемые общим словом „хайрот“ (милостыня), как называется вообще пища или подавание, раздаваемое с богоугодной целью. Закалывают быка, 2—3 баранов, варят также рис. Посланный **Поминки.** пригласитель („косыд“ **كوسيد**) собирает народ на угощение.

Ношение траура по покойнике в виде надевания одежды или части одежды определенного траурного цвета не наблюдается.

¹ Изготовление чалпаков для угощений на поминках, как ритуального блюда, было повидимому, очень широко распространено среди таджиков и Бухары и Туркестана (встречается во многих местах и сейчас). При соре, напр., и сейчас иногда таджик кричит своему противнику — „чалпак-и гармата хурам!“ — „да поем я горячих чалпаков по тебе!“, выражая тем свое пожелание присутствовать на его похоронах.

Следующее поминование покойника совершается при наступлении одного из больших праздников — Курбана или Рамазана. Иногда, у богатых, поминуют в оба праздника.

Ночные бабочки называются „арво“ (**ارواح**) и считаются душами умерших. Когда видят такую бабочку, вертящуюся около огня, то иногда говорят, вспоминая покойника „арвојаш омад“ — „прилетела его душа“, навевающая свой дом.¹ **Душа умершего в форме ночной бабочки.**

Если покойника после его смерти видят во сне довольным, радостным, то это признак того, что ему хорошо на том свете. Если же наоборот — следовательно, он оказался грешен, мучается и поэтому нужно задобрить небо раздачей милостыни, чтобы улучшить участь умершего. **Видеть покойника во сне воспринималось как познание.**

Души младенцев безгрешны. Они идут в рай и по смерти только радуются своей участи.

¹ Словом „арвох“ (множ. ч. от **ارواح**), как известно, широко называются в Средней Азии души предков. Представление о ночной бабочке, как о душе умершего, посещающей свой дом, как и во многих других местах, тоже очень распространено среди таджиков Туркестана и Бухары, обычно называющих такую бабочку „руха“ (уменьшительная форма от „рух“) (**روح**) — дух, душа (соотв. русск. „душек“). В верховьях Панджшх существует верование, что в виде бабочки душа посещает дом только, если она попадает уже в рай, находится там. Души грешников не могут попасть домой в таком виде.

VIII.

Мазары.—Их роль в жизни панджширцев.—Ишаны („миры“). Лечение болезней, знахарство.

М а з а р ы.

Два типа
мазаров.

Как повсюду среди таджиков, в особенности горных, в долине Панджшира в изобилии рассеяны мазары, поклонение которым представляет собою смесь мусульманских и языческих верований и обычаев. Мазары разделяются по существу на два типа—на собственно мазары, т. е. могилы святых и „мой-го“ (بای گاه)—места, куда ступала по местному преданию нога какого-нибудь высокого мусульманского святого, при чем обычно такое предание является местной выдумкой и не имеет за собой никакого исторического основания. Такие „мой-го“ (называемые в Туркестане и Бухаре „кадам-джой“ (قدم جای), как иногда и сами мазары, являются, повидимому, часто старыми местными языческими святынями, задержанными со временем приданным им ореолом мусульманских или мусульманизированных верований, иногда до того прозрачным в верованиях народных масс, что исламизирование ограничивается почти одним только названием. Мазары имеют большое значение в жизни панджширцев, как и таджиков вообще, и над описанием их можно немного остановиться.

Мазар в сел.
Сафед-Чир.

В виде образчика для характеристики панджширских мазаров можно взять собранные мною сведения о мазарах в сел. Сафед-Чир. Там их два: один в селении—могила святого Абду-Кадыр и Джиляни,¹ другой—Биби Ник-Зан („Госпожа Добрая Женщина“—بی بی نیک زن), находится в долине Мыкни, где располагаются первые летовки сафетирцев (с наступлением больших жаров и выгоранием здесь трав они переходят отсюда на более высокие пастбища). Остановимся на первом.

¹ Как раз здесь, повидимому, мы имеем пример только что упомянутого мною приписывания иногда мазарам имен никогда в действительности не только не погребенных там, но и не посещавших их святых. Абду-Кадыр и Джиляни, знаменитый суфий, основатель дервишеского ордена Кадирия, и один из самых популярных святых ислама, родился в Гиляне в 1077/78 г. (470 г.г.), 18 летним юношей отправился в Багдад, где умер в 1166 г. и был там же похоронен.

Часть сел. Рукі. Селе виден угол правительственного
кормильца-сарая.

Мазар представляет собою окруженное невысокой стеной четырехугольное пространство, на котором, возвышаясь над забором, стоит „гильбута-хор“—по словам панджширцев, необычайно большой куст одного кустарника, известного под этим названием. ¹ Под кустом находится могила святого с простым намогильником из глины „на подобие спины рыбы“ („душт-и мбһи вбри“—پشت مامی برين) — классическое определение часто встречающейся формы намогильника в Афганистане. В изголовьи стоит деревянный шест с привязанным сверху небольшим куском материи—*халям*—„знамя“. В четырех углах отгороженного забором пространства сложены кучки рогов диких горных козлов—благочестивое приношение местных жителей. На мазаре, с внутренней стороны, в каждой из четырех стен имеется по небольшой нише, в которой стоит глиняный „чираг“ (светильник). Наиболее подходящее время для посещения мазара—это время перед вечером в четверг (канун пятницы), точнее—начиная с намаза пипин до намаза дигар. Посещение мазара совершается 6. ч. летом или осенью. Только в редких случаях к мазару обращаются зимою, и то мужчины. Каждый проходящий на поклонение мазару ставит по толстому фитилю из ваты в имеющиеся по четырем стенам чираги, наливает в них масла, обычно льняного, ² привозимого из Андераба, так как свое, добываемое из растения *шаршам* или из хлопковых зерен—„льн-дона“, горит с большой копотью и для зажигания на мазаре считается неудобным. В некоторых местах зажигают только один „чираг“. Помимо „гильбута-хор“ снаружи, у одной из стен, стоит ствол старого, почти засохшего тута, единственная полуживая ветвь которого (остальное все засохло) протянулась над забором к могиле святого. Из обычного уважения к мазару и из страха получить наказание от святого никто не трогает это рассыпающееся дерево и оно стоит неприкосновенным. Подобный вид мазара хорошо знаком всем, кто бывал в Средней Азии и кому приходилось наблюдать небольшие мазары в сельских местностях Туркестана и Бухары.

Общий вид мазара.

К мазару панджширцы, как и вообще таджики, обращаются довольно часто в различных случаях жизни, в особенности часто к нему

Обращение к мазарам.

¹ *Быта* или *бута*. по словам панджширцев, означает „кустарник“. Что же касается „гиль“—то это местная манера произносить перс. „гуль“ (گل)—цветок. Таким образом, повидимому, это название одного особого кустарника, цветущего небольшими белыми цветами, означает само по себе „колючий цветущий кустарник“. Данное растение встречается и в других местах и употребляется жителями (на мазаре оно, конечно, не трогается) для накладки иногда на невысокие заборы, чтобы воспрепятствовать скоту переходить через них.

² Льняное масло называется „тель-и зыгир“ (инд. „тэль“—تيل, как упоминалось выше, часто заменяет в перс. языке Афганистана слово „рауған“—روغان).

прибегают женщины. Обращаются при всевозможных случаях, и с молитвой об исцелении заболевшего близкого человека, и прося мазар о помощи переставшей мочиться лошади. В последнем отношении большой репутацией подаваемой помощи пользуются мазары, в которых похоронены *шахиды*—убитые. ¹ При посещении мазара сначала, как было упомянуто, зажигают светильник (чират) или светильники, потом три раза обходят кругом могилы и, присев сбоку у изголовья могилы, читают короткую молитву. Иногда, обойдя могилу, дотрагиваются до могилы рукой (в особенности если она покрыта покровами) и затем быстро подносят ту же руку сначала к губам, а потом ко лбу. Если прибегают к мазару с целью получить исполнение какого-нибудь желания, что называется „виййат“ (نییت), то это желание или высказывают вслух во время молитвы, или же оно держится в сердце и о нем только думают. При испрошении чего-нибудь („ниййат“) обычно отрывают от своей одежды небольшую полоску материи—*белого или красного* цвета, привязывают ее к древку стоящего на мазаре флажка, покрытому подобными приношениями, начиная с некоторого расстояния от земли, определяемого, как по пояс взрослому человеку. Привязывают так, чтобы концы болтались и могли развеиваться по ветру. Помимо полосок материи привязывают также короткие (около 1½ арш.) специально плетущиеся веревки *красного* цвета, а некоторые, особенно благочестивые, привязывают даже красивые платки.

Среди различных случаев обращения к мазару обращает на себя внимание посещение собственного деревенского мазара только что обвенчанными новобрачными. По окончании брачного обряда в доме невесты свадебный поезд—*шоинчи*² трогается, чтобы отвезти молодых в дом молодого и тогда, прежде, чем доехать до дома, заезжают обычно на мазар. В мазар заходит сначала молодая—*орус* (عروس), обходит три раза вокруг могилы святого, молится, а потом, после ее выхода, то же самое делает молодой. Покончив с молитвой и выйдя из мазара, молодой отдает распоряжение церемониймейстеру—*каташар*³, чтобы он роздал поезжанам привезенные с молодыми печенье („*руган-джуши*“), которое в данном случае называется „*назр-и пир*“ („приношение по обету святому“—*نذر پیر*) и считается исходящим от святого, освященным им.

Из других случаев обращения к мазару можно отметить „*руган-и хау*“—первая выделка масла весной. Когда весной, при появлении из скота молока, начинают выделывать масло, то первые дни (5—10

¹ Шахидом (شهید) по обычному определению в Афганистане называется не только убитый на войне с неверными, но и всякий, погибший случайно—утонувший, разбившийся, упав с горы, убитый невинно. Покойный мир Хабибулла-хан, напр., повсюду называется „Амир-и шахид“—*امیر شهید*.

дней) его ест семья, а потом хозяйка дома, в руках которой молочное дело, объявляет запрет на молоко на один день, удой которого за этот день предназначается для отнесения на мазар и называется „*сича-и мазори*“.¹ Из этого молока готовится „*мошт*“—кислое молоко, которое несут на мазар вместе с „чалпак“ большими тонкими шпешечными лепешками, псушимися на масле, о которых говорилось раньше.² Несут также „*альво*“ (حلوا)³ и новое масло. Все это на мазар несут женщины, объединяясь часто для этой церемонии в группу, выходящую из нескольких домов. Мужчины при этом не присутствуют, но если кто проходит мимо мазара, то женщины охотно подзывают и дают поесть. То, что не съедено, домой не уносится, а оставляется обычно на мазаре. Кислое молоко „*мошт*“, напр., выливается в имеющуюся на мазаре чашку и его может съесть всякий, кто зайдет на мазар.

На мазар идут все также по большим праздникам и, в особенности, во время месяца Науруз, за несколько дней до наступления Нового Года (Науруз).

Ишаны — „миры“.

Довольно большое значение в жизни панджширцев имеют ишаны, которые, однако, в Панджшире называются *мирами*.—„В Каттагане их называют ишанами, а у нас мирами“, говорили мне панджширцы. Это своеобразное наследственное духовное сословие пользуется, повидимому, довольно большим влиянием в Панджшире. Вместо слова „*мир*“ (сокр. из *امیر*) их иногда называют „*пир*“—„старец“ (پیر). Меры могут быть

Ишанство в Панджшире.

¹ „Сича“—чистый, светлый. Эпитет этот может быть применен, как объясняли панджширцы, и к чистой ткани, напр., и к белой стене, а также к горной куропатке—*хаук-и зарш*, и к голубю, считающимся чистыми и до некоторой степени священными; как и дикие горные козы („*бһу*“).

² Как упоминалось выше, употребление чалпаков, как и в Туркестане и Бухаре, имеет ритуальный оттенок, соответствуя приблизительно нашим русским блинам, хотя, как и блины, их иногда готовят просто для пищи, но старое основное значение их, видимо, было употребляться при некоторых религиозных церемониях. Чалпаки едятся также, напр., вечером накануне больших праздников.

³ „Альво“ (حلوا) готовится следующим образом. Кипятят воду, спускают в нее муку и усиленно помешивают при продолжающемся кипячении. Когда эта киселеобразная масса несколько сгустела, в нее подбавляют масло.

Другой сорт, называемый „*альво-и быркичи*“, готовится так. В кипящее, до красна нагретое масло (коровье или овечье), спускается мука и тщательно и продолжительно помешивается. Затем сверху приливают воду и все снова размешивается. Подается на блюде с растопленным коровьим маслом, налитым в углубление посередине приготовленного кушанья.

Посещение мазара новобрачными.

Приношение первой выделки масла весной.

только потомками одного из известнейших мусульманских подвижников и в доказательство своего происхождения должны иметь документально засвидетельствованную генеалогию („*шаджара*“—*شجره*), производя себя или от Имама Раббони или от „Гаусуль А'зам“, или же от Мир Джиббэ-и Ях-Суз (его чудо состояло в том, что во время сильного мороза он согрелся около огня, который он получал, заставляя гореть куски льда) и др. Все панджширцы состоят мюридами того или другого ишана и не „вручивших свои руки“, т. е. не ставших мюридами, там не имеется. Ишаны, считается, поучают воздерживаться от пороков и заботятся о своих мюридах. В моменты затруднений или опасности находящийся вдали от своего ишана мюрид иногда вслух призывает его на помощь, говоря „*йб, пир!*“ („о, наставник!“) или „*йб пир-и даст биғир!*“¹

Радения.

Пиры, или миры, устраивают, как часто повсюду в Средней Азии, радения—или громкие, называемые „*дусайр*“, или тихие, часто накрывая себе чем-нибудь голову. (б. ч. это делают старики), произносят слова радения шепотом или очень тихим голосом. Такие радения называются „*хуфия*“.

Существование ишанов в Панджшире.

Обычно в Панджшире то или другое селение целиком является мюридами одного какого-нибудь ишана. В настоящее время таких ишанов всего четверо: 1) Хазрат-Сиб в сел. Де-Наў, 2) Мираб-Сиб в г. Истолфе (прибл. в 30 верст. на сев. от Кабула), 3) Мир Шб-Гадб—в сел. Сафед-Чир и 4) Мир Сайид Хошим—в сел. Повот (при сел. Хиньдж).

Лечение, знахарство.

Отсутствие в Панджшире обычного типа гадателей и заклинателей Средней Азии.

Очень любопытно, что в Панджшире не видно того, что в литературе по Средней Азии принято называть следами шаманства. Мне, по крайней мере, наблюдать не приходилось. Средне-азиатский *бахичи* (заклинатель или заклинательница, призывающая духов с помощью бубна, часто при этом кружась и выкрикивая) здесь совершенно, повидному, неизвестен, как неизвестны также туркестанские фольбины (فولبين), талюбины и т. п.

Лекари.

Если кто заболевает, то обращаются к „*назм-бин*“ (мужчина) или к „*мим-зан*“ (женщина)². Их лечение состоит в том, что они слушают пульс—„*назм*“, держа за руку больного и определяя характер болезни

¹ Я оставил эту фразу, как произносили ее слышанные мною панджширцы, сохранив намеренно грамматическую погрешность, которую они делали здесь в перс. яз. (им.—*йб пир, даст биғир!*).

² Значение слова „*назм-бин*“ совершенно ясно—„*смотрящий*“ (слушающий) пульс“ и, очевидно, носитель его является лекарем, придеривающимся, видимо, каких-то лекарств, может быть очень своеобразных, но, во всяком случае, как говорили мне панджширцы

по пульсу. Они лечат лекарствами, амулетов и заклинаний не употребляют. Гонорар берут деньгами или продуктами. Среди самих панджширцев этих лекарей нет и они приходят к ним с равнин, принадлежат сами к какому-нибудь афганскому племени.

Как уже упомянуто, в Панджшире, в настоящее время, по крайней мере, нет многих очень обычных типов заклинателей и знахарей, встречающихся в Средней Азии, но следы былого знахарства, заклинаний и колдовства при помощи духов все же еще уцелели, правда, в очень небольших размерах.

В селении Хиньдж имеется знахарка, по имени Биби-Зарй, действующая силой пари, чуть ли не единственная в этом роде на весь Панджшир. Когда желают идти к ней, то часто говорят—, биёб, бирым пёши-париёб,—„давайте, пойдём к пари“ (последнее слово во множ. числе). К ней ходят из разных селений, иногда очень издалека, и она собирает от этого очень большой по местному доход. Иногда ее также называют „*тарси-зан*“¹. Она не камлует, а, будучи сама неграмотной, тем не менее ищет под влиянием пари какие-то непонятные прописки—очевидно, письма тех пари, которые ей помогают. Выслушав просьбу пациента или посланного, просящего о помощи отсутствующему (если больной не мог сам явиться), она впадает, якобы в транс, начинает трястись от приближения пари, начинает корчиться и лишается языка. В таком состоянии пари овладевают ее волей и ищут неизвестные людям письма. Придя в себя она передает написанный клочек бумаги пациенту, наказывая, чтобы он сам или смыл чернила и выпил бы эту воду, что называется „*шуст*“, или же сделал бы из записки „амулет“—„*та'виз*“, который должен носить на себе, привязав к тубейтке, или прикрепив на шнурке к шее, пришив к одежде и пр. Если ей вылечить больного не удается („*зураш намераса*“—„не хватает у ней сил“),

Тарси-зан.

(самому мне встречаться с ними не приходилось), не прибегающим к разговорам и заклинаниям. Такова и „*мим-зан*“. Что касается состава последнего слова, то мне кажется, что не произошло ли оно от индийск. „*мам*“ (являющегося в свою очередь испорч. из англ. *madam, ma'am*), как называют в Индии европейских женщин?

¹ Можно предположить, что слово „*тарс*“ (ترس)—„страх“ означало собою первоначально какого-то демона, духа, приближение которого порождало страх, и потом перешло в название этого чувства, подобно тому, как современное „*боло*“, обычно теперь означает несчастье. „*зиюн*“ (زيان)—вред, хотя в народном языке Средней Азии совершенно ясно кое-где сохранились следы представления фигурировавших под этими именами демонов. Отсюда, вероятно, происходит и название знахарки—„*тарси*“, т. е. имеющей отношение к демону, духам страха—„*тарс*“.

Слово „*тарс*“, в форме „*тарс-и бим*“ (ترس-ويوم) приводилось мне панджширцами также для обозначения нечистой силы, окружающей роженцу (см. стр. 35).

говорят таджики в таких случаях), то тогда она советует пациенту или его родственникам обратиться к молитвам какого-нибудь из местных миров, т. е. ишанов: „пёшь-и фалбна мир быра!“, говорит она.

Заговор
ишанов.

Мир тоже обычно лечит составляемыми и раздаваемыми им амулетами, также отчитыванием, читая над больными „касида“ (مسئله), отчего такой отчитыватель называется „касида-хон“ („чтец касид“).

IX.

Остатки древних верований и воззрений.— Детские игры.—
Куклы.— Орнамент.

Среди замеченных мною и записанных остатков древних верований можно отметить следующие обычаи и представления среди панджширцев.

Отношение к огню.

Обычно огонь тушат без всяких колебаний, когда в этом представляется надобность, а также задувают ртом светильник, не стесняясь этим.¹ Но следы бывшего почитания огня, может быть, больше всего сохранились в языке. Обычный персидский глагол „куштан“

(کشتن), хотя и известен в значении „тушить“, но так как его основное значение „убивать“, то употребление этого слова в значении тушения огня (کشتن آتش) считается неодобрительным. Говорят „гиль кардан“ или, вежливо в отношении огня— „рыхсан кардан“ (رعصت کردن) „отпустить огонь“, т. е. уволить огонь от его обязанности, службы. Точно также считается неодобрительным тушить огонь, заливая его водою. В особенности грешно заливать огонь в очаге.

Следы по-
читания
огня.

Приветствие при входе в дом.

Salom—приветствие, произносится в обычной мусульманской суинитской форме (السلام عليكم) всякий раз при входе в дом или в комнату, хотя бы приходилось на дно приходиться по многу раз и хотя бы в комнате или в доме и никого не было. В последнем случае входящим про-

¹ В противоположность Туркестану и Бухаре, где во многих местах (как отмечено еще Уйфальви в отношении верховья р. Зарешана) сохранилось еще несколько иное отношение к огню. Огонь там обычно стараются не тушить (делать это грешно: огонь великий, священен). Если нужно прекратить горение огня в очаге (при варке пищи, например, где блюдо должно довариться иногда только на углях), то часто горящие поленья выбрасывают, но не тушатся. Светильник (из тех же мотивов) обычно ртом не задувается (дыхание оскверняет), а тушится или руками или прижатием фитиля каким-нибудь предметом.

износится и ответ, но только более тихим голосом. Если в доме никого нет, то приветствие обращается к корану, экземпляр которого обычно имеется в каждом доме (полезно для отогнания злых духов), но не делается ни столбу, ни домашнему очагу, как это встречается среди таджиков Восточной Бухары, где вообще сохранилось еще много древних обычаев.¹

Уранологические представления.

Млечный² путь. У панджширцев называется «ро-и коурдагар» (راه کورده گار), т. е. «Путь везущих солому» (перс. ریه کورده گار) — древнее представление о Млечном пути, встречающееся у многих иранских народов. В Средней Азии считается, что везут *мякину* — размельченную на мелкие кусочки солому, какой она выходит после обычной молотбы ногами скота. Это, вероятно, основное представление в данной мифе, т. к. в Средней Азии при обычном способе молотбы солома (если только не рисовая) получается только в виде мякины. При переноске такая мякина неизменно оставляет за собою по дороге след из просыпающихся во множестве мелких частиц соломы, действительно соответствуя до некоторой степени форме Млечного пути. Это объяснение приведенного названия Млечного пути мне встречалось и среди панджширцев.

Другое название Млечного пути, тоже встречающееся в Средней Азии, это „Дарьё“ — „Река.“²

Относительно наименования таким образом Млечного пути мне встретилось следующее объяснение панджширцев, записанное мною с сохранением их речи:

„Асли Рб-и коурдагар меган. Худышь мб мардым Дарьё мегийм. Дарьёби аст ки нишиб мёрава. Як соль як тарэф мёрават, як собль як тарэф-и дига мёрават. У мйса-и об-вбрий ар тарэф рб мёкынат“.

„В основе Млечный путь называют Рб-и коурдагар, но мы (панджширцы) называем его Дарьё („Река“). (Это) река, кото-

¹ Следует отметить, что в Панджшире нет также названия и представления, что один из столбов жилого помещения является главным, заслуживающим особого внимания и уважения, как это имеется среди горных таджиков Бухары, называющих такой столб „шо-сутун“ — „царский (княжий) столб“. Именно к нему, если в доме никого нет, обращается часто в Восточной Бухаре приветствие входящих.

² На языке *пашац*, образчики которого мне приходилось записывать в эту же поездку в Афганистане, Млечный путь называется „галия“, т. е. „сухое ложе реки“.

Улица в селении Руга.

рая течет вниз. Один год она течет в одну сторону, другой год течет в другую. Подобно воде он (Млечный путь) может двигаться в любую сторону¹.

Большая медведица.— „Кабр-и Ну алёйху-с-салям“: „могила (прока) Ноя—мир над ним“¹. Кроме того мне встретились еще два названия (в сел. Бураж-и Яман): 1) „Ситора-и чал-рау“— „Звезды, двигающиеся обратно“ (или влево; не в ту сторону) и 2) „Афт Дол“. Последнее как полагаю, является искажением из „нафт абдол“ (هفت ابدال), т. е. „семь благочестивых“, как называется в суфийской иерархии святых одна определенная степень святости, т. е. соответствуя монгольскому названию Большой Медведицы—„Семь бурханов“. В сел. Пышбуур, в том же Панджшире, мне встретилось еще другое название— „афт бёждаро“ (семь братьев).²

Венера.— *Вечерняя*: „Ситора-и шян“— „Звезда ночи“, уведомляет людей о наступлении ночи и о том, чтобы они ложились спать. *Утренняя*, „Ситора-и руз“— о том, что приблизился день и что пора вставать.³

„Тарозуон“— „Взвешиватель на весах“ (ترازيان), „весовщик“. Так называется созвездие (Весы?), состоящее из трех звезд, которое точно определить я не сумел.

¹ На языке пашай это созвездие тоже называется „Сата лян-вани“— „Семь братьев“, соотв. персидскому هفت برادران или هفت دا دران. Кроме того, в населенном тоже в значительном числе таджиками г. Чарикаре (в 30 верстах на север от Кабула) мне встретилось кроме последней формы еще название „Чор-пой“— „кровать“. Звезды альфа, бетта, гамма и дельта Большой Медведицы считаются ножками кровати (широкой, туземного типа). Эпсилон—овца, дзета—волк, который хочет съесть овцу, эта—старуха („пирван“), которая отгоняет волка.

Вариант последнего представления мне еще раньше встречался в Ходжентском уезде, Самаркандской обл., тоже среди таджиков, где Большая Медведица называется в некоторых местах „Чайлоб-и шайрона“— „Разрушенная кровать“. Те же четыре звезды, как и в первом варианте, означают криво поставленные ножки кровати. Среди других таджиков указывают и убегающего подмастерья („шогирад“), неверно сделавшего ножки и преследующего его мастера („устод“).

² По словам Ферришта (Малькольм. „History of Persia“ V. II. London. 1829, стр. 291—см. также Сравнительный Словарь турецко-татарских наречий Лазаря Будагова, т. II, СПб, 1871, стр. 58) считается, что святых степени „абдаль“ (второй степени в суфийской иерархии святых) имеется постоянно всего сорок человек, но по некоторым другим данным, можно предположить, что это число в данной категории не везде толкуется одинаково.

³ На пашайском диалекте селения Искен вечерняя звезда называется „Лю'кан“, утренняя—„джуй ситора“ (соотв. тадж. ستاره روز).

Этот взвешиватель в день Страшного Суда будет вешать грехи людей. Повидимому, то же самое созвездие среди таджиков и, вообще широко в Средней Азии, называется „Тарозу“—„Весы“.

„Се поя-и Биби“—„Бабушкин треножник“. Так называется тоже не определенное мною созвездие, где три звезды, расположенные в виде треугольника, являются тремя ножками треножника для подвешивания котла, составляя хозяйство находящейся на небе старухи.¹

Луна. Мне не пришлось записать ничего особенно характерного для определения старых воззрений панджирцев на луну вообще. В отношении же молодой луны, видимой в первый раз, можно привести следующее.

Считается, что видеть сразу на небе молодую луну, непосредственно, нехорошо. Лучше ее увидеть сначала в отраженном виде, в воде, являющейся „чистой“, „очищающей“. Для того, чтобы добиться этого, при появлении новой луны на небе стараются на нее не смотреть, а смотрят на воду, отыскивая там отражение молодой луны. Найдя таковое, смотрят на небо на луну, а потом опять смотрят на отражение луны в воде.

Такой взгляд, повидимому, распространен вообще довольно широко в Афганистане, т. к. мне доводилось наблюдать даже хазарейцев, старшихся в пути увидеть народившийся месяц в зеркало (очевидно замена воды за ее отсутствием).

Народный календарь.

Годовой солнечный счет у панджирцев опирается на два поворота пункта:

1) Летнее солнцестояние—„Афтбӯ гашт-и тоъистбон“ („Летний поворот солнца“).

2) Зимнее солнцестояние—„Афтбӯ гашт-и зимистбон“ („Зимний поворот солнца“).

Для определения этих моментов, как и наступления некоторых других, как во многих горных местностях среди таджиков, на линии рисующегося на небе профиля окружающих данное селение гор берутся соответствующие данным моментам точки, через которые проходит в этот день в своем годовом и полугодовом опускании или поднятии над горизонтом солнца. На эти заметки, конечно, должно смотреть обычно тоже из какого-нибудь определенного пункта для того, чтобы наблюдения были бы точными и правильными. В сел. Хиньдж, напр., летнее солнцестояние определяют, сидя у подножья одного старого тута, называемого „тут-и дбн-и дар-и масджид“ (توت دهن درمسجد) — т. е. „тут при

¹ Роль небесной „Мбмб“ („Бабушки“) в мифологических представлениях таджиков много достаточно указана в других статьях („По этнографии таджиков“. Сборник „Таджикистан“, Ташкент, стр. 172 и „Народные верования таджиков“—Сборник „Советский Узбекистан“, 1927 г.—печатается).

входе в дверь мечети“) и смотря на один каменный выступ в соседней горе. Солнце на восходе в день летнего солнцестояния как раз проходит через его вершину.

Зимнее солнцестояние определяется в том же селении тем, что садятся, прислонясь спиной к одному старому белому камню, находящемуся у местной старой крепости, известному под именем „белый камень крепости“ (سنگ سفید قلعه) и наблюдают солнце на закате. В день солнцестояния оно должно спуститься в вилку между двумя каменными выступами в одном точно известном месте в профиле окружающих гор.

В каждом селении имеются, конечно, свои приметы, приуроченные к окружающей обстановке или, точнее, диктуемые ею.¹

Почти всюду, помимо упомянутых, если так можно выразиться, общественных отметок для наблюдений и определения наступления того или другого момента, имеются еще частные отметки, имеющиеся во многих домах. Они состоят из отметки в соответствующие дни на внутренней стене помещения высоты солнечного луча, проникающего через „дар-бача“—маленькое оконце вверху противоположной стены и скользящего по стене, обращенной к солнцу. Эти отметки называются „нишбн-и афтбон“ (نشان آفتاب).

Среди замеченных мною некоторых характерных черт панджирского календаря следует отметить, что период „Уджузэ“ (в Туркестане и Бухаре *Оджуз* или *Оджиз*)—т. е. период „Старухи“ (سزجس) предшествующий Наурузу (Новому Году, празднуемому весною), разделяется на два отдельных периода, отделенных один от другого некоторым временем—приблизительно около месяца. Первый—„Уджузэ-и калон“ („Большая Уджузэ“) продолжается семь дней, второй „Уджузэ-и хырт“ („Малая Уджузэ“)—3 дня.²

Следует отметить, что распределения годового цикла на отдельные периоды, носящие названия частей человеческого тела, подобно тому, как это имеется среди таджиков верховьев р. Панджа, в Панджире мне не попадалось.³

¹ Один горный таджик, приехавший в Ташкент, в разговоре со мною, когда речь зашла о времени празднования каких то праздников, высказал свое искреннее изумление, как туземное население Ташкента, расположенного на равнине, могло узнавать наступление тех или иных дней в году—здесь же совершенно не видно, откуда выходит и где заходит солнце“, говорил он.

² Характер наблюдаемого среди таджиков Бухары и Туркестана образа старухи Оджуз или Оджиз мною приведен в упомянутой выше статье в сборнике „Таджикистан“, стр. 174—175.

³ Собранные мною материалы по описанию этого счета еще не опубликованы, но некоторые сведения помещены в моей статье под заглавием „Народные верования таджиков“, печатающейся одновременно в „Советском Узбекистане“.

Детские игры.

Способ начинать общую игру. Если желают играть во что-нибудь, требующее разделения на два лагеря, то сначала выбираются двое, возглавляющие каждый свою партию. Они называются мирами (мир). Остальные делятся по парам, при чем оба эти играющие сговариваются потихоньку между собою, какой предмет взять каждому из них для обозначения себя. Обычно это бывает кусочек дерева, камешек или какой-нибудь другой небольшой предмет. Зажав в свои руки спрятанное так, чтобы его не было видно, оба подходят к мирам и говорят: „Һар дү мирби, аьле!“ Мира им отвечают: „сальле!“¹ Подошедшие тогда снова говорят: „ки саньг мегирад, ки чүн?“ (кто возьмет камень и кто дерево?). Оба мира выбирают, набирая каждый свою партию.

Когда все разделились, вопрос о том, какой партии начинать игру, решается так. Один из миров берет камень, мажет одну сторону глиной, или просто плюет на нее, и спрашивает другого мира: „хушк јо тар?“ (сухое или мокрое?).

Если камень упал, имея верхнюю сторону такой, как назвал отвечающий, партия последнего начинает игру. Если наоборот—противная партия.

Чиж—„Бырик“. Роешь в земле ямку—„каўчили“, на краю которой кладется чиж—„бырик“. Его бьют по одному из концов палкой для того, чтобы он взлетел, и затем сильным ударом по нему, в то время, когда он находится еще на воздухе, отбрасывают его как можно дальше. Находящийся в поле поднимает упавший чиж и бросает его, стараясь попасть в ямку. Если попал—он бьет, если промахнулся—продолжает бить первый. Если чиж пойман стоявшим в поле налету раньше, чем он коснулся земли, поймавший идет бить, не будучи обязан предварительно попасть бросаемым чижем в лунку.

Различных игр в Панджшире существует, видимо, довольно много, но за недостатком времени мне не пришлось записать. Среди упоминавшихся мне панджширцами игр можно привести название одной,— „ој гирак“, но самой игры я не записал.

Игрушки. Из области игрушек можно отметить, как и повсюду, большое распространение кукол среди девочек. Куклы б. ч. делаются из тряпок обычным способом, распространенным и в Средней Азии, где остовом служат две палочки—одна, более длинная, служит для тела и, в верхней части, для головы, а более короткая, привязываясь поперек первой, ниже головы, изображает плечи. На этот остов одеваются

Куклы.

¹ Как „альле“ (alle), так и „сальле“ (salle)—слова, не встречающиеся в настоящее время в других случаях в панджширском наречии.

Детские куклы из разных мест Панджшира.

платя. На конец палочки, приходящийся на голову, наматывается в виде тампона тряпка, на которой лицо изображается в Панджшире двойным способом—или обычным средне-азиатским способом через перекрестное наматывание цветных ниток, отчего получается на месте лица ромбообразный узор, условно заменяющий лицо, очевидно уступая этим требованиям ислама, запрещающего изображения, и, в особенности, лица и глаз, или же, что встречается в Средней Азии очень редко—вышиваются цветными нитками на белом фоне черты лица—глаза, брови, нос, рот. Куклы последнего типа совсем не редкость в Панджшире и попадаются на каждом шагу рядом с куклами с ромбообразным лицом.

Самое название куклы в разных местах Панджшира неодинаково: в верхней части долины кукла называется „*арин*“, внизу—„*ауди*“.

Попадают и другие самодельные игрушки, кроме кукол, но они играют значительно меньшую роль и встречаются, сравнительно, редко.

Орнамент.

Применение узоров для украшения мне приходилось наблюдать в Панджшире больше всего в отношении костюма, хотя, должен сказать, что и в этом отношении орнамент не поражает ни очень широким применением, ни разнообразием, ни богатством, уступая в этой области, наприим., Рушану и Дарвазу, занимающим, повидимому, среди известных мне таджикских стран в этом деле первое место.

Как и в последних двух странах, орнамент в одежде применяется главным образом в двух направлениях—1) для украшения чулок, 2) для вышивания на воротах рубашек, тюбштейках и пр. В первом случае узор получается через вязанье цветными нитками, во втором случае—вышивается. Как упомянуто было выше, чулок сами панджширцы не вяжут, а получают их или из сел. Парижон (300 дом.) населенного, повидимому, выходцами из Каттагана, которые вяжут чулки и продают их, или чулки получают из Бадахшана,—верховья р. Панджа являются областью наибольшего, видимо, распространения чулок среди таджиков.

В орнаменте чулок, встречающихся в Панджшире, мне приходилось слышать названия следующих узоров:

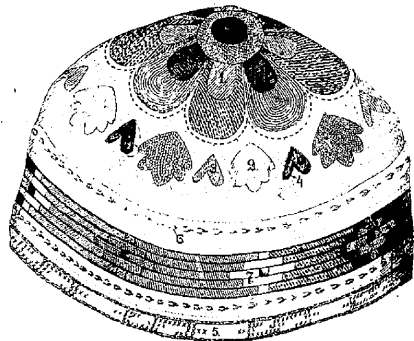
- 1) *барг-и бед* (برگ بید)—„лист ивы“;
- 2) *тоус* (اطاوس)—„павлин“;
- 3) *сад-барг* (صندبرگ)—роза (?);
- 4) *самовот*, т. е. „самовар“, как называется иногда наш самовар в разных местах Афганистана;
- 5) *гаждым* (گچدم)—„скорпион“;
- 6) *пой-и пшяк* (پای پشاک)—„кошачья лапка“.

В этих узорах видна связь с орнаментом таджиков верховьев

Панджа и, за исключением „самовара“, остальные узоры являются самыми популярными также и в верховьях Панджа.¹

В вышивании отдельные части и элементы узоров тоже носят свои названия подобно тому, как это мною наблюдалось среди горных таджиков и памирских киргизов и как за последнее время отмечено М. Ф. Гавриловым и среди узбеков. Точно также панджширцы не только наделяют тот или другой узор определенным названием какого-нибудь предмета, но и считают, что он изображает данный предмет. Как и в верхне-панджском и памиро-киргизском орнаменте, здесь сохранилось еще местами настолько полное понимание значения своих узоров, что можно наткнуться на случаи, когда сравнительно сложный орнамент весь разлагается на отдельные элементы, носящие, несмотря иногда на свой очень геометрический вид, названия тех или иных предметов. Для примера я приведу тюбштейку из сел. Остона (Астона), объяснение узоров на которой дано мне было местными жителями при проезде через это селение.

Тюбштейка из сел. Остона. Панджшир.

В орнамент этой тюбштейки входят следующие отдельные узоры:

- 1) *Гуль-и афтоу-нараст*—„цветок подсолнечника“—большой цветок, помещающийся в центре тюбштейки.
- 2) *Пой-и хареуш*—„заячья лапка“, т. е. заячий след, отпечаток ноги зайца.
- 3) *Пой-и гульджайшак*—„воробьиная лапка“, т. е. воробьиный след.

¹ Сведения об орнаменте таджиков верховьев р. Панджа и памирских киргизов, собранные мною за время экспедиции 1925 г. в Таджикистан, в наст. время сланы в печать и должны выйти отдельным выпуском в издании Общества для изучения Таджикистана.

4) *Пой-и модарак-и ау*—лапка черной водяной курочки, называемой иначе „*ошика-и ау*“—„влюбленная в воду“.

5) *Щероз*—название в данном случае этого узора, очевидно заимствованного, может быть еще в связи с тем, что он выполнен известным в Средней Азии обшиванием в виде шнура, называемым „*ширози*“.

6) *Пой-и ия*—ножка (след) какой-то птички с двумя пальцами, очень тонкими, называемой „*ия*“.

7) *Гуль-и хайру*—название одного цветка (кажется, мальва), называемого в Средней Азии часто „гуль-и хайри“.¹

¹ Подобное толкование узоров замечается и в равнинах Афганистана, но старое, примитивное понимание орнамента там уже сохранилось, естественно, значительно слабее, чем это наблюдается обычно у таджиков, живущих в замкнутых горных долинах. В Джабаль-ус-Сирадже, расположенном неподалеку от нижнего конца Панджшира, мне встретились следующие названия узоров: 1) *шох-и гонак*—„рога быка (или коровы)“, 2) *пой-и гульджайшак*—„лапка (след) воробышка“, 3) „*панирак*“—„сырок“.

В сел. Доши, расположенном на северных склонах Гиндукуша (на пути из Гайбака на перевал Сальянг) и населенном очень смешанным элементом—афганцами, сафи, казарейцами и таджиками, мне встретились в вышивках на костюмах местных жителей следующие узоры: 1) *шох-и гаукас*—„рога буйвола“ (орнамент этот действительно напоминал опущенные рога буйвола), 2) *мор-печ*—„извивающаяся змея“, 3) *Ма'тоу гуль*—„лунный цветок“ (?), 4) *афтоу-нараст*—„подсолнечник“, 5) *сина-и боз*—„грудь сокола“, или, точнее, как любезно указал мне П. П. Сушкин, „грудь ястреба“, 6) *чаши-и бульбуль*—„соловьиный глаз“.

За исключением „рогов буйвола“ и „лунного цветка“ остальные узоры опять таки встречаются и в верховьях р. Панджа, т. е. и здесь наблюдается общая связь в орнаменте.

Как говорили мне афганцы из Доши и как указывают самые названия, приведенные в названиях узоров следует считать в основе таджикскими.

II
ОБРАЗЦЫ РЕЧИ

**Объяснение некоторых особых знаков, употребленных
в приводимых образцах панджирского наречия.**

- â—обозначает звук а с некоторым отклонением к о.
- э—звук между е и и.
- і—звук между ы и і.
- џ—соединенное ђ и ж (арабск. *ج*).
- к—к твердое (соотв. *ك*).
- г—г твердое (соотв. *گ*).
- ыі—звук средний между ы и у.
- оі—звук средний между а, о и ы.
- w—приблизительно, как англ. w.

(В некоторых панджирских говорах этот знак обозначает также звук, переходный от w к џ).

—знак, поставленный над согласной, обозначает *смягчение* этой согласной. Напр., са џг (камень)—читается как „саньг“.

Примечание. Вследствие отсутствия особых знаков в типографии при начале печатания настоящего издания в первой его половине для транскрибирования соответствующих слов и фраз эти знаки не могли быть применены. Точно также типографскими затруднениями объясняется помещение в следующем далее тексте „â“ и „â“, означающих совершенно один и тот же звук. Сочетание в предшествующем тексте букв, подобное „лјо“,—напр., в слове „болјо“ (стр. 46) и др., означает „ло“.

свои головные покрывала. Придя потом домой, часть принесенных цветов раздают по соседям, давая тем, кто не ходил. Цветы потом сохраняются в засохшем виде и держатся в доме из-за их аромата. При возвращении с прогулки группа юношей поет по направлению к партии девушек—

Ю н о щ и:

1. О, дыхтыракб, алб балой² накынн—
Сарыт бырава, аз ма җидой накынн!
О, дыхтыракб, рўјта мащўј дам³ сар-і җўј:
Тар мёшавад сабзакоб-і лаб-і җўј.⁴
5. О, дыхтар кат быланд, мўј-ббф пас-ўј пышт,⁵
Кадд-і борікак-ўј бин-і быландыт мара кышт.
Сар-і тўшак тўрб чан ббр бўзанум тахта ба пышт⁶—
Намёмнат ба дїл армбнїм, бегым-дбн, җбн!

(Записано от Назар-Ма'мад из сел. Хыньв).

1. О, девушки, не создавайте несчастья,—
Голова пусть уйдет из-за вас, (но) не отделяйтесь от нас!
О, девушки, не мойте лица над речкой:
Станет мокрой травка на берегу речки.
5. О, девушка высокого роста, с заплетенными косами по спине,
Твой тоненький стан и высокий нос⁶ убили меня.
На постель тебя несколько раз брошу на спину—
Не останется у меня в сердце неисполненного желания, о госпожа
моя, душевьяка, душевьяка!

Записаны мною также следующие варианты первых двух строк вышеприведенного отрывка:

- I. Алб, дыхтыракб, аз мо җидой накун—
Рб рафтайнакыт дбўа ба гыл намбна.
(Записано от жителя с. Пышгур).

ای دخترکان ازما جدایی نکنید
در راه رفتن شما داغہ بگل نمازد

О, девушки, не отделяйтесь от нас,
(Чтобы) когда пойдете вы, не оставалось бы пятен на цветах.

- II. Алб, дыхтыракб, аз мо җидой накынн—
Рб рафтайнакыт дбўа ба дыл мёмбна.

ای دخترکان ازما جدایی نکنید
در راه رفتن شما داغہ به دل میماند

О, девушки, не отделяйтесь от нас:
Когда пойдете вы, останется пятно на сердце.

По отношению к третьей и четвертой строчкам той же песни мною записан следующий вариант, поющийся д е в у ш к а м и:

Җї¹⁰ бачаракб,¹¹ рўјат напу лаб-і җўј—
Тар мёша сы-баргакб-і лаб-і җўј.
Ман гыта занум җўја ба җўј.
Тб сар бйқашум, тўрб быбнум лаб-і җўј.

О, молодтики, не мойте лица на берегу речки:
Станут мокрыми розочки, что на берегу речки.
Буду я нырять из речки в реку,
Пока, высунув голову, не увижу тебя на берегу речки.

Пропев, юноши, делают вид, что хотят уходить домой. Тогда девушки поют—

Д е в у ш к и:

Шїрїн јбракам, гандўма борї астї.
Јак Ы'за¹⁷ намёшинї—рбї астї.
Јак Ы'за нышн кї дам җанїмат ббша.
Җбнїм да каддыт—чї кыш-намбї астї!

О, сладенький дружок мой, ты подобен пшенице (по стройности).
Не посидишь ты минутки—стремишься идти.
Посиди минутку, чтобы быть момент счастливым.
Жизнь моя за стан твой—как ты красив!

Следует отметить, что песни, поющиеся во время прогулки в разных местах Панджшира, немного разнятся между собою. В сел. Пышгур и в некоторых других местах в это время поют следующие—

Ю н о щ и:

Фарїбд кынн—намёраса аwwбзїм,
Дардб-ї тўрб чїгўна дармбн обзїм?
Фарїбд ке ымр бёмадбр охыр шуд—
Јак гыл нағрїфтїм бучнбр охр шуд.
Дар куча гузар макын, кї дар ббм астым,
Бббуда⁸ сыхан мағў, кї бад-ном астым.
Җонбна, марб дмчбр кардї, рафтї.
Јак дард-ї марб азбр кардї, рафтї.
Җонбна-у җонбна-у җї җонбна,
Дар пёш барыт анбр шїрн-дон!

Кричать мне— не достигает крик мой.
 Как мне помочь в моих мученьях по тебе?
 Вопль о том, что настал конец бессильной жизни:
 Не пришлось сорвать ни одного цветка и кончилась весна.

Не проходи по улице: я на крыше.
 Не заговаривай понапрасну со мною: я приобрел дурную славу.
 О, душенька ты со мной встретила и ушла,—
 Одну мою боль ты превратила в тысячу болей и ушла!
 Душенька, душенька, дорогая душенька,
 Сладкозернистые гранаты на твоей груди!

Приведенная песня, видимо составленная из двух разных отрывков, в первых своих четырех строках встретила бы мне в другом месте Панджшира в следующем варианте, поющимся девушками—

Д е в у ш к и :

Фарїѳд кынїм—намераса аwwѳзїм.
 Аwwѳз-ї хафїм бїхура зїр-ї сїнаїт.
 Фарїѳд кынїм—дар хонá-ї тѳкá чїрѳс мїсўзá.
 Ӏ чїрѳс ас кї мѳвѳшá?
 Дѳнѳнá, немѳраса аwwѳзїм!

Кричать мне—не достигает крик мой.
 Мой скрытый голос пусть проникнет к тебе в грудь.
 Кричать мне—в одиноком доме горит огонек („святильник“).
 Кому принадлежит этот огонек?
 О, душенька, не достигает крик мой!

Помимо приведенных выше песен и отрывков мною записан еще следующий, поющийся юношами—

Ю н о ш и :

Ӏѳр-ї ман дар кал'ѳ,
 Бѳ нўр-ї сафїд-ї ман дар кал'ѳ.
 Ӏ бар кал'ѳ ѳѳвѳрї аст,
 Ӏ бар кал'ѳ ѳѳвѳрї аст.
 Бѳ нўр-ї сафїд-ї ман дар кал'ѳ.

Подруга моя в кал'а (в укрепленном доме),
 Бельничья моя в кал'а.
 По эту сторону кал'а (растет) кукуруза,
 По ту сторону кал'а кукуруза—
 Бельничья моя в кал'а.

П р и м е ч а н и я .

1) Са д - б а р г (سدبرگ) — видимо, род дикой розы или махрового шиповника. То же самое растение встречается, иногда, по селениям в культивируемом виде— „ѳ б ї“ (آبی), т. е. „орощаемое“, разводимое искусственно. Если идет речь о дикорастущем растении, то употребляется термин— „ѳангал“ (چنگلی) или „кушї“ (کوشی).

Весенние прогулки с собираньем распускающихся цветов очень распространены среди иранских народностей Средней Азии. Во многих местах Туркестана дети ходят собирать один из самых ранних цветов— небольшой желтый цветок—Gagea (Гусиный лук), называемый повсюду в Туркестане „ѳ ѳ ѳ - ч е ч á к“ (بای چچک). Позднее, при распускани тюльпанов— „lѳlá“, ходят на прогулку компаниями и взрослые, собирая их и принося домой. Е. М. Пещеревой, собравшей значительный материал по описанию этих весенних прогулок и записавшей ряд песен и колад, поющих при этом, как у таджиков Туркестана и Бухары, так и среди отуреченного таджикского населения Туркестана, отмечен также в сел. Исфара (Ферганской области) интересный обычай, аналогичный с праздником маяского дерева Европы. В период цветения тюльпанов в назначенный день собиратели цветов отправляются в окрестности для сбора тюльпанов. Когда они возвращаются, нагруженные собранными цветами, народ срубает ветвистый тополь, который пень украшается принесенными цветами, служа потом центром общего веселья и развлечения. (Сведения, собранные Е. М. Пещеревой до сих пор еще, к сожалению, не опубликованы и, насколько мне известно, только частично приведены в ее статье, помещенной в печатающемся одновременно Сборнике в честь юбилея В. В. Бартольда).

Как мне приходилось слышать проездом в Мазар-и Шерифе (главный город Афганского Туркестана), местное население, состоящее в значительной степени из таджиков, устраивает весною следующие прогулки за цветами, называемые „гул-гардѳнї“ (گل گردانی): 1) самая ранняя, при распускани маленьких желтых цветочков, называемых „гул-ї дїг-шїкáн“ (گل دیگ شکن), повидимому, дикий ирис 2) при цветении „ѳ ѳ ѳ - ч е ч á к“, 3) в период красных тюльпанов— „lѳlá“ (لاله) и 4) при цветении роз— „гул-ї гулѳѳ“. Красный тюльпан (lѳlá) поэтически считается кровью убитого Хуссейна, входящей весною на поверхность земли. „Гул-ї гулѳѳ“ (буквально значущее— „цветок розовой воды“) — роза: по т М у х а м м е д а. Аромат розы—от благовоного его лица.

2) А l ѳ —повидимому, перс. ʎ—о, эй, берегись! По объяснению панджширцев,—окрик, с которым они обращаются к кому-нибудь, напр. не зная его по имени.

3) Д а м —соотв. перс. دم. Дам бѳзѳр—на базаре.

4) С а б з а к а к б — рl. от двойной уменьшит. формы с а б з а к а к (от сабза—травка)—травушка.

5) П а с — п ы ш т — پیشت (сзади спины, талия).

7) Красивый нос, по объяснению панджширцев, должен быть „высоким“, т. е. велик в высоту и должен при этом выдаваться, но быть, кроме того, прямым и не широким.

6) По разъяснению панджширцев, т а х т а — і п ы ш т — верхняя часть спины. Тахта ба пышт — очевидно, означает — навзначь, на спину.

7) Іб з а — لبظا.

8) Б е б у д а — بهبوده.

9) „Дурную славу“ и, вместе с тем, ответственность за внебрачное сохождение с женщиной в Панджшире в старое время нес мужчина, чем и объясняется этот страх в словах старой песни.

10) ц і — как объясняли мне панджширцы, является уменьшительно-ласкательной прибавкой: ц і — паіакак — кошечка (в связи с инд. ц і, санск. चीतः?)

11) Б а ч а р а к б (рl. от уменьшит. формы из چار) — следует отметить в этом слове присутствие церебрального р.

3.

Нижеследующая песня сложена в Панджшире на действительное происшествие, имевшее место в сел. Сафет-Чир. Одна девушка, по имени Зар-Бегум — уменьшительное ее имя Зарак, переходила с подругами по мосту через реку, сорвалась с моста, ¹ но была спасена. На этот случай и было сложено приводимое стихотворение — песня.

Даріб-і калбна чімчā-бзāі ² кārām,
Кад ³ дьхтār-і хбā ⁴ дыст-дарбāі кārām.

Даріб — цбā, ⁵ мїбн-і даріб — цбā,
Зарāk ба мїбн-і дьхтарбн сар тēā. ⁶

Даріб маўц аст, мїбн-і даріб маўц аст,
Зарāk ба мїбн-і дьхтарбн сар-фаўц аст.

Даріб кі калбн шавāt — хўн, мēталабāt,
Дьхтār кі цуwbн шавāt — шў мēталабāt.

Даріб-і калбн, маст-і дēwbнā шїдī,
Як чīmчā твј хўн хурд — брбм шїдī?

Плавал я с меком по большой реке,
Простер я руку на девушку на выданыи.

Лед плавает по реке, лед посередине реки —
Зарак среди девушек — с распущенными волосами.

Волнами бьет река, волной бьет середина реки —
Зарак среди девушек предводительница.

Вздуется река — требует крови,

Станет девушка взрослой — требует мужа.

Ты обезумела и забеснелась, большая река —

Выпила ты ложку (человеческой) крови и успокоилась?

Но время шло. Та же самая Зар-Бегум вышла потом замуж и, будучи замужем, влюбилась в одного человека, который стал ее любовником. Чтобы увидеться с ним она убежала от своего мужа, дом которого находился около моста, шла вверх по реке и там переходила на другую сторону реки, чтобы повидать жившего там своего возлюбленного. Местная народная поэзия, сложившая в свое время песню, симпатизировавшую ее несчастью, отметила потом и этот период ее жизни тоном, где на этот раз в приводимом образчике ясно проглядывает сатирический оттенок.

Дело кончилось тем, что любовник этой знаменитой сафедчирской красавицы убил ее мужа и женился на ней. Она жива еще до сих пор, в настоящее время средних лет и, следовательно, обе песенки составлены сравнительно недавно.

Рафтāн ба куbб дбра Зар-Бегум,
Рїхтāн ба зōwb ⁷ дбра Зар-Бегум,
Езбр-банд wб дбра Зар-Бегум,
Чашмбн сїб дбра Зар-Бегум,
Зылфбн хыш-намб дбра Зар-Бегум,
Ошāk сар-ї рб дбра Зар-Бегум.

(Записано от Назар-Мамат, жителя с. Хыльч).

Приходится ходить в горы Зар-Бегум,
В ущелье Зоно спускаться приходится Зар-Бегум.
Шальвары развязанные имеет Зар-Бегум,
Черные очи имеет Зар-Бегум,
Локоны красивые имеет Зар-Бегум.
Любовника по дороге имеет Зар-Бегум.

Примечания.

1) О свойстве панджширских мостов говорилось выше (стр. 7). Мосты таковы, что при переходе через них даже местные жители, как видно из данного случая, рискуют иногда паденьем.

2) Чīmчā-бзāі (или чумчā-бзāі) — плавание по реке, где пловец одной рукой держится за надутый кожаный мех („м а ш к“), а другой гробет. От этого загребания при плаваньи непосредственно рукой, где ладонь держится в виде ложки, и получил свое название этот вид плаванья: ч у м ч ā или ч а м ч ā (в панджширском говоре) — ложка (деревянная). В кабульском произношении — чумчā. Металлич. ложка — кбшук.

3) Ка д—с, ср (соответств. таджикско-персидск. کتی).

4) Ды х т а р і х б а́ — „девушка в доме“ — называется девушка на выданы; уже подросток, но еще не выданная замуж — в отличие от слова „д х т а́ р“ — „девушка“, которым продолжает называться среди таджиков и молодая женщина, выданная замуж, часто вплоть до рождения у нее первого ребенка.

5) Цо́ла — плот (составляемый обычно из четырех надутых кожаных мехов). Это слово имеет также значение плавающей и лед и град (سلا).

6) То́ла — распущенный, развернутый.

7) З в а́ б — в данном случае название ущелья. Очевидно р. от зоу, зов — пропасть, обрыв. Интересно, что ущелье в панджирском наречии называется ку́л, вне зависимости, есть ли там на дне вода или нет (также, как ягнобское „ку́л“).

4.

I. Кунам то́риф бйи́нау ¹ Эы хубн-и пйи́ни. Сыва́р дар хоп бу́дм Ба са́р-и буетни. Нигб́р-и реза́-дандо́н Нйша́ста сү-и до́бон, За́да сурма́ ва ча́шмо́н, Бы́т-и аwurf ка́мо́н!	کنم توریف بشنو زخوبان جهانی سحر در خواب بودم به سیر بوستانی نگار بریزه دندان نشسته سوی دالان زده سومه به چشمان بت آبرو کمانی
II. Нигб́р-и нозани́нум, Ба пёлу́т ны́шнум, Быт ² и бусá бгы́рам, Бы́т-и аwurf ка́мо́н!	نگار نازنینم به پهلوت نشینم بده بوسه بگیرم بت آبرو کمانی
III. Аракчи́н-и зарри́нр Нйдо́ди ва са́р-и хы́д, За́ди сурма́ ва ча́шмо́н— Бы́т-и аwurf ка́мо́н!	عرقچین زرين را فهادی به سر خود زدی سومه به چشمان بت آبرو کمانی
IV. Али́-фён ас фырб́кат Кабб́н-у сина́ бырйи́фн, Ки ё́шқаш қо́ гйри́фта Ба ма́з-и усты́ғуним.	علي جان از فرانت کباب وسینه دربان که عشقش ما گرفت به مغز استخوانم

(Записано от Худо-Назар из сел. Мато)

- I. Выслушай—буду я восхвалять
Красавиц мира.
На рассвете во сне
Я прогуливался по плодovому саду.
Красавица с мелкими зубами
Сидела в сенях (дома).
(Она) пускала сурьму в глаза—
Ты кумир, с бровями (изогнутыми), как луки!
- II. Нежная (грациозная) моя красавица,
Я сяду около тебя.
Дай—я сорву („возьму“) поцелуй:
Ты кумир, с бровями (изогнутыми), как луки!
- III. Золотой (свой) ара́кчин²
Ты надела на свою голову,
Пронзла сурьмой по глазам—
Ты кумир, с бровями (изогнутыми), как луки!
- IV. (Я), Али-Джон, в разлуке с тобою
Сгорел и изжарилась грудь,
Ибо любовь моя к тебе поместилась
В самом мозге костей моих.

Примечания.

1) Разделение на строчки этой песни-стихотворения, сложенной, как видно из конца, каким-то Али-Джон, мною записано так, как произносил его говоривший мне панджирец, хотя, конечно, с точки зрения персидского стихосложения был бы правильнее следующий размер:

کنم تعریف بشنو زخوبان جهانی	سحر در خواب بودم	به سیر بوستانی
نگار ریزه دندان نشسته سوی دالان	زده سومه به چشمان	بت آبرو کمانی

и т. д.

2) Аракчи́н — женская тибетейка (очевидно, из عرقچین).

5.

Јор аракчи́н ба са́р, сурма́ ва ча́шмо́нате,¹
Рых бйи́нмо́б го́-го́² сү-и рафи́кно́нате.
Ас ту ма́дбрум² хуми́д³—хам шава́т ё́сбонате,
Цо́н б́дб́им, нозани́н, пёни́-и дъ-дъшф́нате.
Еги́бб́ри ка́й б́йва́д аз ин⁴ хумр-и бё бафб:⁴
Цаво́ни ас дар гызар—ба ца́фла́т аст́и ча́рб?
Ма́уқи ма́зан гёсүво́, ма́ро ма́кыш бё гынб,
Чи ча́ра́ обзайм, санам, дард-и бё дармо́нате?
(Записано от панджирца Назар-Мухаммад)

Подруга с аракином на голове, с сурьмой на своих глазах,
(Хотя) иногда показывая свое лицо твоим друзьям.
У меня нет надежды, что снизойдет твое милосердие.
Отдам жизнь, красавица (грациозная), за пару твоих локонов.
Можно ли доверять этой неверной жизни?
Юность проходит—почему же ты беспечна?
Не колыхай волнами свои косы, не убивай без вины меня.
Что мне делать, кумир, с болью по тебе, что не исцелить?

Примечания.

- 1) ва чашмбонате—به چشمبانت
- 2) ма дбрум—панджширец (Назар-Мухаммад), сообщавший мне это стихотворение, настойательно уверял, что ма дбрум значит *مبارك*, т. е. „не имю“. К сожалению, у меня не было случая проверить распространенность такой формы (как в совр. перс. отриц. частица в *Imper.* 2 p. sg.) в панджширском наречии.
- 3) Как и в некоторых других местах среди горных таджиков (наприм., в верховьях Панджа), в панджширском наречии также наблюдается употребление часто легкого придыхания при произношении слов, начинающихся с гласной: *ʔумид* (اميد)—надежда, *ʔумр* (عمر)—жизнь и др. Самый звук придыхания, по моему впечатлению, не вполне соответствует короткому *h*, а составляет переходный звук между *h* и арабск. *ح*. Как и в английск. народном говоре, где употребление *h* в начале слова или его выпускание применяется часто ошибочно в ту и другую сторону, т. е. или произносится там, где не полагается, или, наоборот, выпускается там, где оно нужно, в таджикских говорах на ряду с приведенным неправильным употреблением имеется и выпускание (dropping the *h*):—произносят „афтбд“ вм. *مفتاد* „азбр“ вм. *مزار* и т. д.
- 4) ба афб—با.

6.

Четверостишия с характеристикой в них отдельных этнических групп.

I.

Awwál *Onōwá*, *dujju* *Šufá* сар-тер.
Ба ешк-и *Остона* мейшави сёр.
Ба *Остона* гызар кян.
Ба хубноши *назар* кян.

II.

Bjráftim сар-ад-ј кӯ-и азбара:
Aqōm мардумбон-и хиш хавбара.
Ба кад ар як чибри о минора
Wa *lekj* *mutlakán* бени надора

III.

А де Хиш ас Нар Мир-Бег-и се каум,
Ɖawanbōjāš *ámma* бут/маст-у мастбн.
Аз у а то ба ҷой-и Абдулло-Бек
Ду аждар мардумбн дар пушта-и рёк.

IV.

Bjráftim тарáф-и *Oqí* *A'mád* *Jor*:
Ɖuwōnbōjāš *ámma* бӯдан да вёкбр,¹
Zawbōjōn *ámma* ас хона вёзбр,²
Кí дыхтарбеш *ámma* бут рафекдбр.

Перевод.

I.

Сначала Онава, во-вторых, запальчивая (храбрая) Шюфа.³
Насладишься („насытишься“) ты любовью в Остоне—
Проезжай через Остону,
Посмотри на ее красавиц!

II.

Пошел я на границу гор хазарейцев—
Удивительные люди, приятного нрава.
Ростом каждый с чинар и минарет,
Но совершенно не имеют носов.

III.

Из селения Хинч Нар Мир-Бег трехродовый,
Его юноши все были яростны (опьянены).
От этого места до места Абдулла-Бека
Двое драконов-людей на песчаном холме.⁴

IV.

Отправился я к Ходжи Ахмад-Яру:⁵
Все его юноши были без дела,
Жены его все были недовольны домом,
Так как его дочери все имели любовников.

Примечания.

- 1) да вёкбр—*دربكار*.
- 2) Вёзбр—*بیزار*—недовольный, рассердившийся.
- 3) Это четверостишие мною было приведено также в начале изложения (стр. 17).⁶
- 4) Это четверостишие я перевожу, очень неуверенно, т. к., к сожалению, я не успел расспросить панджширцев про заключающиеся в нем

намски. Перевод этот поэтому должен считаться внушающим некоторые сомнения.

5) حاجى احمد بار — очень влиятельный панджшёрский хан, получавший при покойном эмире Хабибулла-Хане пособие от афганского правительства.

7.

Загадки.

1) Мёгарда, мёгарда, цёй-и як пајса істбд мёшавá—ин чіст?
Цавбб—а'сб.

Ходит, ходит, останавливается на месте в одну пайсу — что это?
Ответ—посох.

2) Харáк—харáк-и цёўзи,² не ко мёхыра, не саузи. Як чимчá ббыш мё'дым—мёпара ба ббá.
Цавбб—бсйбá.

Ослик—плотно прилаженный ослик, ни соломы не ест, ни моркови. Дам ему ложку воды—полетит танцовать.
Ответ—мельница.

3) Пошт—пабс, сивé—карвбс.
Цавбб—рыбá.

Спина—палас, грудь—карбас (название белой хлопчатобумажной материи).

Ответ—сорока.

4) Алó-хунáк, балó-хунáк, сйб-кунáк, дым дарбзák.
Цавбб—жакбóу.

Пестрый домик, беда-домик, чернозадельский, длиннохвостенький.
Ответ—„жакбóу“ (название железного сосуда с длинным носом и ручкой, который ставят для кипячения воды на огонь).

5) Рáйгеш—ба рáйг-е ёсмбн, рёспбн да кунсёш óвизбн.
Цавбб—сузán.

Цвет его (ее)—как цвет неба; сзади у него (у нее) свешивается веревка.
Ответ—иглолка.

6) Сандыкчá-и былбйл. ³ не дар дб́ра, не кй́ли.
Цавбб—сыфл.

Блестящий сундучек—ни дверей не имеет, ни замка.
Ответ—яйцо.

7) Савб́чák-и смрх-и б́рд-пыр—амин чіст?
Цавбб—сыфлг.

Маленький красный мех, полный муки—что это?
Ответ—джида (плод растения).⁴

8) Чіст ён чіст,⁵ хб́нá-и кіст: ч́бр бачá-у л́в д́хтáр—амí хб́нá-и кіст?
Цавбб—хб́нá-и фаланб́ б́дам.
Что это? такое—чей дом: четыре сына и две дочери—чей это дом?
Ответ—дом такого-то человека.

(В ответ ожидающему загадки иным манером указывается действительно какой-нибудь дом в селении, при чем, конечно, число сыновей и дочерей в загадке соответственно изменяется).

Примечания.

1) Пáйсá—мелкая медная монета. Ср. эту загадку с вариантом, встречающимся среди населения Туркестана, говорящего тюркским языком (приведен В. П. Наивкиным в его двух хрестоматиях—„Сартовско-Персидск. Хрестоматия“, Ташк., 1887, стр. 4 и „Хрестоматия“, Ташк. 1896, стр. 8):

بارادى بارادى ننگه ديك جاى نى الادى (جواب - عسل)

2) цёўз—приложенный, соприкасающийся, присоединенный плотно (в бухарско-туркест. говорах—цалс).

3) балбáл—блеск; былбйл—блестящий (в пушту بل—горящий, зажженный).

4) Джида—*Eleagnus Hortensis*. Загадка очень остроумно составлена: плоды этого дерева, по внешнему виду напоминающие очень небольшие финики, покрыты красно-коричневой тонкой кожицей, под которой находится сухое мучнистое вещество, окружающее косточку.

5) Чіст ён чіст—отб́юда, как известно, обычное название загадки—
چىستان

8.

Б а л ó л .

1. Дар дй́бт-и мб́ як бачá? Нй́бз Мамáт нб́м дб́шт, мй́рафт пас-и ко. Дар ка́дд-и цавб́ри рафт та́хб́рат кардán ? Ам́ун ца шй́шт, кй́ як пй́ра-зánн б́мáд. Ин пй́рсй́дыш кй́—„ч́бр ин́б б́мадáж дар и́ шавй́?“ Бб́з и́ пй́ра-зán гы́фт: —„мб́ б́мад́м аз барб́й-и тв́.“ Í бачá бб́з гы́фт— „марб́ чй́ кб́р дб́ри, кй́ ин́б б́мад́ж?“ Пй́ра-зán гуфт кй́—„мб́ аз барб́й марг-и тв́ б́мад́м; кй́ марг-и тв́ дар даст-и мб́ст.“ Í бачá пй́рсй́дыш—„тв́ зан, мб́-мард. Тв́й мáрб кы́штá мб́тб́й?“ Ам́и зан гы́фт—„марб́ худб́й таа́лб́ укум кардá аз барб́й кы́штán-и тв́.“ Í бачá пы́шт дб́т, рафт. Хй́л рб́ рафт, пас са́йл кард, лй́д—зан нб́. Бб́з рафт

- Алк — армянские курды, армяне.
  - Али — грузины Кахетии.*
  - Ала — славянск. (вероятно, отсюда также «алыничик»).
- Женщина
Ала
- Ала-жер — талыши.*
  - Ал-паб — Дагестан.
  - Ал-карысы — анатолийские турки.
  - Эль-арвады — азербайджанцы.**
  - и др.

Группа Ал-басты (северная).
(из *ال باستی* — *ال باستی*).

- Албасты — киргизы (казак-киргизы и кара-киргизы), узбеки, татары разл. мест., жители Восточного Туркестана и др.
  - Албаст — вотяки.
  - Албыс — сойоты
  - и др.
- Алмасты
Алвасты
Албасты
и др. аналог. формы
- Таджики различных районов к северу от Гиндукуша.

Албарси — Таджики Нуратинских гор (Самаркандской области).
Хблмasti — Таджики долины Панджшир (южный склон Гиндукуша — видимо крайний предел распространения этой испорченной тюркизированной формы на юг). У тех же таджиков одновременно встречается и форма Аl.

Помимо названия Ал для данного демонического существа, с вытекающими из него многими вариантами, можно отметить также другое встретившееся мне в Афганистане название, попадающееся, главным образом, среди афганцев — Шiшáк. Обычно в Афганистане считается, что Ал и Шiшáк одно и то же, хотя в Кабуле мне приходилось встречать мнение, что этим словом обозначается ведьма. Возможно предположить общность между афганским Шiшáк и талышским Шаша (небольшое женского рода демоническое существо, вредящее новорожденному ребенку).*

Помимо приведенных имен в некоторых местах в Туркестане, как среди казак-киргизов, так и оседлого населения Ферганы, встречается еще вместо Албасты название Мáртý. — «Это ее настоящее имя вместо Албасты», говорил мне один ферганец — «кто знает, тот ее и называет этим настоящим именем».

* Г. Ф. Чурсин. Талыши (Изв. Кавказск. Историко-Археологического Института т. IV. Тифлис, 1926).

** В. А. Гордлевский. Из османской демонологии (Этнографич. Обзорение, 1914. № 1-2).

2) таһб́рат кард́ан (*طهارت كردن*) — букв. «совершать омоложение» — вежливая замена вместо «таһб́рат шикаста́н» (*طهارت شگستن*), т. е. «нарушить таһорат», «разрушить чистое состояние тела отпавлением» естественной надобности (какое, как известно, восстанавливается новым омоложением).

3) за́д-мýрд. Частица за́д (*د*) прибавлена для подчеркивания действия, для усиления его. Например: «за́д-раф́т» — пошел (в смысле бесповоротно).

4) ч́ор-ј́бр (или *چهار بار يافتا*) — суннитское название четырех первых калифов.

5) ба́чiм р́б. Не уверен, чтобы здесь *بچه* (ребенок, сын) стояло во множ. ч. — может быть и единств. ч.

6) вак-вак кард́ан или вак кард́ан (*задán*) — лаять (о лисе). Говоря про собачий лай употребляют «ча́фi-д́ан». Из других звукоподражательных глаголов могу упомянуть еще о встреченных мною в Панджшире: — тóу-тóу кард́ан — звывать (о шакалах); кы-кы кард́ан — квакать (лягушка — матýк). Последний глагол можно сравнить с туркестанско-таджикскими формами — «курр кард́ан», «куррi кард́ан», «курра́ст кард́ан» (квакать) — тоже чисто звукоподраж.

Из прочих звукоподражательных имен можно отметить, как свойственно широкому кругу народов, название кукушки: ку́кýа́к. В Панджшире также считается, что она когда-то была человеком (женщиной) и потеряла своего сына. Она (мать) теперь все время ищет и кукует, спрашивая, где он: «кý» — «где?».

7) В словах «мард́йм», «ме́гýфт» в последнем слоге имеется ударение, но в виду отсутствия в типографии знака «j» с ударением, последнее не обозначено. По той же причине не поставлен знак, обозначающий смягчение над буквами «г» и «ш» (заглавная буква). Поэтому следует читать «гярс» вм. «гарс» (см. стр. 88, строка 27).

8) х́а́јра п́еш ба́ри — не вполне понимаю значение этого оборота (смущает несколько «барí» — «унеси, отнеси»). Не может ли значить в основе — «отнесите милостыню к...» то-есть, «несите умиловительную жертву» (к подразумеваемому божеству)?

9) Интересен здесь видимый уже переход от первоначального образа Балб, как демона, в «балб́ји» — «какой-то демон», — форме, приближающейся к современному обычному значению этого слова: «несчастье» (X).

9.

Хблмвсти.

1. Хблмasti б́дáма кi мéбина, х́дыш́ маст мéшáwá². Х́дыш́ зан аст. Мýжýейш да сынгрб́ейш³ аст — кáиш⁴ аст. Синб́ейш ба збу́wóй-

- ей кашб́ аст. Сынѓр б́ч надбр́ат. Водб́йи кат́ш цанг ш́д́ — хам́ т́р паст т́лакыш́⁴) кыи. Т́лакыш́ ќ кард́ — м́фт́ят. Кат́ш ќ дар ѓр ш́д́⁵, ам́⁶ т́р м́фт́ят, б́ х́ст́ нам́тонат. Агар з́ур-и ам́ б́дам н́рас́д, як рб́ а́ м́кынат́ — ам́ б́дам ас б́уеиш гангс́ м́шав́а. Дар вахт-и цанг кард́н сиб́-и х́дыша да сар-и ш́бб́иш гыт м́фт́ят.⁷ Бад аз б́н, з́урыш ќ нарас́д, ч́к¹⁰ м́занат́. Ам́ ч́к ќ зад, д́гарб́аиш м́расат. Пас аз б́н б́дама м́кырат.
10. Як б́дам да мук-и мб́ занаш х́л бут. Вахт́ ќ дар вахт-и нб́н пх́тан м́шут, м́барб́мад берун. Бб́з ш́у́иш б́мат, йна гыфт — „б́йѓ, нб́н б́йп́аз!“ Ё́н гыфт — „ман нб́на пх́т́а нам́тонам“. Ш́у́иш гыфт — „чарб́ нам́тонб́?“ Ам́ Х́л гыфт — „ман д́стым м́сузат“. Бб́з ш́у́иш гыфт — „д́гб́ занб́ м́пазаиш, тв́ чарб́ нам́тунб́?“ Бад аз б́н б́мат́ як таб́н. Ба ш́у́иш гыфт — „б́н Модар-и Х́л аст. Тв́ кат́-и х́ам́ зан б́мш́аб х́б кыи, х́ам́ дыст-и х́да б́б́ыр, бб́з дар нам́к д́ — бб́з м́сузат, пас аз б́н х́быт нам́барат. Пас аз б́н аз х́ам́ зан тв́ ч́з м́б́нб́т“.
11. Шау шут.¹¹ Ш́у́иш м́бинат — ам́ зан аз цб́еиш х́ст — ќуныш дар баб́л-и ш́у́иш, сар́аш дар дарб́б кард, о́у м́кырт. Дарб́з ш́г мбр вб́ри. Пас аз б́н х́дырб́ паст-кар́ карт, дар баб́л-и ш́у́иш х́б ш́р. Ш́у́иш х́да карб́ ѓрф́та бут. Ам́ ш́у́иш х́ст, дыст-и замак-и х́да ш́шт, бб́з х́б карт. Сых́ р́з ш́г. Ам́н таб́н гыфт: — „аз занат ч́ д́д́?“ Ё́н мард гыфт: — „ин ам́ х́л д́дам.“ Бб́з ам́ таб́н гыфт — „танур́а бытавб́н: „Дар дарун-и танур́а, быту́, знон д́!“
12. Ё́н зан нб́н зат дар танур́а — як рб́ т́лакыш́ карт, сар́иша пыт карт. Бб́з х́дыш́ б́рун рафт, бб́з пас б́мат, сар́иша вб́ карт. Д́д — як сайг-и хырд, јаќ калб́н. Ам́ б́дам гыфт: — „ин сайгб́ ч́ст?“ Ё́н таб́н гыфт: — „сайг-и ф́рб́ аст: дар хар ч́з́ зад́ ин т́ллб́ м́шав́ат, ныќра м́шав́ат. Як сайг х́дыш́, јак сайг — чуч́-и даруныш́“. Ам́-нбрб́ ѓрф́т, дар јак цб́ рафт; дар јак сайг зат. Ё́н сайг т́ллб́ ш́ут.¹¹ Пас аз б́н аш́г нафар-и д́ѓа пайдб́ шут; йна руфт кард́н-и ѓрф́хт. Рас́д дар лаб-и дарб́б-и ш́ур, йн сайгб́рб́ гыт дб́. О́л ба дарб́б-и ш́ур астан. Да і замб́на ф́лбрб́ ба дарб́б гыт м́кынан — зай-ц́р да х́нашб́н, дар дарун-и дарб́б даур м́лђ́ян. Ам́ занц́р да ам́ сайгб́ даќ карт — йн зайц́р т́ллб́ м́шав́а.

Перевод.

1. Албасты, когда видит человека, беснуется. Сама она женщина. Ее волосы у нее достают до пяток, висят. Ее груди свисают у нее колес. Пяток у нее нет, совершенно. Когда с ней вступаешь в битву (драку), (нужно) чтобы ты ее таким образом толкнул бы назад. Когда ты ее толкнешь, она упадет. Когда ты с ней схватился, она таким образом упадет и больше встать не сможет. Если у человека не хватило силы, она раз дохнет и этот человек от

ее запаха становится сумасшедшим. Во время схватки (драки) она забрасывает свои груди через плечи. Потом, когда у нее не хватило силы, она кричит (зовет). Когда она закричала (позвала), прибывают другие. После того человека съедают.

10. У одного человека в нашей стране жена была Ал. Когда наступало время печь хлеба, она выходила наружу. Потом пришел ее муж, сказал ей (этой) — „возьми, испеки хлеб“. Она сказала: — „я не могу печь хлеб“. Ее муж сказал (спросил) — „почему ты не можешь?“ Эта Ал сказала — „у меня обжигаются руки“. Еще сказал ей муж: — „другие же женщины его пекут, (а) ты почему не можешь?“ Пришел потом один табиб (лекарь). Сказал он ее мужу — „Это мать Ал. Ты ложись спать эту ночь вместе с этой женщиной, эту свою руку порежь и опусти ее в соль — потом будет чечь, а затем сон тобой не овладеет. Потом в отношении этой женщины ты что-то увидишь“.

11. Настала ночь. Видит ее муж, что эта женщина встала с своего места. Ее зад (был) в объятиях мужа — протянула она голову к реке, пила воду. Вытянулась подобно змее. Потом втянула она себя обратно (и) заснула в объятиях мужа. Муж держал себя неподвижно. Встал ее муж, вымыл свою посленную руку, потом заснул. Наутро настал день. Этот табиб сказал — „что ты видел в отношении своей жены?“ Этот человек сказал: — „вот видел такое то положение“. Тот табиб сказал — „раскали печку для хлебов (танур). — „Поставь“, скажи, „хлеб во внутрь этой печки“. Когда эта женщина придепнула хлеб в печку, разом он ее толкнул, закрыл отверстие (печки), потом сам вышел наружу. Потом вернулся, открыл отверстие (печки). Увидал он — два камня (лежат): один большой, один маленький. Этот табиб сказал: „персидские камни — всякая вещь, которую ты ударишь этим, станет золотом, серебром станет. Один камень — она сама, другой камень, (бывший) внутри у нее — ее детеныш“. Забрал их, пошел в одно место, ударил в один камень. Этот камень превратился в золото. После того появилось восемь других (Ал), погнались за ним — он убежал. Прибыл на берег моря, забросил (в море) эти камни. Теперь они в море. В настоящее время бросают в море слонов, сзади их цепи привязаны. Заставляют их кружить внутри моря. Как только эти цепи дотронулись до тех камней — превращаются эти цепи в золото.¹² 6

Примечания.

- 1) Из содержания приводимого рассказа видно, что Албасты („Хбл-масти“) и Ал („Хл“) представляются в нем одним и тем же существом, но должен оговориться, что в некоторых местах Панджшира, видимо, склонны считать Ал (или „Матерь Ал“), и Албасты за два

разных существа. А басты — демоническое существо, Ал — попросту ведьма, т.е. женщина, через нечистые действия при помощи дьявольской силы приобретающая волшебную силу (обладает способностью принимать змеиный образ, уходить ночью на шабаш и пр.).

2) Мёшава — рассказчик этого рассказа произносил настолько между нами, что, по временам мне даже слышалось, как в.

3) Сингир — пятка.

4) Тёлак — толчок.

5) Даргиршдан (درگيرشدين) — схватываться.

6) Амӣ — امين. Рассказчик панджширец иногда выговаривал, как һамӣ, но иногда, как в данном случае, этот придыхательный звук им выпускался. То же самое и с ин (или һин), омёд (или һомёд) и пр. Я записывал все время, как мне слышалось то или другое слово в момент записи, не смотря на то, что тот же рассказчик произносил в другом случае то же слово несколько иначе. Этим объясняется встречающаяся иногда некоторая разногласия в начертаниях одних и тех же слов, как в этом образце, так и в других.

7) Аһкардан —дохнуть.

8) Гангс — бесчувственный, потерявший соображение, сумасшедший.

9) Гыт дёдан — забрасывать, отбрасывать.

10) Чик — призыв, крик. Чикзадан соотв. таджикско-туркестанск. چيگ زادن — جمع زادن. (кричать, призывать).

11) Должен оговориться, что в произношении этого слова панджширец мне скорее слышалось „штот“: о произносилось как звук, средний между о и г. Рядом существует, как видно из текста, параллельно и другая форма того же слова — шит (شيت).

12) Интересный вариант только что приведенного рассказа записан среди туркестанских таджиков Е. М. Пеллерево́й (в Фергане, в сел. Исфара) любезно предоставившей его мне для сопоставления с данным панджширским вариантом.

Абдулла-Хан, прославивший потом, свое царствование сооружением разных зданий, когда еще был юношей, повел однажды свою лошадь, чтобы напоить ее в ближайшем озере. Видит — у берега стоит очень красивая девушка и о чем-то горько плачет. На вопрос хана о причине горя девушка разъяснила, что родители не хотят ее выдать замуж и что она решила утопиться. Абдулла-Хан спросил ее — согласна ли она будет выйти за него замуж. Девушка охотно согласилась. Хан посадил ее сзади себя на лошадь, увез в город и женился на ней.

Абдулла-Хан, несмотря на свою молодость, был очень полог. После женитьбы, однако, он начал быстро худеть и, наконец, от него остались только кожа да кости. Одн его друг, обеспокоенный его состоянием, начинает спрашивать его о причинах и Абдулла-Хан мог только

указать, что его худоба началась со свадьбы на данной девушке. — „Я тебе дам один совет“, сказал друг, „только ты не бойся и сделай так, как я тебе скажу: ночью ты зажги чираг, заставь жену что-нибудь тебе принести и смотри — есть ли у нее тень, когда она проходит мимо чирага“. Абдулла-Хан сделал так, как ему было сказано, и оказалось, что от его жены тени не было. Тогда его друг сказал: — „вели своей жене приготовить тебе жареное мясо и дай ей какое-нибудь дело, чтобы она отошла ненадолго от котла. В ее отсутствие брось в котел горсть соли, чтобы кушанье получилось очень соленое. Ешь сам и заставляй ее есть, как можно больше. На ночь ты вылей воду из всех сосудов и ложись с ней спать. Делай вид, что спишь, но не спи, следи за тем, что она будет делать“. Абдулла-Хан так и сделал. Лег спать, держа жену в объятьях. Через некоторое время она сказала, что хочет встать, чтобы напиться воды. Абдулла-Хан начал ее ласкать и не пустил. Через несколько времени — он все же заснул, но потом, неожиданно проснувшись, увидел, что его жена продолжает лежать в его объятьях, а змея с головой его жены поползла к армке и наполнила воды, после чего змеиное туловище сократилось и голова жены очутилась на прежнем месте. Так было до утра еще несколько раз. Наутро Абдулла-Хан рассказал своему другу о происшедшем. Тот сказал: „жена твоя — джин. Пойди на базар, купи большой танур (печку для хлеба) с очень толстой крышкой, вели его вделать в землю, разведи в нем сильный огонь из урюковых дров (считаются самыми жаркими) и заставь жену испечь тебе фатыр (тонкую хлебную лепешку). Если она будет говорить, что танур очень горячи, что хлеб горит, ты все равно заставь ее. Когда она наклонится над тануром, толкни ее туда, закрой крышкой и не выпускай ее, как бы она тебя не просила“.

Абдулла-Хан так и сделал. Жена из танура умоляла ее выпустить, обещая научить его всяким чудесным знаниям, но он не поддался. Так он просидел над тануром трое суток. Когда потом он открыл крышку, то в тануре среди золы нашелся маленький кусочек зеленого шакла. Друг хана объяснил ему, что это то, во что превратилась его жена. — „Возьми медный кувшин и поцарапай его этим шаклом“. Когда Абдулла-Хан это сделал, кувшин из медного превратился в золотой. Получилась таким образом возможность иметь столько золота, сколько захочется. Абдулла-Хан после этого быстро сделался царем и на добываемое им золото выстроил все те постройки, которые остались после него.

Указатель*).

- Абдулаа-хан—легенда о нем—94-95.
 Абрикосы—22; их употребление и пишу—24.
 Агма, лотва. См. Обма.
 Акист—употребляется в пищу к югу от Гиндаушна—33.
 Ал—демоническое существо женского рода, вредящее главным образом новорожденным и рожденцам—34, 89-93.
 Алачй—i джадй—название сорта бу-мажной материи—30.
 Албасты (Албастй)—см. Ал.
 Алокй (волости) в Панджшире—10-11.
 Альвйб (الو) — род киселя, имеющего от-ток ритуального значения—59.
 Амuletы—36, 61.
 Анōwā (انوا) селение, первоначально считавшееся самым низким из панджшир-ских селений—3; славится красотой своих юношей—17.
 Аракчи (аракчи)—тюбтойка, посимая мальчиками и жопцами—14, 83, 84.
 Арчб (ارچ) — ночная бабочка, считающаяся душой умершего—55.
 Аристократия, деление на внешее и низшее сословие—13.
 Афсакйа (ام. جلا) — почтенный, выдаю-щийся человек в селении—39, 42.
 Бай-бози (бай-бози)—составные в сти-хах—43.
 Бозу—широкие шерстяные штаны из мест-ной дмотканой материи 16, 28.
 Байб—демоническое существо женского ро-да, вредящее главным образом рожен-цам—87-93.
 Бамиян—путь через него—5.
 Бобовые растения—25.
 Ббй-ччйк—назв. рано цветущего расте-ния Сагаа (Гусиный лук)—79.
 Большая медведица, представление о ней в народных верованиях—65.
 Борйк (بورك), Борак, селение—11, 21.
 Бошй халь—особое сословие, возможно пришельцы—13.
 Брак—см. Свадьба. Внебрачные сно-шения: в старину нес ответственность за них мужчина—80.
 Букниич, Д. Д.—7, 26.
 Быз-каши (بىز-كاشى) — конная игра с козлом 45, 46.
 Венора, ее названия—65.
 Венот—39-40, 42-43.
 Воскйт или Воскай (с англ.) — назв. жн-лета—16, 28.
 Высшее и низшее сословия—13.
 Гаверлаов, М. Ф.—70.
 Гавбрй (گاو بر) — назв. детской колыбели—36.
 Гадй-й кофари (Гадй-й кбфари)—хвост-тые ошцы кафирской породы—27, 30.
 Газак—назв. болезни—34.
 Галя (Галй) («жухое ложе речки») — назв. Млечного пути на языке папаян—64.
 Гячй (چاي) — широкие шаровары на афган-ский лад—16.
 Гораклевский, В. А.—90.
 Горок—25.
 Грйв—название детской куклы в долине Панджшира, иначе называемой «гуди»—69.
 Гуди (гуди)—название детской куклы в долине Панджшира, иначе называемой «грйв»—69.
 Гул-гардбнй—весенняя прогулка за цве-тами—75-79.
 Гурбейд, долина Гурбеда—4, 11.
 Гусиный лук—см. Ббй-ччйк.
 Гынд—родня; поддержка родными при столкновении с посторонними—19.
 Даллак (دالاک) — широким—43, 46, 47.
 Дарй-Хазбрй—боковая долина Пандж-шира, населенная хазарейцами—11.
 Дарйб («Река») название Млечного пути—64.
 Дастёр—данная чама—14.
 Деформирование черепов новоро-жденных их лежанием в колыбелях—36.
 Джабл-ус-Сирадж—V, VI, VII, 12 15, 19, 30.
 Джабзй (جذب) — род панхимы пред вы-ходом тела умершего—53.
 Джудёр—рожь—25.
 Джидй (Elaeagnus hortensis)—22, 87.
 Джит—название демонического существа, вредящего при рождении—36.

* В пределах типографской возможности панджширские названия, встретившиеся в этнографической части работы, приведены в указателе с обозначением удирья и включением некоторых других знаков произношения. Сопоставлено в тексте это не могло быть сделано, так как дополнительные знаки были получены типографией только к копии печатания.

Джойдба-добр-земельная аристократия—13.
 Джодибр-галшатай, посылаемый для союзна жителей—44.
 Джубай-полотнище, подставляемое для сбора символически с дерева ягод тула—23.
 Джуба бурбай-краска ослеза—43.
 Дем-название демоического существа, вредящего роженице—36.
 Демон-иротители при родах—34, 35, 36, См. также "Ал".
 Дербенд, порвал, лежащий на старой дороге в Панджшир (при входе с юга)—8 (прим.).
 Дни счастливые для переталивания масла (по понедельникам и четвергам)—32; для пересок вена (вторник и четверг)—42; для свадьбы (вторник и четверг)—43.
 Душа умершего, показывающаяся в виде лотной бабочки—55.
 Жена в замкнутой семье, взятая из высшего сословия из низшего—13.
 Живает, его поимение и в costume—16; выдвояются из домашней шерстяной материи—28.
 Загадки—86-87.
 Заман-Кур, сел.—4, 9.
 Запид-дамб-жена из высшего класса, замещающая привагированное положение по сравнению с женой из низшего сословия (см. помь-кэрд)—13.
 Зан-и паш-кэрд-жена из низшего сословия, вешая в дом для черной работы—13.
 Заба-название роженицы—34.
 Завыр-ален, льняное масло—26.
 Заван, употребленные при транскрибировании помощников образцов таджикской речи—73.
 Захарство—61.
 Зор-фунда на поминках—54.
 Зулф-аюк, носимый новобрачной порное время по ее мужеству—47.
 Игры детские—68-69.
 Избр-панталон (штаны) из легкой материи—16.
 Имена, даваемые ребенку при рождении—36.
 Ирригационные каналы—22.
 Испад-название растения (Regalium Natgala), предохраняющего от злых духов—35 (прим.).
 Ишван-помощи при сельских работах—24, 25; при валии сукна—23.
 Кадам лрби-тип мазара, воздигаемого на месте, где нет тела самого святого, но где ливший святой останавливался—56.
 Кавре-сельское общество, состоящее из нескольких разбросанных кучек домов—74 (прим.).
 Кабб-домочатая бумажная белая материя, бляз—29, 33.
 Касид-хон-теку заговоров ("касид")—62.

Катамар-церемониймейстер на свадебном пируше—58.
 Кат-деревянная пласочка, употребляемая для измерения молока—31.
 Кафры-см. "Синдузи"; кафры-обмусульманившиеся, проживающие в верховьях Панджшира—10.
 Кафирские породы скота в Панджшире—29.
 Кичкин (Кичкин)→ древнее название Панджшира—85; развалины города Кичкин—9.
 Коамбаль—35.
 Корап, держащийся в доме для отогнания злых духов—64.
 Корабэ-танец с пожом—47.
 Котам чугуны, ввозимые из России—30, 46.
 Кугедай-родовое название, встречающееся среди жителей сел. Тахта-Санг (долина Хиньджана)—12 (прим.).
 Куля, ее устройство и название—68-69.
 Кукурзуа—24.
 Кукшья-размыскивает своего пропавшего сына—97.
 Куя-плата за пролутую кровь—19, 20.
 Кургиз-Вобб, синтаудийский родоначальником кугедай, проживающих в с. Тахта Санг (долина Хиньджан)—12.
 Курбба (Кур-Оба), самое низкое в настоящее время селение в Панджшире, жители которого говорят на я. парачи—3, 4, 7.
 Курдан-рубатка—15, 41 ("кмыта").
 Куче-котушение армян из разных родов—18, 19.
 Кхынг-и сибб ббл (Jy d- dlyr)-название акста—33.
 Кхмырг-охота с облавой—33.
 Кынбай-помолвка—40-41.
 Кынпир дэр-рб-см. Оджэ.
 Летние пастбища, называемые "брыч"
 Лечение болезней—60-62.
 Лбл (топьяны)-песовая прогулка за топьянами—79.
 Лучицы для освещения их употребление в Кафиристане—26.
 Льям-песовы под дождь—22.
 Лянтар-Хан, последний насаемый правитель Панджшира—9.
 Мазар мазар пяти патронов Панджшира—8; поколение мазар вообще—56-59.
 Мьдур-низшее сословие—13.
 Марз, свелюп—11, 21.
 Марту-другое название демоического существа Ал—90.
 Мьяк-назв. свежего коровьего масла—32.
 Мьяк растительные—26.
 Масло коровы—29, 32. Масло, как магическое средство—34.
 Матуб, селение—20.
 Майское дерево-правдник майского дерева в Средней Азии—79.
 Меры торговли—29 (прим.).

Мякотный путь-представления о нем в народных верованиях—64.
 Могла-и-е устройство—52, 54.
 Молда-род кулпая, приготовляемого из измольного хлеба с маслом—46.
 Молочные артели—31, 32.
 Момб-бабушка; мифический образ в народных повериях—65, 67.
 Молда-Ситбелла-рестоню, из корней которого добывается алая краска, называемая в Индии ал—89.
 Мосты-перечень 26 местов через р. Панджшир—7.
 Му-бидак-подвески, привязываемые к женским косам—47.
 Милб-название одной маперы напертия чланы—15.
 Нааккиви, В. П.—87.
 Нас-название несчастливого народа, наступающего перед Шаурузом (Новым годом)—32.
 Новиность пелести, ее доказательство—50.
 Нок-па-наименование хозарейфа, проживающего ниже Таала и Барфака—11 (прим.).
 Никб (лж)-брачный обряд—48.
 Нишб-и афб-отметки календарного характера на стене пугры дома, обозначающие высоту в тот или другой день года солнечного луча, проникающего через окошко и падающего на стену. Такие отметки служат для узнавания приближения или наступления тех или других обозначенных, выходящихся дней в году—66.
 Нон-и чев-р-кукрузный хлеб—75.
 Нон-и брүс ("хлеб пелести")—хлеб, пекущийся на восьмой день после свадьбы—50.
 Нос-характерные черты красивого носа по повериям панджширцев—80.
 Ого-и, отношение к нему—63.
 Ожм-аютка на горных пастбищах—24, 31, (прим.).
 Оджэ-название периода, предшествующего новому году (Шаурузу)—67.
 Ожджа—14-17.
 Озы-небольшие ярдыки из теста, вероного на масле—47, 49.
 Оломост (Омист)-см. Ал, Албасты.
 Оло (Ол)-малая сляма—22.
 Ориамогт-название различных узоров—69-71.
 Обстэ-селение, связавшее красотой и темпераментом своих женщин—17.
 Охота—33.
 Панталоны, их устройство—16.
 Парачи-особый язык, на котором говорят в долине Штогуль и сел. Куроба в Панджшире—34 (прим.).
 Пар-название демоического существа, имеющего отношение к рождению—36. Прозывание лари при лечении—61.
 Пар-и-и-долина в самой верхней части Панджшира—11, 18, 21; сел. Пар-и—69.
 Пата-патайский язык—VI, 4 (прим.), 64.

Пещерера, Е. М.—31, 79, 94.
 Пешбз-название молочной артели—31.
 Пешотар-назв. жондичи-участиями молочной артели—31.
 Пешотай-сосу, употребляемый для изготовления кислого молока, а также сосуда, служащий для измерения молока—31.
 Пеш-Гур, селение—21.
 Пеш-кэрд-жена бурдывшая в дом для черной работы—13.
 Пой-б (лж) —тип мазара, воздигаемого на месте, где нет тела святого, но где ливший святой останавливался—56.
 Пей-б-и или пей-печ-портники—17.
 Поминки—54-55.
 Помолвка—40-41.
 Помочи при сельских работах, называемые "брыч"—24-25; тоже при валии сукна—29.
 Портянки в панджширском costume—17.
 Прур-удобрение, выносимое на поля—24, 25.
 Порохоры—52-55.
 Приветствие при входе в дом—63-64.
 Прогулка весенняя по цветам—75.
 Провища наемные, даваемые жителям различных селений их соседями—20, 21.
 Просоо—26.
 Рагда (рагда)-домочатая шерстяная материя—16, 22.
 Радения суйского характера, устраняемые шпаны ("мирнати")—60.
 Радовые долины в Панджшире и соседних долинах—11, 12, 13.
 Раждоня ребенка—34-37.
 Рб-и кбурдагар ("Путь невздуши солому"); название Млечного пути—64.
 Рбстак-название покроя (панталон) шпаны, шпандиса не очень широкого—16.
 Рбшм-к, тип рубатки—15.
 Руд-и-джуб ("رود و جوب")-род пелести—43, 46, 47, 49, 58.
 Рудан-и-ау-первая выделка масла весной—88.
 Савп, его устройство—53.
 Савбар-г-род дикой розы или макротового шпюныка—79.
 Сав-и-гу-название прогулки молодежи, устраиваемой в период цветения полевых цветов—75.
 Салл-тюрбан, чалма, несколько более короткая, чем "дустар"—14-15.
 Салбк-приветствие—63-64.
 Сар-та-хб-доказательство невинности новости в брачную ночь—41.
 Сар-шб-и-название рубатки с разрезом ворота от плеча к плечу—15.
 Сата-и-амани ("Семь братьев")-название созвездия Большой Медведицы—65 (прим.).
 Сабел-Чир, селение—18, 20.
 Саф-и-д-и-название сорта пшеницы, сходящей весной—25.
 Свадба—38-51, 58.

Свечи самодельные в верховьях р. Панджир — 26 (примечание).
 Со-поја-и Бибі („Бабушкин тревожник“) — название одного созвездия — 66.
 Сійбі, высшее сословие — 13.
 Сича — слово, употребляемое в значении: „чуждый“, „сватаный“ — 59.
 Сча-и мазорі — приношение женщинами маляру риз в году дневного удоя — 59.
 Сяпуши — воспоминание панджширцев об их побегах на Панджшир — 9-10.
 Скотоводство — 27.
 Смерть и похороны — 52-55.
 Солдествояние летнее и зимнее в народном календаре — 66-67.
 Соль — вывоз ее из Каттагана — 30, 31.
 Солявик: долина Соляныга — 6, 11; персона Солыак — 5, 6.
 Сбн — название принозного колесника — 53.
 Ссолояныне делаяны — 13.
 Сбт (سبت) — счастливый час — 32 (см. „Дни счастливые“).
 Старч — деревянный наконечник пуга — 22.
 „Старуха“ — в мифических представлениях. См. „Мойба“.
 Ступа — деревянная колотушка, замещающая цоп при обмолачивании хлеба — 29.
 Суртак — название сорта пшеницы, употребляемой на основном посеве — 25.
 Сумкии, П. П. — 71.
 Счастливые дни. — см. „Дни счастливые“.
 Сынджид — джид (Elezgans hortensis) — 22, 75.
 Та'виз — назв. амулета — 61.
 Талхбн — толокно из туты (пшеницы) — 23, 75.
 Тарбузубн — название одного созвездия — 65.
 Тарс — название демона страха — 61 (примечание).
 Тарс-і бим (ترس بيم) — название демонических существ, вредящих режнице — 35, 61.
 Тарс-заи — название шакарки, действующей силой пари — 61.
 Тахт — завязь, за которым сидит невеста — 47.
 Тень покойника, остающаяся в его доме в течение трех дней после смерти — 36, 52.
 Тирамбн — название озимой пшеницы — 25.
 Тира-тау — название маперы наверхтыных чалмы — 15.
 Тирк-киш — бобинки для обстрела, имеющиеся в стенах домов — 19.
 Тббўт (طابوت) — похоронные носилки — 53.
 Тб'виз (مريد) — название амулета — 36.
 Тонд — несчастливые прозвища, клочки, даваемые жителям тех или других селений их соседями — 23, 21.
 Торголак — 29-30.
 Тумбр (طربن) — название амулета — 36.

Тут. (пшеница) — разведение и роль в обиходе — 22-23; питание тутом действует горячее — 24, 74.
 Тушги-и охират (туша-и охират) — „путьной запас в местности“ — три ведра воды, капающие в рот умирающему — 52.
 Тылд — боковая долина в верхней части Панджшира — 10, 11.
 Тымббн — женские шаровары — 41.
 Тышьяк — название кушанья, приготовляемого из пшеницы и муки — 33.
 Тюбитейка — 15.
 Уджауз — см. Оджауз.
 Удобрение, выносимое на посевы — 24, 25.
 Узоры — см. Орнамент.
 Фирблж, селение — 19, 21.
 Хабибулла-Хан. Приблизительно им своего титула (سراج الملك والدين) и именным важным или любимым им предметом и предприятий — 16, 17 (примечание).
 Хавак (Хавык) — перевал — 5, 6-7, 18.
 Хавак (Хавык) — одно из самых верхних селений в Панджшире — 3, 11.
 Хаварейцы в боковых долинах Панджшира — 10, 11.
 Ходжи Ахмад-Яр, влиятельный панджширский хан — 85, 86.
 Характер панджширцев — 17.
 Хасак — название сорта туты — 23.
 „Хуш“ — куна, плата за пролитую кровь — 19, 20.
 Хэль — характер хэлей (клянов, колен) в Панджшире — 11.
 Чакхиз — шерстяные халаты — 28.
 Чалаки — название лучшего сорта шерстяных халатов, выдаваемых в Панджшире — 28.
 Чалма (тырбаг) — 14.
 Чалпак — род баясов, имеющих отенок ритуального значения — 41, 54, 59.
 Чанворі — способ расстреливания, при котором ноги расстреливаемых привязываются к колу, вбитому в землю — 19.
 Чардд — название дикой горной индейки, называемой в Туркестане Улар (Megapodix himalayensis, tibetana) — 33.
 Чархд — прыгака — 28.
 Чинчдбэз (назв. „чумчд ббэз“) — плавание на реке, где плывец одной рукой держится за надутый кожаный мех, а другой гребет — 81.
 Чиж — игра в чиж — 68.
 Чирбу-кышак („тумские огни“) — неожиданное, шутливое тушение огня для забавы на собраниях мужчин при праздновании свадьбы — 50.
 Чирдз (чирб) — светильник — 26, 57.
 Чиселюность населения Панджшира — 10.
 Чобдыр — название головного платка — 41.
 Чблбб-и ваирбдд („Разрушенная кровля“) — название созвездия Большой Медведицы — 65.

Чбр-карлїд — название административного района в верхней части Панджшира, состоящего из четырех селений — 11.
 Чурсиц, Г. Ф. — 90.
 Шаһид — человек, убиваемый на войне как погибший случайно — 58.
 Шаджард (شجره) — генеалогическое древо. Необходимо иметь такое древо (мираб) — 60.
 Шамакство — отсутствие его следов в Панджшире — 60-61.
 Шаковиза — см. тут.
 Шиньгарі — умыканье довец и замужних женщин — 38, 39.
 Шіалік — название залпа из ружей — 45.

Шіһид — афганское название демонического существа женского рода, иначе называемого Алд — 35, 90.
 Шіб („князь“) — название князя на панджширской свадьбе — 46.
 Шіб-воіб — поэмание, участники свадебного поезда — 46.
 Шібічт — свадебный поезд — 58.
 Шіб-салім — норное посещение новобрачной парой родителей жены — 50.
 Шіуіт — смыкание чернил с написанных заговоров для того, чтобы полученную воду дать выпить больному — 61.
 Шяфтал — персидский клевер — 26.
 Яхані (Jahani) — ворот рубашки — 15.
 Ячмень, его посевы — 25.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
I	
Предисловие	V-VIII
I. Некоторые географические данные. — Хивакий перевал. — Мосты. — Происхождение названия долины Панджшир. — Исторические предания. — Панджширцы — таджики. — Административное и родовое деление. — Сословное деление	3—13
II. Одежда. — Нравы и характер панджширцев. — Насмешливо прозвища жителей разных селений	14—21
III. Характер земледелия. — Садоводство. — Посевы разных хлебных и других растений	22—26
IV. Скотоводство. — Шерстяные изделия. — Торговля. — Молочное хозяйство. — Охота	27—33
V. Рождение ребенка и сопровождающие его обычаи и верования. — Колыбель. — Имена мужские и женские	34—37
VI. Свадьба и свадебные обычаи	38—51
VII. Похороны. — Форма могил. — Отношение к покойникам	52—55
VIII. Мазары. — Их роль в жизни панджширцев. — Ишаны („миры“). Лечение болезней, знахарство	56—62
IX. Остатки древних верований и воззрений. — Детские игры. — Куклы. — Орнамент	63—71
II.	
Образцы панджширского наречия	72—95
Указатель	97—101

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Следует.
VII	12 снизу	шведского	норвежского
4	12 снизу	многогрешны	многогрешным
24	20 сверху	„ячмень и пшеница“.	„ячмень и бобы“.
35	16	جرم	جرم
38	13	джувони	джувони
40	8	„сijo сар...“	„сijo сар...“